

александр аршуков

Когда Жребий
падёт на тебя

16+

Александр Аршуков

Когда Жребий падёт на тебя

«Автор»

2017

Аршуков А.

Когда Жребий падёт на тебя / А. Аршуков — «Автор», 2017

Это остросюжетный фэнтезийный триллер, написанный лёгким увлекательным языком. Человек, владеющий экстрасенсорными способностями и страдающий потерей памяти, в полнолуние патрулирует улицы и спасает людей от хулиганов и бандитов. В один из рейдов он спасает девушку, которая предупреждает его, что за ним охотится Подразделение "Ы", или Контора - тайная организация по изучению паранормальных явлений. Герою, его помощнику и девушке приходится бежать. Так начинаются приключения, которые заведут героев за границы возможного. Остросюжетная линия книги заставит читателя с трудом отрываться от книги на перерывы.

© Аршуков А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Часть 1	6
Часть 2.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Посвящаю всем и своим женщинам
Автор

*Вопреки здравому смыслу
чудеса иногда случаются.*

Часть 1

Встреча. Начало

Воин.

24 августа, 01:13.

Ночь. Чернота повисла над землёй. Она выползла из темных подвалов и подворотен и заполнила полмира. Казалось бы, всего лишь полуоборот планеты вокруг оси, а какая разница между двумя мирами: дневным и ночным. Голубое небо, граница Земли, гарант того, что люди – цари природы; и бескрайняя тьма, где чувствуешь себя соринкой в глазу, жалким ничтожеством один на один с окружающей твой мир Темнотой. Она была бы абсолютной, если бы не полная луна – негатив огромного зрачка, гипнотически глядящего из Тьмы. Волки, вероятно, видя над собой зрак луны, воют, чтобы спугнуть этот глаз, заставить его моргнуть или отвести взгляд. И чем больше страх, тем громче вой-молитва. Но волки в лесу, а здесь меня окружают погруженные в ночь «хрущёвки», столбы со слепыми фонарями, да насаждения лип и тополей, создающие густую чёрную тень. И есть ещё сущности под полной луной куда более опасные, нежели волки. В лесу этих сущностей нет, они здесь – в городе.

Я стараюсь придерживаться теней под деревьями, и, одетый во все чёрное, сливаюсь с ними. В этих тенях копошится много всякой нечисти. Кишат. Но мне они не страшны. Наоборот, они бегут, и прячутся от моего взгляда, испуганно высовывая свои рыльца из-за древесных стволов и кустов. А все потому, что я их вижу, знаю об их существовании. Обычному человеку очень опасно ходить ночью в тени. Особенно пьяному. Скачут по бедняге бесенята мелкие, с ладонь. И пока скачут, потихоньку растут. Если я в такие моменты случаясь рядом, то пьянчужке повезло: я бесов отпугну и доставлю его домой. А если не случусь...

Бывает, падает пьяный без памяти. Тут бесенятам – раздолье. Такую они на нём чехарду разведут, такой хай устроят. Прыгают, визжат, кличут беду. А беда недалеко ходит. Не успеешь моргнуть, а мелкие твари зазвали бесов покрупнее: к этому проспиртованному телу подходит несколько молодых волчат – парней юношеского возраста. И у каждого на шее по бесу с крупного кота сидит, прорастают сквозь них корнями. Науськивают этих недорослей на тёмные дела, от которых растут и прорастают в людях.

И тут появляюсь я. Во всем чёрном. На лице чёрная вязаная шапка с прорезьями для глаз. Из-под чёрного капюшона с темечка надвигаю на лицо белую венецианскую маску. Очень эффектная вещь – белая венецианская маска на фигуре в чёрном. Тем более, что глаза вырезаны большие треугольные, как у инопланетян из фильмов. Это для того, чтобы маска не мешала осмотру, и для пушного эффекта. В такие моменты я невольно представляю себя голливудским суперменом, становится даже смешно.

В лучшем случае хулиганы с мелкой нечистью на заливках от одного моего вида разбегаются в жутком страхе. А есть экземпляры побольше и понаглее, которые сомневаются в серьёзности моей фигуры и пытаются смеяться и качать права. Таким необходимо давать по рогам. Для этого имеется у меня некоторый арсенал.

Во-первых, это тычковый нож. Он пристегнут к щиколотке. Его удобно достать, сжать в кулаке. Вреда он много не принесёт, и хорошо. Зачем мне причинять большой вред этим отморозкам. Но больно им точно будет. Через боль и покаяние уходят бесы из людских душ.

Во-вторых, кастет, что я нашёл в парке. Обронил, наверное, какой-то гопник в бурные девяностые. При виде такого инструмента пропадает желание пробовать его действие на собственной шкуре. Его наполовину сточенные конусы своей отчётливой откровенностью вызывают мурашки при одной только мысли о соприкосновении с этой штукой.

А для особо круторогих у меня есть алюминиевая бейсбольная бита. Она обмотана чёрной тканью для маскировки, и чтобы не сильно калечить пациентов. Есть ещё и другие мелкие примочки, рассованные по многочисленным карманам. Но эти инструменты у меня скорее для психологического эффекта. Я их ещё по серьёзному ни разу в ход не пускал, кастет использовал, когда больше трёх человек, когда некогда возиться. А так хватало только показать мои игрушки. Да и ногами-руками я достаточно наловчился махать ещё в юности на секции рукопашного боя. С этими бесенятами я справляюсь на раз.

Раньше от бесов эффективно помогал мат. Это были особые слова. Их не использовали. Нигде и никогда их нельзя было произносить. Их сдерживали, не давая им выхода, прятали от чужих ушей, заряжая, как аккумулятор именно для таких крайних случаев. Когда встречаешься с нечистой силой. Мат работал как оберег. Если ты держал эти слова в себе годами, то их энергия могла отпугнуть самого Сатану. Но это было раньше. Постепенно бесы узнали эти слова и стали через людей употреблять мат все чаще и чаще. От частого употребления вся магическая энергия из этих слов испарилась. И стали эти слова из оберега мусором. Теперь вряд ли испугаешь нечисть матерными выражениями. Лишь рассмеются, да злее станут, подрастут. Так что приходится полагаться на грубую силу.

Вот таким образом по ночам в полнолуние я патрулирую улицы. В тех местах, где никогда не встретишь милицейской формы. Мне встречаться с ними не резон. Среди них есть те ещё упыри. Это в которых бесы проросли насквозь, полностью заменили всё человеческое. А фуражками они рога прикрывают. Я видел. Я много их перевидал. Бесы рождаются от темных дел, а иногда и от темных мыслей. Люди порождают их.

Я устал на них смотреть. И уже в пятом городе каждое полнолуние я совершаю свои рейды. Последнюю пару лет. Прятаться больше не могу.

Бесы выглядят весьма неэстетично. Мелкие, вообще, похожи на фекалии. Они выглядят как грубо слепленные фигурки полулюдей-полуобезьян, полулюдей-полукозлов, полулюдей-полу... их там целая фауна. У всех у них есть подобие интеллекта, как у некоторых умных животных. Они вылезают из брошенных и битых бутылок, банок и прочего разносортного мусора. Эти неопасные, достаточно мусор убрать, и они исчезнут или, когда кошка будет проходить мимо и передует их. Они однополые, ещё не хватало, чтобы они сами размножались. Но, когда мусора много, их скапливается достаточно, чтобы нападать на людей. А если у человека есть какая-то прореха в душе, и он, к примеру, покурил, и пачку под ноги бросил, вот он – бесёнок – скок на него, на шею – прорасти. И если пачку никто не уберёт, там ещё гадина заведётся и будет ночами по теням скакать в поисках дырявой души. Так что всегда думать надо, что делаешь.

Люди этого не видят и цепляют этих бесов одного за другим. Нагрубил, подумал зло и уже породил и нацепил на себя кучку фекалий в тонком мире. Как говорил мой комбат: в дерьмо легко вляпаться, да непросто от него отмыться. Потом бес, когда на шею сядет, начинает вращаться в человека, пока его не заменит. Оболочка человеческая, а внутри – бес сидит. Эти самые страшные и опасные. От них молитвами и хорошими делами не избавишься. Человек должен пройти через мытарства, пострадать. Если не авария с комой, то тяжёлая болезнь. Если не потеря самых близких людей, то тюрьма. Так что, каким-то образом я занимаюсь профилактикой.

У бесов есть своеобразная иерархия, её полностью перенял криминалитет...

24 августа, 02:03

Луна льёт серебро так сильно, что деревья создают абсолютно черные тени, а всё, что на свету, лучится мягким серым сиянием. Этот мощный поток не могут перебить даже редкие в этот час окна, горящие в мрачных глыбах пятиэтажек. Они ничего не освещают, это только жёлтые пятна во мраке. Моя фигура тонет в тени, и я невидим. Нечисть порскает от

меня как стая воробьёв. Чёрный «мартенс» хрустит битым бутылочным стеклом. Достая из кармана мусорный пакет, убираю «розочку» и осколки. Чтобы негде было гнездиться тварям. Пакет кладу в рюкзак. Выброшу в мусорный бак. Я смотрю в сторону замерших в семи метрах бесенят, и они с визгом исчезают во мраке.

Я много могу рассказать о бесах, я их много перевидал. Начал видеть их после того как вышел из комы. Я был призван в армию. В элитные войска в силу моей крепкой комплекции и навыков «рукопашки». В «учебке» я подрался, и кто-то приложил меня табуретом по затылку. Потом кома. Тот неизвестный табуретом мне череп проломил, у меня теперь затылок – титановая пластина. Такие в ракетостроении используют. Из комы я вышел спустя двадцать девять месяцев в госпитале. Тогда-то и стал видеть их. Каким-то боковым зрением, на периферии. Если глаза скосить, глядя сквозь переносицу, то начинаешь видеть. Теперь я понимаю, почему, когда человек человеку не доверяет, он на него глаз косит. Видит в нём что-то этакое. Только в полнолуние вижу бесов хорошо, глядя прямо на них. Я, когда их увидел, не испугался, я уже знал. Какое-то сидело во мне знание. Я вижу, как у них тут все работает. Знаю. А вот прошлого совсем не помню. Вернее, не помню себя в этом прошлом. Помню, например, что говорил комбат, а лица его не помню. Помню все приёмы из боевых искусств, а тренера и тренировок не помню. Ко мне приводили пару, сказали – мои родители. Я их не узнал. На мужчине сидел большой бес, был этот мужчина наделён властью и много злых дел совершил. А женщина была какая-то забитая, обиженная этим мужчиной. Обиды тоже порождают бесов, кстати. Эти ещё гаже, чем мелкие, мусорные. Обиженный человек много разных мерзостей думает. Эта, которую называли моей матерью, например, хотела сделать что-то плохое любовнице мужчины, как бы отца. И у ревности есть бесы.

Ещё приходили люди, интересовались мной. Я их тоже никого не помню. Ох, эти были жуткие. Были уже бесы во плоти, причём, очень высокого ранга. Им убить человека, как до ветру сходить. Прямая задача бесов во плоти извести как можно больше людей. И с этими уже не работает ничего, кроме смерти. Что меня связывало с этими людьми, я не знаю, точнее, не помню. Но, если они мной интересовались, значит, знали меня. И я их знал. Но это неважно. Наверное, какие-нибудь сержанты из моей роты. Главное, что я знал в ту минуту: нельзя выказывать тревоги или страха. Я был в гуще всего этого бесовского супа, и нужно было держать себя в руках, чтобы они не заметили. Не заподозрили, что я их вижу. Одним словом, я прикинулся дурачком. Что было совсем не сложно с травмой головы. Не заметили.

Я ещё полгода провалялся в госпитале, потом в псих-диспансере какое-то время, точно не помню – фармацевтика у них убойная, и вышел в мир с первой группой инвалидности. Мне назначили пенсию. И забыли о моем существовании. А это самое главное. Мне удалось перехитрить бесов. И уйти на дно. На хорошую работу с такой группой никто не возьмёт. Да и бывает ли работа хорошей? Однажды мой друг устроил меня на полставки в рекламное агентство дизайнером. Не думайте, что я с первой группой инвалидности был пускающим слюни дурачком. Я очень быстро учился новшествами технологического бума. С компьютерами и всяким софтом я разобрался на раз, а когда начался интернет... У меня было много времени, чтобы учиться. В этом агентстве я не отходил от компьютера: там жуткие монстры работали! Вот где бесы, каких я до того не видывал! Долго я, конечно, не продержался. Однажды два рекламных агента, нанюхавшись «дури», стали цепляться ко мне. Конечно, после комы, госпиталя и «психушки» я был уже далеко не тот молодец, которого призвали в элитные войска. Но моторная память, что ни говори, осталась, и я урезонил их немного... Мне пришлось в спешке покинуть это место, так как не хотелось встречаться со стражами закона – они опять упекли бы меня в «психушку», а с их убойной фармацевтикой оттуда бы я уже не вышел. Так что я сбежал.

В городе, где я сейчас, у меня тоже есть друг, я помог ему однажды. Но до этого он помог мне. Я тогда заметал следы: ездил по городам, помогал людям, они помогали мне. За десять

последних лет сменил множество городов, не больше года в каждом, чтобы не засекали. Я приехал в этот областной центр и искал жилплощадь. Сразу после вокзала я обошёл агентства недвижимости и нашёл в одном из них риелтора. Я знал, что он поможет. Меня будто кто-то за руку к нему подвёл. Это был Иван. Я спросил его, нет ли где-нибудь в городе квартиры, где никто не хочет жить. Из-за того, что там случилось что-то жуткое или нечистое и теперь там живут привидения. Станный, конечно, вопрос. Но я знал, кому его задать. Иван интересовался эзотерикой, и ввиду своего места работы знал о таких местах. В одной из таких квартир я поселился.

В этой «двушке» один ревнивец убил любовника жены, жену и покончил с собой. Перед этим он их пытал, потом покромсал опасной бритвой и повесился. В спальне, где был убит любовник, время от времени раздаётся грохот, в коридоре, где нашли жену возникают области с минусовой температурой, а из потолка над люстрой, где на крюке висел ревнивец, ни с того ни с сего течёт вода. Даже священник не помогал, назавтра все повторялось. Понятно, что никто не мог жить в такой квартире. А я могу. Как? Не знаю. Может моя энергетика сильнее их, как свет сильнее мрака. Или потому, что со мной живут кошки...

24 августа, 02:59

Теперь путь ведёт меня через одноэтажные, обнесённые глухим забором дома частного сектора. Здесь вообще нет искусственного света. Только луна. В такой час спят даже собаки. Вдруг я вижу движение, сжимаю кастет в кармане. Собака. Эта не спит. Остановилась. Смотрит на меня. Иди, собака, я не за тобой. Пёс пробежал мимо. Потом вернулся и увязался следом. Шёл, молча, слева параллельным курсом. Принял за своего. Я слышал, что собака на генетическом уровне прикрывает человеку слабую невооружённую сторону. А ещё я слышал, что собака иногда берёт себе в попутчики человека, чтобы пройти территорию конкурента. Пользуется защитой сильного, охраняя его при этом. Собаки хорошие животные. Они лучше всех чувствуют бесов, но в драку с ними не вступят – убегут. Бесы могут оседлать их, сделать бешеными. Только в кошку они не могут вселиться.

Вообще-то, этим миром правят бесы. Постепенно, не спеша, они захватывали всё вокруг. Долгие века. А в XX веке нечистые активизировались. К тому времени пасьянс, раскладываемый дьяволом, сошёл. Кто сможет сказать, когда сам Сатана успел вселить беса в невинных деток из Симбирска, Гори и деревни Рансхофен? С чего началась оккупация их душ бесами? В каком облике предстал он перед чистыми ещё душами? В облике жестокого пьяного папаша, или строгой бесчувственной матери с пуританской моралью? И потом, укоренившиеся в них бесы размножились растлением. А после предстали неисчислимы миллионы жертв бандитских режимов, оттачивавших мастерство убийц, уничтожавших людей и народы ради изуверской бесовской идеи. Они во плоти отлично проредили свой огород, научили мир цинизму и страху, нарожали легион себе подобных. И скакали бесы по людишкам, веселились на крови, купались в ней. После их свистопляски мир стал бешено меняться. Сменили и нечистые свою тактику. Разбили мир на лагеря-антагонисты и заварили кашу: партии, деньги, президенты, учёные, войны, кризисы, режиссёры, террористы, банки, ТВ. Это – наша реальность. Бесы препарировали магию и заменили её наукой. Мы пользуемся достижениями науки. Удобно. В итоге все меньше созидательной деятельности, кроме погони за прогрессом с его гаджетами. Бесы препарировали культуру и заменили её псевдокультурой поклонения золотому тельцу. В итоге ширпотреб и попса заполонило умы. И пасут бесы своё стадо, хлеща его по мозгам излучением из своего магического кристалла – телевизора. Я телевизор не могу смотреть, так, включаю иногда, ради разведки. Не проходит и двух минут, как снова становится мой ящик идеальным параллелограммом, мёртвым и неопасным. Бабуля, у которой я некоторое время скрывался, накрывала экран телевизора каким-то тюлем, видимо опасаясь этого колдовства. И была права.

Бабуля многому меня научила. Я как сбежал, сразу к ней. Как собаку нюх меня на неё вывел. И она меня приняла, как родного. Увидела, глазом смерила и в дом повела. Её в деревне ведьмой считали, но душа у неё чистая, светлая. Познавала мир, лечила людей. Гербарий был у неё хороший. Она меня травами выходила, да мёдами выпоила. Только вот массу я никак не хочу набирать, каланча худая, видимо что-то резали в мозгу эскулапы, да затронули центр, который за это отвечает. А заодно затронули что-то, позволяющее мне видеть их, бесов мерзких.

Бабуля меня любила, и я её тоже. Она мне подсказывала, помогала развивать ещё одно приобретение после комы – способность лечить людей. Она увидела во мне этот дар. Мне бы больше времени рядом с ней пожить, но надо было скрываться. Деревня маленькая, всё на виду. Настучала на меня и Бабулю какая-то дрянь в райотдел. Приехал участковый. Здоровенный кирпичнорожий балбес лет тридцати с восьмилетним образованием, курсами повышения квалификации, твердым рефлексом волкодава и недобрым цепким взглядом. Привыкший щемить бездомных, обирать пьяных, «крышевать» нищих и наркодилеров. Впёрся кирпичнорожий в хату, всё жизненное пространство занял. Поступил, говорит, сигнал, что прячете вы, гражданка, какого-то человека. Может, беглый какой. Бабуля меня ему показала, он со своими ориентировками меня сличил, но не совпал я. Это, говорит Бабуля, мой внучатый племянник, в аварию попал, лечу его. Сержант убрался, но Бабуля велела мне собираться и ехать к её знакомому, пациенту бывшему, очень ей обязанному. Езжай, говорит, к нему, ищут тебя, у участкового на карточке ты был, я ему глаз-то и отвела. Поехал я. Её пациент, бывший уголовник, раскаявшийся в своих чёрных делах, выправил мне пластику лица и новые документы, где был я Непомнящий Сергей Филиппович, такого-то года, родился там-то. Теперь мой путь мне виден более-менее надолго. Буду ездить по городам, и лечить там людей, выгонять из них бесов. Вот моя работа, она не требует паспортов и кассовых чеков. Он сделал всё хорошо. Поблагодарил я его. Он предложил остаться, но я отказался. Так и начались мои скитания...

24 августа, 03:30

Уже довольно поздно. Луна прошла зенит и уже не давит своим светом так интенсивно. Уже давно за полночь, а я ещё не встретил ни одного бесноватого. Странно: все мои рейды были результативными, а их у меня было около двух десятков. В нескольких случаях приходилось применять силу: помахать ногами и руками. Свой арсенал, кроме кастета я ещё не использовал ни разу. Только демонстрировал. Демонстрация силы лучше её применения. Страх перед болью сильнее боли. Были, конечно, смельчаки, не убоявшиеся ножа и кастета, но такие быстро вырубались, так сказать, вручную. Кастет нужен, когда их много, когда они наглы от безнаказанности. Но это всего лишь наглость, а не смелость. Хватает по удару свинчаткой одному-другому, самым наглым, самым опасным, чтобы остальные разбежались. А эти оставались валяться, корчась от боли. Что ж, поделом. Для их же душ полезно. Больные у них души, бесноватые. Я стараюсь наносить удар точно и гуманно, чтобы не повредить жизненно-важных органов. Хоп! У этого сломано ребро. Я слышу это по характерному «хруп». И это слышат все. Хоп! У этого трещит ключица. И он начинает скулить. Всё! Остальные бегут. Угроза предотвращена. Страх перед болью сильнее боли. А эти на земле, что? Уже совсем не помнят о своих чёрных замыслах, двигавших ими мгновение назад? Как быть с ними? А никак. Они уже получили своё. Бесы повержены, ибо, когда человеку больно, он охотно и искренне кается в совершенном зле. И нечистый дух оставляет его. Чтобы всё было хорошо, вызываю «скорую» по их же мобильникам.

Было семь таких боёв. В каком-то из них одному гаду, бившему ногами лежащего, я сломал ногу. Жестоко? Не думаю. Лучше сломать ногу, чем судьбу. Пусть походит на костылях, подумает о жизни, полечит душу, глядишь, и оставит свои прежние занятия, за ум возьмётся. А те, что разбежались, посмотрят на пример лидеров и уже побоятся творить зло дальше. Это как

в детстве хватаешься по незнанию за горячий утюг, обжигаешься, и уже дальше за холодный братья опасаться. Дело в том, что, изгнав из себя беса, эти люди получают как бы иммунитет. И, таким образом, становится на борьбу с нечистью. Ну, как "на борьбу" ... не связываться с ними – уже борьба. Нечисть может закрыть их в тюрьмы, искалечить, убить, но никогда больше не овладеет их душой. Так что, своей деятельностью я доволен, и, делая этим негодьям больно, я оказываю им услугу, ибо наношу удар, любя, по-отечески. Учю уму-разуму. Боже, прости. Да будет воля Твоя.

Два города назад у меня был друг. Очень светлый человек. Такие люди нужны. Они поддерживают баланс сил Добра и Зла. Он был писатель. И преломлял в радугу унылый луч действительности через призму своей души. Он держал в гармонии мир вокруг себя. Жаль, что немногим повезло читать его. Он сомневался в написании каждой фразы, каждой запятой. Зато он мог отстоять каждое слово, каждое выражение в своих твореньях. Он был Творец. А Творец значительнее Героя – он создаёт Миры. Его забила до смерти толпа бешеных мразей. Поймала на улице, идущего домой поздно вечером. Они забавлялись, топчя его. А он, наверное, кричал им о том, что люди не должны так делать, ибо они теряют тогда право называться людьми. Они ржали в ответ, и пинками в живот отправляли его тело соседу, навстречу новым ударам. Он говорил срывающимся голосом, что это будет висеть над ними и их детьми. А они в ответ били его с ноги в промежность и хихикали, глядя, как его скручивает в судорогах и рвоте. Они почуяли кровь и затоптали его. Безжалостно с весёлым гиканьем. Я не успел. Если бы я успел! Его звали Андрей. Когда я увидел его тело в морге, сознание покинуло меня для того, чтобы получить подробные инструкции. Я был в отключке не более минуты. Сколько понадобится времени, чтобы намочить ватку нашатырём и сунуть под нос человеку в обмороке? Но за этот краткий срок я получил такой объем информации, будто прошёл двухнедельный курс с лекциями, тренировками и инструктажами. Со мной говорил Глас. Нет сомнений, что это был Создатель, Тот, кто подарил мне жизнь. После этого случая в ближайшее полнолуние я вышел на патрулирование улиц. Во всех инцидентах я был чудом. Наверняка, попав в ситуацию, когда несчастный видит нелюдей, лишаящих его жизни, видит нечистую силу воочию, он сразу отбрасывает сомнения о существовании Всемогущего и душа его вопиет с мольбой о Чуде. И я выскакиваю из тьмы в белой маске, и избавляю его от несчастья. Это ли не чудо? И это здорово. Я рад, что Он показал мне ещё один путь...

24 августа, 03:48

Посторонний звук выводит меня из размышлений. Осматриваюсь, узнаю местность. Мой путь ведёт к заброшенному мосту через глубокий овраг, пересекающий этот район города. Этот мост всегда привлекал моё внимание. Само его расположение было необычным. Казалось, что этот мост поставил собственноручно какой-то красный гигант с коммунистических агитплакатов. Овраг, через овраг – мост, а дорог к этому мосту нет. Одним своим торцом он упирается в чей-то огород, а другим – в заржавевшие, поросшие полынью гаражи. До дна оврага в самом низком месте метров тридцать. В овраге никто не жил, поэтому, это самое пустынное место в городе. И вот я вижу перед собой улицу, ведущую к этому мосту. Про него ходит слава излюбленного места самоубийц. И действительно, это место настолько не вписывается в окружающий мир, что представляется аномалией вне пространства и времени. Где же, как не здесь кончать с собой?

Я слышу звуки голосов. Резкие, агрессивные. Ускоряю шаг, но продолжаю ступать мягко, чтобы слышать. Звуки идут как раз с этого моста. Нехорошие звуки для такого места. Нехорошее место для таких звуков. И вот я уже бегу, ветер свистит в ушах, может мне удастся предотвратить самоубийство. И тут округу раздирает жуткий вопль, перелившийся в вой. Сердце моё скачет в пятки, что придаёт мне дополнительное ускорение. Вой продолжается, превращается

в скулёж, потом опять в крик, к нему добавляются другие крики. Я бегу в конец улицы. Вот она кончается, вот слева насыпь, а на насыпи мост.

Я вбегаю на мост. Почти в центре его гигантской, как палуба авианосца плоскости вижу пульсирующую людскую кучу-малу. Из её центра и раздаётся этот вой. Я продолжаю бежать. И вижу, что несколько силуэтов в дикой пляске пинают ногами что-то странное, орущее, лежащее на асфальте и тоже орут: «Отпусти! Отпусти его, сука!». Вот, вот они, мерзкие бесы пляшут и веселятся. Всё ближе. Надвигаю маску. Ближе.

Вдруг мне под ногу попадает осколок бутылки и, предательски звеня, делает внезапное нападение невозможным. Я останавливаюсь в нескольких метрах от них. Жаль. Их четверо. Один неопасный, остальные матёрые, уже основательно бесноватые. Они оставляют свою жертву, расступаются, и я вижу двух человек, лежащих в довольно интимной позе. Они, вроде бы целуются. Один кричит. Но мне некогда всматриваться.

– Э, братва, чё за пипец? Они чё, сговорились? – говорит один из них, делает пару шагов ко мне и ухмыляется, в его голосе не слышно страха и почтения перед неизвестным. Только наглость, опирающаяся на силу и безнаказанность. Что ж... он будет первым. Бритые головы, голубые джинсы с подтяжками у бёдер, тяжёлые «гриндерá» на ногах. И по большому бесу на заливках. Хулиганье, болельщики. Эти сволочи закалены в драках. Будет непросто. Наверное, пришло время бейсбола. И представился случай испытать новое изобретение Ивана.

Крик затих, и твари переключили внимание на меня. Заржали, предчувствуя новую забаву. Они что-то говорят, но я уже не слушал. Пора. Я начинаю стремительно приближаться к ближайшему из них и поднимаю левую руку ладонью вперёд. Она пуста. В правой – кастет. Но они не видят его. Они ещё не чувствуют угрозы в свою сторону. Тем лучше.

– Ну что? – спрашивает урод глумливым голосом, – Что ты хочешь мне сказать?

Поза полна пренебрежения. Отлично. Они не готовы. Пора. Я нажимаю кнопку на поясе и зажмуриваюсь. Яркая фотовспышка озаряет округу и среди контрастных теней я успеваю увидеть распостёртую на асфальте девушку и лежащего на ней гада. Вот твари, пронеслись в голове, и это моя последняя мысль. Вспышка включает какой-то механизм в мозгу, и как всегда в таких случаях я, тот, который видит и рассказывает всё это, отодвигаюсь куда-то немного назад и вверх и наблюдаю как я, тот, который владеет искусством рукопашного боя, начинает свой танец смерти. Идите сюда, бандерлоги. Я вижу, как я ныряю вперёд к ослеплённому Ивановым устройством негодяю, делаю кувырок, и, очутившись вплотную к нему выпрыгиваю высоко вверх, резко подтягиваю колени и врезаюсь одним коленом в мото-защите ему в подбородок, а другим в шею и падаю вместе с ним, вернее на него. Если бы я хотел, я сломал бы ему шею или грудину, но с него и этого достаточно. Я не хочу их убивать. Один есть. Долго не встанет. Пока они не сообразили, что к чему и в их глазах след от вспышки, я вскакиваю, и наношу сокрушающий удар кастетом в челюсть ближайшему врагу, и с удовлетворением слышу, как лопается кость. Он молча падает. Минус два. Молодец Иван, отличную штуку придумал! Минус два за три секунды! Остальные двое отскакивают и даже отбегают от им невидимой пока угрозы, в их голове яркое белое пятно шокированного зрительного центра, хапнувшего света во весь зрачок. Пользуясь паузой, я склоняюсь над девушкой. Глаза закрыты. Остальное лицо закрывает голова гадёныша. Ого! Да она вцепилась зубами в его нос!

– Ты чё, козёл?! – остальные, видимо, оправившись от вспышки и осмотрели поле боя. Двое. Один – матёрый, видимо самый авторитетный. Второй пожиже.

– Уходите и останетесь целы, – говорю.

– А может тебе ещё и на грудь насрать? – ухмыляется матёрый, бес его раззадоривает, – Эй, Сява, звони нашим на трубу. И обходи его сзади.

А вот это плохо. Работающие на бесов чудеса технологий. Закон войны: радисту – первая пуля. Если этот недоносок вызовет своих, то их такая куча набегит, что вряд ли отмашешься. И не сбежать. Бросить девчонку я не смогу. Поэтому я достаю бейсбольную биту.

– Сява, звони быстрее, у него бита, – кричит опытный, и достаёт из заднего кармана джинсов что-то, щелчком высверкнувшее сталью, – а у меня вот такая штучка есть, – скалится, полностью повторяя мимику оседлавшего его беса. Нож, конечно, не бита, но в умелых руках это грозное оружие. Манит меня рукой.

Сява уже за моей спиной. Метрах в семи-восьми. Собирается бежать, но замешкался, копясь в переднем кармане тесных джинсов. И в это время я, обернувшись спиной к гаду с ножом, стоящему в четырёх шагах, с силой бросаю в Сяву биту. Бросаю не как в городках, а вертикально, как топор. Так больше шансов поразить цель. Бросаю и срываюсь ему вслед. Бита летит, вращаясь пропеллером с молодецким посвистом. Сява, наконец, достаёт мобильник, и в этот момент алюминиевая болванка ударяет его в плечо и по касательной въезжает в череп за ухом. Мобильник вылетает из руки Сявы, когда он, оглушённый ударом, взмахивает ею. Летит по высокой дуге и приземляется на бордюрный камень, рассыпаясь с жизнерадостным залихватским звоном. В моих ушах это – музыка победы. Я бегу к упавшему Сяве, подбираю биту и поворачиваюсь к врагу. Он, как и следовало ожидать, ринулся за мной. Рефлекс собаки – догонять бегущего, но увидев, что я снова вооружён, а он остался один, хулиган остановился и ошетинился своим ножом. Что, ножевой бой? Он снова в четырёх шагах от меня. Держит дистанцию. Видно, что нож он привык держать не для шинковки овощей, и сталь его уже обогрелась кровью. Я левой рукой выхватываю своё лезвие и показываю его как кулак с торчащим пальцем. Гадёныш, следуя гримасе беса, ослабилась, понял посыл. Лунный зайчик прыгнул на асфальт. Я направил его в рожу беса. Хулиган вздрогнул. Всё! Сломался.

– Сука, ты кто?! Откуда ты вылез?! – в его голосе слышатся истерические нотки. Да, есть из-за чего нервничать: четверо твоих людей валяются на асфальте. Трое не подают признаков жизни, один слегка шевелится. Начала двигаться девушка, пытается спихнуть лежащего на ней типа. Зашевелился и Сява. Я делаю шаг навстречу уроду с ножом.

– Что тебе нужно?! – он отступает на шаг, порывисто оглядывается. Я молча делаю ещё шаг. Он отступает. Ещё шаг. Вдруг сзади:

– Пацаны!!! – кричит Сява, держа запасной мобильник у уха. – Наших бьют! – он видит, что я уже бегу к нему и начинает орать скороговоркой, – Быстрее, пацаны, мы на мосту...

Нехорошо бить лежачего, да ещё ногой, да по голове. Но Сява сам вынудил меня сделать это. Теперь его запасной мобильник разбит, как и первый, как и лицо Сявы. Сява надолго покидает эту реальность. Теперь я ограничен во времени. Сява успел сказать про мост, и в этом городе мостов много. Если конечно эта великолепная пятёрка не пошла, скажем, за пивом для всей компании в ближайший круглосуточный супермаркет.

– Ага, пидор! Всё! Хана тебе! – урод с ножом запрыгал от радости, – Вот Сява мужик! Сейчас здесь толпа будет! Моя толпа! И фотоаппарат тебе не поможет.

Я иду к нему. Видно, что он этого не ожидает, думает, что я убегу, но я уверенно иду к нему. Черные провалы инопланетных глаз сияют на белой маске.

– Да у вас тут что, сходка что ли? – он пятится к кучке валяющихся людей и цепляет ногой нечто белое, отскочившее от его ботинка, – Бэтмены хреновы! – я вижу, что это белая венецианская маска. Вряд ли эти недоноски будут носить с собой венецианскую маску. Это её маска. Один со сломанной челюстью барахтается, скуля.

– Вставайте, есть кто живой? – бритый с ножом отступает от меня. – А, сучка, отдуплилась? – он увидел, что девушке, наконец, удалось спихнуть с себя начавшее приходить в сознание тело, и бросился к ней. Ситуация усложняется. Потому что гадёныш хватает девушку за волосы и рывком ставит рядом с собой.

– Ты за ней пришёл? – Бритый вертит ножом возле её лица. – Пришёл за своей бэтменшей? – он прерывисто дышит, ухмыляется, цел и невредим, а бес так и скачет в восторге по его плечам. – Смотри, какая красивая! – он тянет её за волосы, показывая её лицо. Глаза её широко раскрыты, но в них нет страха, только внимание и азарт. Низ лица и шея залиты кро-

вью, рот растянута в оскале, но не страха, а боевой готовности. – Твоя сучка чуть не откусила пацану нос. Это его кровь. А чем смывают кровь? А, Бэтмен? Я пушу ей жижку, если ты не бросишь свои игрушки. Брось их! И отойди!

Я быстро приседаю и делаю два шага назад. Моё оружие остаётся лежать на асфальте, но кастет я незаметно оставил при себе. Не люблю тратить силы на бесполезный киношный балет. Нужен всего один удар. То, что я увидел в лице девушки и маска наполняют моё сердце радостью: я не один! Загоняю эту радость подальше. Сейчас не время моего сердца, сейчас на арене тот, кто умеет укладывать противника наземь. Ситуация, прямо скажем, патовая. Сейчас время работает против нас, и с каждой секундой я чувствую, как тает моё преимущество. Ритм боя сбился, и надо снова брать инициативу в свои руки. Опасный подонки что-то торжествующе говорит. Его левая рука сжимает её волосы, собранные в хвост, а правая, сверкающая сталью направлена ей в обнажённую натянутую шею. Стоять нет смысла, нужно двигаться. Я начинаю прокачивать ситуацию: делаю шаг назад и начинаю медленными шагами идти по окружности, центр которой стоит с ножом у горла заложницы. Ему ничего не остаётся, как следовать за мной подобно подсолнуху.

– Ты что это задумал? – в его голосе сквозит страх.

Не перекачать бы, думаю, трусливые подонки вдвойне опаснее храбрых. Я ускоряю шаг.

– Я её завалю, – он выставляет руку с ножом в мою сторону. Это хорошо: дальше от её горла, – Я её завалю на твоих глазах!

Я толкаю действительность ногами, раскручиваю ситуацию. Действие всегда лучше бездействия, ведь есть действительность, а бездейственности – нет. Скачу приставными шагами вокруг паука и жертвы, а он испуган и, ненавидя себя за эту слабость, начинает приходить в бешенство, а бес на его холке содрогается в экстазе. И тут я слышу поодаль какой-то звук, что-то ритмичное, в несколько глоток. Это фанатская кричалка. И её слышу не только я. Бритый приободрился. На его лице уже не оскал крысы, загнанной в угол, а торжествующая улыбка.

– Ага! – орёт он, наставив на меня руку с ножом, – сейчас тебя порежут на куски, Бэтмен! Тебя и твою сучку! – он запрокинул голову и из его пасти раздался рёв, – Ди-на-мо...

Его фраза прервалась, так как девушка, пользуясь тем, что урод отвлёкся, рванулась к его вооружённой руке и вцепилась зубами в запястье врага. Зубастая! Получился смешной крик «Динамо Ааааа», раздался вой боли и милое сердцу звяканье металла об асфальт. Подонки орал и пытался ударить её по затылку, но я уже рядом, и последнее, что он увидел в тот миг – моя венецианская маска. Удар свинца вышибает сознание из этого недоноска. Крик его прерывается, и он падает навзничь со свороченной скулой. Наконец-то, этому быку досталось за его дела, и теперь он надолго выбывает из своего клуба. Клуб, кстати, отозвался. Крики послышались ближе.

– Привет, – говорит она, – Спасибо.

– И тебя спаси, – отвечаю и осматриваю её. Фигуру скрывают чёрные одежды, лицо обрамляют волосы длинные, сливающиеся с темнотой и глаза сияют в свете луны, – Здорово ты его!

Она улыбается, зубы сверкают на фоне вымазанного кровью рта, но потом она морщится от боли.

– Ты как? – спрашиваю.

– Гады, по почкам и рёбрам надавали, – голос её сдавливают спазмами, а я и без её слов вижу, что одно ребро у неё справа сломано, а почки сейчас наполнились кровью и лимфой и вопят звоном в ушах. Но, слава Богу, без разрывов.

– Прости, но нам нужно уходить, – я смотрю в ту сторону, куда изначально шёл. Именно оттуда уже были слышны близкие крики и топот бегущих людей, – Сможешь идти?

– А что, есть варианты?

Вариантов нет. Скоро здесь будет много бесноватых. Она рванулась было бежать, но повреждения от фанатских «гриндеров» не сопоставимы с гонками на преследование. Она шипит от боли, замедляет шаг, наклоняется и поднимает с асфальта белую венецианскую маску. Я смотрю на девушку. Она чиста, на ней нет этой гадости. У неё сломано ребро и отбиты почки. Страдания и боль очищают душу. Но маска в её руке выдирает этот случай из ряда предыдущих. У меня есть вопросы к этой девушке, но их время ещё не пришло. Мы с ней в реальной опасности. Бесы приближаются. Мне от них не отбиться. Если их больше шести–семи, мне не справиться. По крайней мере, на открытой местности. Решение приходит мгновенно.

– Давай под мост, – говорю.

– Точно, там можно спрятаться, – она снова порывается бежать, но морщится и сгибается, придерживая локтем правый бок.

– Прыгай на закорки. Нет времени.

Я подставляю спину и, подхватив её лёгкое тело, бегу к металлическим сходням, ведущим под мост. При первом же шаге она застонала.

– Прижмись ко мне крепче, левой стороной, будет не так больно. Потерпи, – я чувствую, как она притиснулась ко мне, и бежать стало легче. Через несколько секунд я достиг сходен, отпустил её.

– Давай вниз. Спрячься, и сиди тихо, – отдаю ей битую, – Возьми, вдруг пригодится.

– Нет, лучше дай нож.

Она права. Если прятаться в кустарнике (где ж ещё в овраге спрятаться) битой нормально не размахнёшься. Я отдаю ей нож.

– Это тычковый нож. Его надо держать вот так.

Она берет его, пытается кровожадно улыбаться:

– Я назову его Клык. Привет, Клык. Я – Алиса.

Это хорошо, что она не боится. Эти гады чувствуют страх. Они им питаются.

– Добро пожаловать в страну чудес, Алиса.

– Если бы ты знал, сколько раз я слышала эту фразу.

– Спрячься, где-нибудь под третьей опорой.

Она накинула на голову капюшон и ступила в полный мрак, я за ней, но прежде чем окончательно раствориться во тьме, оглянулся. Из-за гаражей на мост с обратной стороны начали двумя потоками прибывать люди. Они звали своих, а потом ломанулись к месту боя. Я насчитал двенадцать фигур. Господи, помоги. Они не знают, куда мы пошли. Они ошарашены видом их пяти товарищей, распростёртых на асфальте. У кого-то это зрелище вызывает бешенство, а у кого-то – страх. Бешеные режут:

– Где вы, твари? – думают, что нас много: хорошо. – Куда они могли уйти? Сява. Что случилось, Сява!

Сява! Вот же настырный какой! А ведь и не скажешь...

– Пацаны, их двое! – слышу, – Баба и какой-то Бэтмен. У них две дороги: в город и в овраг. Делимся на две группы.

– Я в овраг не пойду, там темно.

– Мобилой посветишь.

Я прислушиваюсь. Там в темноте ничего не слышно. Молодец Алиса. Спряталась. Боже, во что я ввязался? Двенадцать вооружённых... ножи-то у них у каждого есть... двенадцать вооружённых хулиганов... тут без хитрости на одной силе не выедешь... хорошо, что разбились пополам... шесть и шесть... идут. Я пролезаю под перилами на бетонный скат-опору, ведущую вниз под мост и прячусь под сходню. В самом её начале, где мост лежит на опоре как раз есть место, где укрыться сидящему человеку. Сходня – это сваренная из металлических полос пэтэушниками лестница с перилами. Довольно крутая. Как и скат. Узкая – двоим разойтись

только боком впритирку. С перилами из-за крутизны и высоких ступеней находящимися у твоего уха. Эти перила слишком толсты, чтобы обхватить их ладонью.

Пока шестёрка приближается, они накручивают себя воинственными криками. В основном, это мат. Из крупиц полезной информации, я понимаю, что все-таки они разобщены. Одни рвутся в бой, а другие поумней, напоминают им о пятерых лежачих пацанах с травмами.

– Да это же Сява! – приближается уверенный сипловатый голос, а потом останавливается в паре шагов от тёмного провала, – Сяве и баба навалает. Удав тоже – тот ещё боец.

– Ага! А Худому тёлка чуть нос не откусила!

– Худой – дебил! Интеллигент грёбаный! – слышатся смешки, – Он слишком мягкий. С тёлками обхождение нужно. Сунул ей в табло, чтоб юшка полилась и всё! Она полностью готова к употреблению. Хочу эту зубастую поймать. Ух, люблю дикарок. Их обламывать самый сок.

Я улыбнулся. Мне опять везёт. Одни боятся, другие беспечны.

– Давайте, трусы! Кто со мной – тот герой! Я поделюсь добычей.

Я полностью сливаюсь с темнотой. Маска на темечке под капюшоном. Какая–никакая, а защита. Один удар, по крайней мере, погасит. Тяжёлый «Гриндерс» стукнул по стали ступени. Я крепче сжимаю кастет и сам сжимаюсь как пружина. Пространство немного освещается светом телефонного дисплея. Это и к лучшему – меня вообще не увидеть. А его голубые джинсы хорошо видны в темноте. Бес на бритом затылке томится похотью. Он делает шаг вниз левой ногой. Переносит вес на неё. Потом опускает правую, ближайшую ко мне. Одной рукой он светит, как он представляет, себе под ноги, но тусклый свет съедает бездна внизу. Второй рукой он придерживается за перила. И в момент, когда он переносит вес тела на правую ногу, я встаю, и кастет хлестким ударом впивается в место, где соединяются кости голени и стопы. В таранную кость. Которая беззащитно торчит сопочкой у каждого из нас по обе стороны щиколотки. Хоть «Гриндерс» и армирован толстой кожей, мой удар попадает точно в цель, будто моей рукой управляет Бог. Так и есть! Получить кастетом по таранной косточке, наверняка неприятно. Свинец – самый тяжёлый металл на Земле. Тяжелее только радиоактивный уран. Поэтому получить свинцом по таранной косточке – это чертовски больно. Можно потерять сознание. Фанат, томимый похотливым бесом, по всей вероятности, так и делает. Он утробно хрюкает и, нелепо сложившись, как большая марионетка сыпается вниз по ступеням. Его мобильник последний раз освещает тьму и, звонко ударившись о ступеньку, исчезает в её пасти.

Вверху видят, как внезапно и беззвучно исчезает их товарищ.

– Эй, Лютый. Лютый! – зовут они смельчака. Тишина. Отлично! Их моральный дух сейчас не на самом высоком уровне! – Где он?! – ах, эти сладкие нотки паники в голосе, – У кого есть фонарик?

– У меня Нокia. Она как фонарик.

– Иди посвети.

– Да пошёл ты!

– Ладно, дай мне. Я посвечу.

Загорается свет. Этот уже ярче. Видимо, модель телефона дороже. Но все равно луч не сфокусированный, и поэтому слабый. Но в его свете угадывается силуэт человека, лежащего на ступенях.

– Ё-моё! Лютый! – нога говорящего стала на ступень над моей головой. – Пацаны, он упал! – кричит он. – По ходу, без сознания! – он порывается броситься вниз по ступеням, делает такой же шаг. Я встаю, чтобы повторить операцию, но под ногу попадает обломок кирпича, и я оступаю. Снова сажусь, чтобы поймать равновесие. Но произвожу слишком много шума для того, чтобы он не услышал.

– А?! – слышу я, и мне в глаза впивается колючий свет. Гадёныш видит перед собой чёрную фигуру, чёрное вязаное лицо и два сияющих недобрым светом глаза и начинает орать,

но я вскакиваю и наношу удар битой ему по голени под коленом. Хлоп! Тот как подрубленный падает, но застревает в стойке перил и какое-то время хрипит, потом начинает орать. Его мобильник повторяет судьбу первого. О, да тут прямо Фермопилы¹.

– Что там? – слышатся полные страха крики.

– А-а-а! – орёт раненый хулиган – Мне кто-то по ноге втащил! Ай, как больно! Он там под лестницей! Гадский Бэтмен! Сука!

Он слишком далеко от меня, и я не могу его успокоить. Скрываться уже нет смысла, но и показываться им нежелательно. Я для них дух. Тот, которого можно увидеть только перед непосредственным приходом боли. Психологический эффект решает половину дела – деморализует противника. Тут я слышу то, что меня совсем не улыбает – телефонный звонок. Наверняка это остальные. Услышали крик. Десять человек. Это много даже для такого удобного места, как здесь.

– Эй, Лось! – слышу сверху и чуть сзади, на мосту – Ты чего?

– Алё! – это там перед сходнями. – Да, Жека! Пипец, у нас двое вышли из строя!

– Слышь, Лось?

– Да хрен пойми! На лестнице поскользнулись!

– Пацаны, он здесь! Бэтмен. – это тот, второй, который Лось.

– Жека, валите все сюда! Быстрее!

– Он... там, – выкрики Лося прерываются стонами, – под лестницей.

– Я ничего не вижу.

– Посвети чем-нибудь.

Ага. Так они могут забросать меня ножами или камнями. Пора менять позицию. Я пробираюсь под мост. Где его плиты лежат на опорах. Там я прохожу на противоположную сторону. Темень полная и меня не видно. На другой стороне растут непролазные кусты, и я обегаю их, возле гаражей залезаю на поверхность и уже слышу, как бегут к мосту волки. Я пробираюсь им в тыл. Они в тридцати шагах от меня. Их светлые футболки и небесные джинсы хорошо видны в лунном свете. Часть их спускается вниз, наверное, за ранеными. Раненых семь, а дееспособных десять. Неужели не ясно, что связываться не нужно? Неужели мне их всех придётся вырубать? Какие закоренелые! О чём-то спорят. Нужно подобраться ближе, чтобы слышать. Но вовремя вспоминаю про мусор, предательски лезущий под ноги, и остаюсь на месте. Если у них есть источник света, то будет худо. Одно хорошо: девушка одета в чёрное, это уравнивает шансы. У меня дилемма: вернуться и встретить их или пойти вслед, чтобы подобраться к ним со спины. Ей не мешает помощь, мне нужно быть рядом. Но тогда я буду находиться в обороне, а инициатива будет на их стороне. У них и так численное преимущество. Есть шанс, что они уберутся, но есть вариант, что вызовут подмогу. Этой нечисти много расплодилось. С чьего попустительства, интересно? То-то и оно. Такой же нечисти, как эта.

Они разделились. Трое идут в мою сторону. У этого решения две причины: либо они настолько самоуверенно беспечны, что позволяют себе роскошь разбить свои силы при таком течении обстоятельств, либо они ждут пополнения. Очень хочется, чтобы это была самоуверенность, но я должен рассматривать трудный путь. Ошибиться лучше в меньшую сторону. Ситуация сейчас кардинально отличается от всех моих предыдущих патрулей. События нарастают, как снежный ком и я, похоже, теряю контроль над лавиной последствий. Одному проще. А тут девушка, которую нужно спасать!

– Что там Грач? – слышу я голос со стороны идущих в мою сторону уродов.

– Грач бухой, но Хима со своими подьедет.

¹ **Фермопилы (Фермопилское сражение)** – сражение в сентябре 480 г. До н.э. в ходе [греко-персидской войны](#) 480–479 гг. до н. э. в узком ущелье [Фермопилы](#), где героически погиб отряд из 300 спартанских гоплитов, преграждая путь персидскому войску царя Ксеркса I.

Ага. Значит, бесы, всё-таки, вызвали подкрепление. Вот причина их настойчивости. Что ж, нужно отыскать Алису и уходить. Что делать с этими? Они идут совсем близко. Я в тени и меня не видно.

– Эй, Муха, слышишь, а что случилось-то? – слышу я пьяный голос. Совсем рядом. Алкоголь неумолимо сгибает его обладателя, заставляет его сутулиться. Двое обогнали этого пьянчугу. Я вижу снизу их облитые белыми футболками спины в двух шагах от меня. Правая рука одного сверкает сталью, у другого из кисти свисает что-то похожее на цепь. Бесы на их шеях возбуждённо елозят, егозят, раззадоривая и без того разогретых наркотой негодников.

– А, чёрт! – звякнул нож, вывалившийся из руки сутулого хулигана, шедшего впритирку со мной. Я мог бы потрогать его за штанину. Он нагибается за ножом, крутящимся на асфальте, как стрелка компаса. Его лезвие отбрасывает свет и когда мои глаза ловят лунный зайчик, бес на загровке пьяного вздрагивает. Лицо пьяного, ссутулившегося до состояния, согнутого в три погибели, оказывается на уровне моей головы. Я тут же понимаю, что он увидел отблеск в моих глазах. Он икает, моментально трезвея в ужасе, и в этот момент я хватаю его левой рукой за беса, коротко наношу удар кастетом в центр между выпученными глазами и разъятым в немом крике ртом. А потом резко толкаю его вниз навстречу стремительному асфальту. И ещё добавляю ласкового леща в затылок, окончательно стряхнув с бедняги оседлавшего его беса. И отскакиваю ещё дальше в тень. Понятно, что всё произошло на много быстрее, чем я это описал. Двое впереди оборачиваются и видят своего приятеля, освобождённого от сознания и беса.

– Ё-моё, Сутулый! – я иногда дивлюсь точности прозвищ этих отморозков, – Вот мудило! Опять нажрался, сволочь! Не понимаю, как можно постоянно жрать водяру!

Эти двое сейчас под амфетамином, что видно по волнам дрожи, гуляющим по их бесам. Эти чудики, скорее всего не чувствуют боли и будут бегать на сломанных ногах, как Мересьев. Это усложняет дело...

24 августа, 03:55.

Иван говорил, что вспышка на моей руке будет заряжаться в течение пяти-семи минут. Не знаю, сколько времени прошло с первого её применения, но мне придётся ослепить их, иначе эти упоротые монстры превратят меня в котлету. Только бы сработала.

– Э, Сутулый, вставай! – эти двое идут ко мне, ещё не подозревая о моём присутствии. Вытаскиваю биту. Я в глубокой тени, но твари на их загровках чувствуют движение. Они близко. Я ощущаю их мерзостные вибрации и чувствую запах амфетамина, подонки изрыгают его порами, и слышу остервенелый скрип их зубов. Господи, спаси и сохрани!

– Муха, ты видел? – орёт тот, что с цепью. Я обнаружен! Пора действовать. Я выпрыгиваю из-под ветвей, до поры укрывавших меня. Выбрасываю левую руку вперёд и жму на кнопку. Ничего!

– Это он, Бэтмен! – визжит тот, что с ножом, бросается ко мне и бьёт меня в шею. Но, ясное дело, не попадает, так как действие каким-то образом замедляется, и я свободно подныриваю под его вооружённую руку, и, перехватив биту левой рукой для опоры, правой с зажатой в ней рукоятью наношу точный резкий удар в открытое место между его правым ухом и челюстью. Нападавший сложился в коленях и рухнул ничком. Этот быстро убрался. Повезло. Спасибо, Господи!

– А-а-а! – орёт второй, раскручивая цепь как пропеллер перпендикулярно земле, она слегка посвистывает – Иди сюда!!! – он бросается ко мне и снова время замедляется. Его рука посылает цепь на меня сверху. Я изворачиваюсь и моя рука, и бита в ней без моего мысленного вмешательства устремляется навстречу его кулаку, врезается в него, а цепь, следуя законам физики, не встретив меня, продолжает движение по окружности с центром, коим является бита, и звонко врезается в его оскаленный рот. Его крик захлёбывается, а я добавляю ему битой

меж рогов. Ласково и нежно. Р-раз! Он ошалело отступает назад. Второй! Бум! Третий? Нет. Третий – лишний. Глазки закатил. Готов. Десять выбыло, семеро осталось. Хорошее соотношение. Красноречивое. Бегу туда, куда шли эти и откуда пришёл я – под мост напротив сходен. Слышу шум за спиной, наверное, крик того, с цепью всполошил ушедших вниз семерых.

Вот это бойня, думаю. Впервые такое. И центром всего – она, Алиса. Девушка с венецианской маской.

Спускаюсь под мост. Слышу:

– Эй, не расходиться!

– Ты чё?! Там же Муха, Сутулый.

– Они справятся. Их трое. А если их загасили, то и тебя загасят и ещё двоих. Понял, дебил? Нас и так осталось мало, мы и так семерых потеряли.

Десятерых, думаю, десятерых, детка. Наконец в них заговорил разум.

– Вообще–то он дело говорит, – ого, у них уже начинается полемика. Страшно им.

Я вижу этот совет в Филях². Беспомощная кучка людей во тьме. Напоминают отару овец, жмущихся друг к другу. Мобильники излучают слабый свет.

Раздаётся звонок телефона, сразу вырвав их из первобытного ощущения прикосновения Тьмы. Зашевелились. Тьфу! Электромагнитного импульса³ на вас нет!

– Алё! Хима! Пацаны это Хима!.. Да, на мосту. Точнее, под мостом. Давай, ждём... – и уже громче, – Хима едет с пацанами и Пацанчик с ним, – последние слова он произнёс с такой плотоядной радостью, что у меня зашевелились волосы на загривке. Хима едет с пацанами и ещё Пацанчик какой-то отдельный. Питбуль какой-нибудь. Или бультерьер. Вряд ли у этих уродов будет чихуахуа. Не люблю бойцовых собак. Они упорные. Придётся убивать животинку, жаль. Пора уходить.

– Он уже подъезжает. Я пойду Муху посмотрю.

Пока они совещаются я тихонько пробираюсь к третьей опоре. Трава уже сухая и не шуршать стоит больших трудов и небольшой скорости. Хорошо, что они орут от страха, а то услышали бы меня. И вот я уже огибаю огромную бетонную колонну опоры.

– Алиса – шепчу я.

– Я здесь. – Слава Богу, не пришлось её искать.

– Как ты?

– В порядке, – но я вижу, что не всё в порядке.

– Нам нужно уходить. К ним едет подкрепление, но зато у них минус десять человек, – она улыбается моим словам.

– А ты крут!

– А что делать? Приходится.

– Где ты этому научился?

– Не время сейчас, потом поговорим. Идём там есть тропинка.

Дно оврага, бывшее, когда-то речкой, заросло высокой травой. Там есть тропинка. Мы идём туда. Пока тень от моста скрывает нас. А там тропинка в шаг шириной и трава по пояс. Если идти, согнувшись, то можно скрываться в тени травы, но я представляю, каково сгибаться Алисе и мне становится не по себе. Меня душат одновременно и жалость, и бессильная ярость.

² Совет в Филях – военный совет, который в соответствии с Воинским уставом был созван 1 (13) сентября 1812 года во время Отечественной войны главнокомандующим М. И. Кутузовым в деревне Фили к западу от Москвы. На рассмотрение был вынесен вопрос о том, дать французам сражение под Москвой либо оставить город без боя.

³ Электромагнитный импульс (ЭМИ) – поражающий фактор ядерного оружия, а также любых других источников ЭМИ (например, молнии, специального электромагнитного оружия, короткого замыкания в электрооборудовании высокой мощности, или близкой вспышки сверхновой и т. д.). Поражающее действие электромагнитного импульса (ЭМИ) обусловлено возникновением наведённых напряжений и токов в различных проводниках. Действие ЭМИ проявляется, прежде всего, по отношению к электрической и радиоэлектронной аппаратуре. Наиболее уязвимы линии связи, сигнализации и управления

– Алиса, послушай, что я тебе скажу. Нам грозит очень серьёзная опасность, не исключено, что смертельная. Единственный выход её избежать – это на корточках пробраться по этой тропинке до одного места. Тебе будет больно. Но надо потерпеть, иначе нам придётся туго. Понимаешь?

Она смотрит на меня, кивает, и в этом движении я вижу блеснувшую дорожку слезы, выкатившейся из её глаза.

– Надо потерпеть, иначе придётся претерпеть много больше. Идём. Тут не очень далеко. Кстати, ты куришь?

– Что? Самое время для перекура?

– Ты не ответила.

– Курю.

– Давай мне сигареты, быстро.

Она протягивает мне пачку сигарет. В глазах укор.

– Это для собаки, – объясняю, – Чтобы след не взяла.

– У них собака?

– Вероятно.

Мы прячемся под большим кустом в тени моста у самого терминатора⁴, а перед нами простирается освещённое луной дно оврага. До места, где дислоцируются бритые метров сорок-пятьдесят. Оттуда ещё слышен галдёж. Тень на дне тропинки настолько густа и черна, что дна не видно. Дорóгой жизни мы можем пройти метров двести, до поворота бывшей реки, а там по покатой стороне в ложбинке выбраться до улочки, ведущей к гостинице. Там обязательно будет такси. План вполне осуществим.

– Алиса, становись на четвереньки и двигайся по этой тропинке. На четвереньках тебе будет легче. Возьми перчатки. Старайся находиться как можно ниже к земле. Потерпи. Отвлекай себя чем-нибудь, решай какие-нибудь математические задачи, – в принципе, она ещё не совсем ощущает свои повреждения. Адреналин, выброшенный организмом в ответ на травму, ещё гуляет в крови. Это состояние длится от двадцати минут до часа. Потом ей станет по-настоящему больно. – Думай о чем-то приятном. О море, например, или горах. Давай, Алиса, ты справишься. Верь в чудо. Я тебя догоню.

Я разворачиваюсь и иду по своим следам до опоры, достаю сигарету и растираю её в ладонях. Присыпаю траву вокруг ног, достаю сигарету, растираю, присыпаю. Пусть Пацанчик поищет нас. Когда я уже почти израсходовал весь запас табака, слышится резкий визг трущихся об асфальт покрышек, и мгновением позже отрывистый басовитый лай. Прибыл Пацанчик, пёс его кусай!

24 августа, 04:14.

Я очень рад, что у меня есть друг Иван. В нашем деле он просто незаменим. Его эрудиция дополняется смекалкой, и он творит чудеса. Взять хотя бы эту вспышку. Хоть раз да сработала. А сейчас мне, наконец–то, пригодились его «пúтанки». Их он смастерил из чёрной лески. Достаёшь целлофановый пакетик зип-лок, там сложена сеть, даже не сеть, а именно «пúтанка», паутинка-путаница. Ожерелье-сачок в руку длиной. Иван её испытывал на мне, подбросил, когда я ночью из туалета возвращался, надо же не спал – готовился. Запутался я, грохнулся. Очень легко в ней запутаться. Даже днём. И вот сейчас она нам стодится. Я сначала не принимал «пúтанку», так как это оружие больше оборонительное, а я сторонник наступательной тактики. Я и соглашался их таскать только из-за никакого веса. А сейчас она как нельзя к месту.

⁴ **Терминатор** – (астрон.) линия на диске планеты, отделяющая освещённое полушарие от тёмного, здесь – граница света и тени.

У меня их десять штук. Я разбрасываю их позади себя, как мини-заграждения из колючей проволоки, их задача – задержать противника.

Алиса ползёт на четвереньках впереди меня. Мы прошли уже половину пути. Под мостом слышны крики и лай собаки. Она ищет след, но пронзительный запах табака режет ей нос, и она скулит. Сейчас она начнёт кругами выискивать след. Последнюю сигарету я растёр в начале тропы. И ей ещё нужно до неё добраться. Это займёт время. Каждая минута выигранного времени повышает наши шансы выйти сухими из дерьма. А тут ещё подул довольно сильный ветер, зашелестел листвой и сухой травой над нами. Я увидел облако в разрезе тропинки-траншеи. Благодарю небо за этот дар. Ветер свежеет. Он натянет тучи, и мы станем невидимками.

Алиса двигается всё медленнее. Ей больно. Нужно её отвлечь. Думаю, лёгким шёпотом можно поговорить. Шум травы на ветру замаскирует наш диалог.

– Алиса, как ты очутилась на этом мосту?

– Я увидела его в Инете. Вот и приехала посмотреть.

– Откуда?

– Из Москвы.

– Ого! Что же это за мост такой знаменитый?

– Здесь ребята прыгают с верёвкой. Роупджампинг⁵. Экстрим.

– И тебе захотелось приехать сюда и ночью посмотреть на этот мост?

– А тебе разве не захотелось того же?

Да, действительно.

– Что же с тобой случилось на этом мосту?

– Я стояла у перил. Подошли эти. Начали приставать. Ну, слово за слово. Один вцепился в меня, повалил, ну я его и укусила за нос. Он орёт, я ору, они орут, долбят меня своими ботинками, пусти, кричат. А как я отпущу? Они ж меня совсем убьют. Сбросят, вон, с моста и всё. И я сжимаю и сжимаю зубы. Мне больно, но и ему не сладко и неизвестно, кому больней. Он уже пищит, мол, не бейте её, а то не отпустит. Ну, тут я и выключилась.

– Ты молодец, Алиса.

– А что делать? Приходится. А ты-то, откуда взялся здесь? Ночной патруль что ли?

– Что-то вроде того. Я патрулирую улицы. В полнолуние. В разных городах. Спасая таких, как ты. Мне был знак свыше, чтобы я так делал.

– Ни фиги себе!

– Тихо!

– Нет, ты, правда, Бэтмен! Офигеть!

Это хорошо, что она так реагирует. Удивление – очень сильная эмоция. В данный момент она явно не чувствует боли и даже слегка ускорила. Нам осталось преодолеть не больше сотни шагов и будет ложбинка меж двух пологих склонов. Сзади возня приблизилась и стала перекрывать шелест травы. Разговаривают, но слов не разобрать. Они уже внизу. Скоро Пацанчик возьмёт след. Потом крик:

– Э, ну чё там вверху, пацаны? Видно, что?

– Нет, – откуда-то сверху.

– Ложись, – шепчу, – Алиса. – И сам залегаю и поворачиваюсь лицом к небу.

– Ничего! – голос раздаётся с моста, и я вижу его обладателя. Стоит, держась за перила, и вглядывается в серебряную даль. До него достаточно далеко, и я молюсь, чтобы он нас не заметил. Господи, да это стая голодных озверелых бешеных тварей! Откуда их столько? Нет, я

⁵ **Роупджампинг** (англ. *ropejumping*) – это экстремальный вид спорта, заключающийся в прыжке с верёвкой с высокого объекта при помощи сложной системы амортизации из альпинистских верёвок и снаряжения. Прыжки бывают нескольких видов: со свободным падением и без свободного падения (маятник).

не боюсь их. Я только боюсь, что мне придётся действовать наверняка, и кто-то из них может не дожить до утра. А этого я не хочу. Алиса замерла. Молодец, хорошо реагирует.

Я чувствую у себя в глубине головы уколы её взгляда. Я не вижу в темноте её лица, но мой зрительный центр ясно фиксирует эти два булавочных укола ярких лучиков света. Я даже вздрогнул. То же может случиться и с наблюдателем на мосту, если их взгляды встретятся.

– Не смотри на мост, – шепчу, с силой выталкивая воздух, облачённый в слова, а шелест травы заглушает меня, и я ору шёпотом, – Медленно и плавно двигайся вперёд. Медленно и плавно.

Судя по поднывавшему внезапно сильному ветру, приближается гроза, да – вот вспышки молний и ещё далёкий рокот грома. Нам везёт. Дождь смывает наши следы...

24 августа, 04:18.

Ударил студёный шквал. Тучи закрыли фонарь луны. Стало темно, и мы рванули к цели. Первая же молния выдала нас, когда мы уже добрались до ложбинки, а там пологий пятнадцатиметровый подъём, улица между частных избушек, дорога и рукой подать до гостиницы, где обязательно будет такси. Но сработала огромная фотовспышка, и я представил, как мы будем хорошо видны тому типу на мосту.

– А, чёрт! – шипит Алиса.

Ай-ай-ай! Ну, нельзя же! Нельзя в таком момент чертыхаться! Нельзя поминать их! Я одёргиваю Алису, и, сделав суровое лицо, прикладываю палец к губам и слышу:

– Эй! Вон они!

Глаза Алисы понимающе расширяются. Мы замечены. Удар грома накрывает нас.

– Всё, Алиса, дело сделано. Теперь молись и беги.

– А ты? – может, мне кажется, но я слышу нотки паники в её голосе.

– Только спокойно. Не паникуй. Я тебя догоню. Знаешь где гостиница? До конца улицы и налево.

– Да. Я там проходила.

– Вот и давай туда. Продержись ещё чуть-чуть. Стисни зубы, плачь, но продержись.

А там уже лает Пацанчик, давая знать хозяину, что добыча обнаружена и никуда не уйдёт. Алиса пошла наверх, а я достаю пакетик с тремя последними «пуганками». Разбрасывая свой запас, я жалею, что он столь мал и жду. Секунда... две... слышу собачий визг. Ваня, ты гений! Пацанчик запутался в твоём изобретении. Новая вспышка молнии застаёт меня наверху у входа на улицу, и я вижу перед собой полукилометровую грунтовку, опоясанную заборами, палисадниками и спящими избами. Алиса бежит недалеко. Пацанчик продолжает визжать, добавляются человеческие крики, и удар грома толкает меня вперёд, как стартовый пистолет...

24 августа, 04:22.

Стробоскопы молний делают действительность сюрреалистичной. В небе какие-то гиганты передвигают огромные как горы комоды. Льёт ливень. Я бегу с Алисой на закорках. Долгий вдох на четыре шага, долгий выдох на четыре шага. Если дышать таким образом, можно много пробежать. В одиночку, конечно. Алиса сначала сопротивлялась, говорила, что сама сможет передвигаться. Но с ней на закорках я быстрее добегу, нежели с ней прицепом. Льёт ливень и это хорошо! Теперь Пацанчику не удастся найти наш след. Я представляю, как черти барахтаются в грязи, путаясь в леске, как караси. «Пуганка» очень напоминала мне что-то рыболовное. Всё, я повернул за угол, мы больше не видны в просвете улицы. Ещё сто метров, и мы в безопасности. В размытом ливнем пространстве светится вывеска гостиницы. Я бегу на этот мутный красный свет.

И тут сзади меня бьёт самый ужасный в мире звук – собачий лай. Пацанчик! Я не хочу тебя убивать, но, если придётся, знай, что твой хозяин – урод и сволочь – заслуживает твоей участи больше, чем ты.

Я опускаю Алису на землю.

– Давай теперь одна. Ты же хотела.

Огромные бездонные глаза смотрят на меня, и ливень смешивает свои капли со слезами. Я улыбаюсь ей, но она не видит моей улыбки.

– Не бойся. Всё будет хорошо.

– Я не боюсь. Мне собачку жалко. Ты же её убьёшь? Не убивай её.

Вот же блин, она что, читает мысли?

– Я не буду её убивать, беги.

Алиса похромала в сияние гостиницы. Лай приближается. Значит они, скорее всего, уже наверху и натравили пса, он сам не учуял бы нас. Сколько у меня времени на Пацанчика? Минута-минута пятнадцать. Начинаю считать. На тринадцатой секунде молния освещает Пацанчика, табакерочным чёртиком вынырнувшего из-за угла. Это доберман. Такой же чёрный, как и я. Хрестоматийный доберман в хрестоматийном же шипастом ошейнике. Четырнадцать. Он оценивает расстояние и разгоняется для прыжка. Пятнадцать. Глаза горят, а ощеренная пасть недобро зияет на его чёрном теле. Шестнадцать. Он уже в пяти шагах, я сжимаю кастет в кулаке и встаю в стойку. Доберман прыгает. Семнадцать... и время замедляется. Я вижу, как капли ливня крупными хрустальными шариками медленно плывут вертикально вниз. Много-много шариков. Я вижу, как сильное чёрное тело медленно летит ко мне, разбивая хрустальные шарики в пыль. Те шарики, что ударяются в оскаленные клыки, смешиваются с кипящей в углах пасти пеной. Два угля азарта и злобы горят над этой пастью. Когда голова Пацанчика подлетает ко мне на метр, я отклоняюсь вправо от его курса, жёстко хватаю его правой перчаткой за правое прижатое ухо, а левой – за ошейник, продолжая движение пса, поворачиваюсь в пояснице, переношу вес тела на правую ногу, фиксируюсь, и, как в айкидо, кистями толкаю летящего добермана по дуге вверх, увеличивая его инерцию. Восемнадцать. Время берёт свой прежний темп, а Пацанчик, отчаянно визжа и нелепо растопырив лапы, улетает куда-то в придорожные кусты. Доносится мокрый шлепок и жалобный вой. Да, после такого полёта, пёс вряд ли сможет причинить какой-то вред. Слава Богу, мне не пришлось его убивать! Я бегу вслед Алисе. Мне смешно при вспоминании подробностей картины полёта Пацанчика. А он, визжа, улепётывает, откуда прибежал.

Алису я нагоняю на тридцать пятой секунде. Здание гостиницы, заштрихованное ливнем совсем рядом, а вот и несколько машин с «шашечками». То, что за нами гнался пёс, говорит о продолжении погони, и полоса «пуганок», наверняка, уже пройдена. Нужно приналечь.

– Беги в гостиницу, – говорю Алисе, – вызывай полицию, а мне надо уезжать.

– Нет. Нельзя полицию. Мне тоже надо уезжать.

Так! Час от часу не легче! Ей тоже нельзя полицию. Думать некогда. Бежим.

Пятьдесят девять. Мы подбегаем к жёлтой «Волге» с единственным горящим зелёным глазком. Я задираю вязаную маску на лоб и стучу в залитое водой боковое окно:

– Шеф! – стекло плавно опускается, позволяя каплям пролиться в салон, я прячу лицо как бы от дождя, но на самом деле – от водителя такси, – До Мамоновки довезёшь?

– Триста.

– Идёт.

Мы втискиваемся на заднее сиденье. Машина заводится, загораются фары. Мы трогаемся и выезжаем на дорогу. Поворачивая, фары выхватывают из тьмы бегущую ораву бешеных.

– О! – с весёлыми нотками в голосе говорит таксист, мужик лет под пятьдесят, – Это не по вашу душу, случайно?

– Поехали быстрее, дяденька, – отвечает Алиса.

– Это запросто, – весело говорит таксист, – Эх, молодёжь.

«Волга» резко набирает обороты и в заднем стекле в разводах воды растворяются силуэты бесноватой оравы. Я поворачиваюсь к Алисе. Она смотрит на меня. И мы начинаем смеяться. Скрученные в канаты нервы начинает отпускать и всё нами пережитое выливается в истерический смех. Алиса морщится от боли, но ничего не может с собой поделаться и дёргается в спазмах смеха. Я тоже смеюсь и обнаруживаю, что смертельно устал. А ещё я обнаруживаю, что у меня на пальцах правой руки нет кастета, видимо, выронил, когда запускал Пацанчика в его эпохальный полёт.

28 августа, 18:46

Полнолуние прошло. Оно отняло много сил. Почти все. Когда я на охоте, у меня каким-то образом увеличиваются мои жизненные ресурсы: выносливость, сила удара, скорость. Полнолуние так действует. И за это приходится расплачиваться. Мне нужно время, чтобы перевести дух и подвести итоги. Иван заставляет меня вспоминать каждый шаг моих походов чуть ли не поминутно. Ему это нужно для его изобретений. Он делает какие-то пометки в блокноте. С особенным тщанием Иван отнёсся к рассказу о своей вспышке. Огорчился, что она сработала всего единожды. Потом очень радуется, когда находит разрыв проводов.

– Смотри, – его смуглое лицо с маслинами глаз сияет, – видишь, где порвалось? Мне не хватало целого куска провода, и я срстил два отрезка. Наверное, порвался, когда ты вырубил первого.

– То есть сразу после использования.

– Да. Когда ты перекатывался к тому уроду, провод и порвался. Я ещё тогда должен был предвидеть это. Хорошо, что все хорошо кончилось. Теперь сделаем цельный провод, запаяем, как следует и у тебя будет хороший световой шокер. А если добавить конденсаторов и поставить мощные аккумуляторы, то на зарядку хватит пяти секунд!

Его лицо расплывается в улыбке:

– Блин, да ты, в самом деле, Бэтмен! Как в кино! Десятерых!

– И собаку, – добавил я.

Его улыбка становится ещё шире:

– Я нашёл улику.

На его протянутой ладони лежит мой кастет. Я рад видеть старого друга.

– По твоему рассказу я нашёл место, где ты катапультировал добермана, очень смешной эпизод.

– Когда ты успел?

– Пока вы спали.

Алиса. Девушка с венецианской маской. Алиса – очень сильная и крепкая представительница прекрасного пола. Мне не нужен рентген, чтобы видеть перелом её седьмого правого ребра, ушибы и контузию почек, особенно, правой, она даже немного опустила. Плечи – сплошной кровоподтёк: она прикрывала ими бока, пока сволочи буцкали её «гриндерами». Ей досталось. Но она стойко переносит боль. Забилась, как кошка в угол дивана и лежит. Мои настоящие кошки тоже рядом с ней, помогают.

В зале, где обосновалась Алиса, где раньше текла люстра, все чинно и прилично, а в нашей с Иваном комнате – каждый час трёхминутный грохот. Такой, если бы поезд метро удирал от волны землетрясения настигавшей его. А в прихожей очаг низкой температуры. Очень-очень низкой температуры. Я, во избежание несчастных случаев, отметил эту зону, разлив на пол воду. И теперь в прихожей у нас есть мини-Антарктида с очертаниями лежащего человека. За три дня сконденсировалось из воздуха иросло пять сантиметров льда в пуху инея. Снежный человек. Так что в прихожей у нас прохладно. Не смотря на ковёр и шубу, наброшенные сверху. Насколько я понимаю, боль Алисы что-то сдвинула в тонких мирах, и полтергейст

вырвался наружу. А я настолько утомился в прошедшее полнолуние, что не мог справиться с духами.

Я часто подхожу к Алисе, прикладываю руку к больному месту и высасываю часть боли. Ведь человеческие руки не только физиологический, но и энергетический инструмент. Когда что-то болит, человек подсознательно прикладывает руку к очагу боли. В результате человеческое тепло, вибрации его тела от дыхания-сердцебиения, и энергетический «скафандр» делают своё дело и унимают болевые ощущения.

Состояние моё тоже не из лучших, так что я отменил всех посетителей или пациентов и лежу в полузабытьи, восстанавливая силы. Каждый час меня будил грохот, но к концу третьего дня я уже не замечаю этих звуков, как не замечает столяр-станочник шума деревообрабатывающего цеха.

Раздался звонок. Иван вздохнул и вышел выпроваживать непрошенных гостей, а я снова начинаю думать об этой проклятой маске. Она выбивает все случившееся из стройной колеи событий. Очень уж не случайна эта случайность – наша встреча на мосту. Почему мост? Не знаю. Ноги сами вынесли меня туда. Вам случалось когда-нибудь крепко задумываться во время ходьбы? Воображение рисовало перед вашими глазами картины с ваших мыслей? Яркие образы, бешено работающий мозг, а ноги сами идут по выбранному маршруту. Только иногда оказывается, что ты этот маршрут не выбирал. Шёл, думал и оказался там. А там девушка попала в беду. Бывает. Ей повезло, что я оказался рядом. Слава Богу. Но маска!!!

Входит Иван.

– К тебе посетители.

– Я же просил...

– Увы, мессир, я бессилён, – ухмылочка его эта, – Милитоны пришли с пестиками. Тебе придётся выйти.

– Но у тебя же с ними всё решено, – Иван сам взвалил на себя обязанности моего секретаря. Он сирота. Родители погибли в авиакатастрофе, когда он был студентом третьего курса местного университета. Университет он так и не окончил, зато успел подсесть на наркоту. Я успел встретить его и избавить от героиновых бесов. И по своему кодексу чести Иван стал помогать мне. Он вёл всю бухгалтерию, и договариваться с властями была его задача.

– Решено-то, решено, но просят тебя выйти.

– Просят?! – я чувствую, как мои брови удивлённо ползут вверх, они, обычно, требуют.

– Да, там младший сержант как Эдика увидел, обомлел весь, испариной покрылся.

– Ты показал им Эдика?

– Они сами попросили, – Иван улыбается, смешно ему, – они даже потребовали, чтобы я им показал «что это у вас под ковром».

Эдиком Иван называет наш мини-ледник на месте гибели несчастной изменщицы. Я его постоянно журю за неуважение к смерти, на что он неизменно отвечает, что настолько уважает смерть, что позволяет себе над ней смеяться. «Осмеяние суть индикатор признания авторитета, осмеиваемого». Эх, Ваня! Но выйти всё-таки придётся. Я нехотя встаю с кушетки и бреду в прихожую. Там, прижавшись к входной двери, стоят люди в форме: младший лейтенант и младший сержант. Лейтенант мелкий с крысиной мордочкой, а сержант здоровый шкаф, даже двери из-за него не видно. Одногодки. Не больше двадцати пяти. Я совсем не удивлюсь, если мне скажут, что они одноклассники, мелкий всегда был под влиянием здорового, а сейчас он старше по званию... тут, прямо, сюжет.

– Чем могу быть полезен, господа офицеры?

Уровень сарказма зашкаливает, но я не могу сдержаться – не выношу никакой власти, кроме Божьей. Они наверняка знают про эту квартирку, там у них, конечно, ходят всякие легенды о ней, как обо всём необъяснимом. И боятся. Правильно делают. Пусть знают своё место.

– Младший лейтенант полиции Костриков, – представляется плюгавенький младшой, – Помощник участкового. Это младший сержант Волосовин, – кивок в сторону здорового напарника, таращащего глаза на Эдика. Эти ещё молодые, все «младшие», и я уже не вижу на них бесов. Может, ещё не нагуляли, а может, прошло полнолуние.

– И что же вы хотите, лейтенант?

– Нам желательно осмотреть вашу квартиру, – вежливо со скрытым раздражением цедит плюгавый. Он видит моё презрение к нему, но ему не хватает смелости заявить свою власть. Он в моей берлоге. С невероятным Эдиком посреди прихожей.

– Минуточку, по-моему, у нас есть договорённость с капитаном...

– Это он нас сюда направил. И наделил всеми полномочиями.

– И что же случилось? Может, мы поможем, да, Иван?

– Какие-то маньяки напали на молодёжь. Десять пострадавших. Куча черепно-мозговых и переломов...

– Ну, ни фиги себе! – театрално удивляется Иван, – наверное, стенка на стенку бились!

– В смысле? – непонимающе хлопает глазами плюгавый.

– Ну, десять же пострадавших! Это неслабая куча мала была.

– Нет. Говорят, их было двое. Одна женщина.

– Двое?! Десятерых?! Да ещё и женщина?!!

Плюгавый видит, что Иван издевается над ним, и, игнорируя его вопросы, обращается ко мне:

– Злоумышленники взяли такси и последовали в этот район. Вы не видели никого подозрительного с четырёх до пяти утра двадцать четвёртого августа?

– Нормальные люди в это время спят, что мы и делали, как и все нормальные люди.

– Значит, ничего не видели?

– Ничего.

– Так и запишем. Позвольте взглянуть на ваше жилище.

– Знаете, лейтенант, у нас в квартире сейчас нежелательно присутствие посторонних. У нас сейчас пациент, а обитатели не этого мира весьма чувствительны к болезням. Слетаются, – я кивнул на Эдика, – Поэтому я не советую вам заходить сюда. Рискуете. Особенно вы, лейтенант.

Плюгавый выдерживает мой взгляд, а я вижу, что очень скоро у этого парня будет выход камня из почки, и он уже чувствует его приближение ноющей тяжестью то ли в желудке, то ли ниже. Это видно и по его унылой гримасе, и по его раздражению. Всё это я вижу на дне его глаз, пока он выдерживает мой взгляд.

– Ничего, мы рискнём, – цедит плюгавый, – Служба такая, правда, сержант? Мы сейчас пойдём и посмотрим. Сержант?

Младший сержант, не отводя застывшего взгляда с мини-Антарктиды, быстро отрицательно вертит головой.

– Я... – скрипит он пересохшим горлом, прокашливается, – Я тут за путями отхода слежу.

– Что ж, милости прошу, лейтенант. Начнём с кухни, – я беру плюгавого под локоток.

– А почему в кухню? – плюгавый вырывает свой локоть из моей руки. Он боится. Он видит, что его напарник в прострации. У себя в долгих рейдах рассказывают патрульные друг другу истории про эту квартиру. Он тоже слышал эти байки. Дивился человеческой фантазии, и, прямо скажем, не верил до конца. И вот она эта квартирка. «Ледяной человек в прихожке. – думает он, – Для эффекта можно самому такого сделать. Он же тут пациентов принимает, дурачит их. Целитель, блин. Все они жулики, экстрасенсы».

– Мне нужно подготовить вас.

– К чему? – опять настораживается плюгавый.

– К вечным мукам в аду! – загробным голосом вмешивается Иван, но тут же улыбается, – шутка, шучу я.

– Я вам советую не шутить!

– Всё! Шутить больше не буду! Это я так, разрядил ситуацию.

– Лейтенант, – снова беру его под локоть, – я покажу вам кое-что лёгонькое, а то, знаете ли, с непривычки психика у людей страдает. Особенно у скептиков. Мир рушится, устои... Да не дрейфь ты, лейтенант.

Плюгавый одёргивает куртку с видом: ты, дядя, говори, да не заговаривайся, и идёт на кухню первым. Кухня здесь довольно просторная из-за отсутствия холодильника. Экс-хозяин выделил ему место в кладовой. Так что кроме стола, плиты и тумбочек здесь места более чем достаточно.

– Вот, прошу вас, офицер, – беру его за рукав, – станьте здесь, – ставлю его напротив окна возле стены, где обычно стоит холодильник, – ничего не ощущаете?

Плюгавый прислушивается к себе пару секунд, потом его физиономия сморщивается, как мочёное яблоко и его сгибает в пояснице. Я одёргиваю его в сторону. Это его камень сдвинулся с места и своими острыми краями царапнул стенку мочеочника.

– Всё-всё-всё, сейчас пройдёт. Вот это я вам и хотел показать, – я выдвигаю ящик со столовыми приборами, беру первую попавшуюся ложку и бросаю в место, где плюгавого скрутил приступ. Ложка, кувыркаясь и празднично блестя, летит по дуге, пролетает какую-то границу и замедляется до полной неподвижности на уровне груди, будто попав в невидимый гель.

Глаза плюгавого расширяются, я беру половник и продельваю с ним то же, что и с ложкой, половник тоже зависает в воздухе. Теперь округляется его рот. Я беру горстью сразу несколько предметов, бросаю. Они тоже зависают в элегантном хаосе, позвякивая при встрече. Я двумя руками живо перемещаю несколько вилок и ложек, и получается какое-то животное с длинной шеей половника. Плюгавый недвижим. Его глаза полны детского восторга. Он уже не скептик. Боль иногда ломает его правую бровь, но впечатление от увиденного и буря эмоций, бушующая в его голове, отключают болевой центр.

– Хотите, сами попробуйте, – предлагаю я, протягивая кухонный нож. Плюгавый почти-точно отказывается. – Здесь стоял холодильник, в морозилку которого ревнивый муж положил ампутированные у любовника мужские принадлежности. Понимаете, уровень страданий, боли, изощённости содеянного был настолько высок энергетически, что получился пробой между мирами, и полтергейст проявляется таким образом – зоной аномальной невесомости.

Он кивает.

– А теперь к делу, лейтенант. У тебя в левой почке почти в мочеочнике лежит камень. Ты его уже почувствовал, – плюгавый мелко кивает, поёживаясь, – Если ты пойдёшь дальше по этой квартире, я не могу ручаться за последствия. Может быть много хуже, – смотрю в его глаза, где в плещущемся трепете всплывает иногда на поверхность его сознания островок понимания, – Всем же потом влетит. Я не советую продолжать. А на службе скажешь, что мы тут вдвоём, я и Иван. И вообще, лейтенант, бросай свою службу. Вон, какой молодой, а уже камни в почках таскаешь. Не сдюжишь ты на этой службе. Давай, снимай свою сбрую, сейчас тебя лечить стану.

– Я... при исполнении, – лепечет плюгавый, – нам нельзя форму снимать.

– Да ладно, здесь никто не видит. Да и форма мне твоя без надобности. Ты портупею своюними, а то знаешь присказку: как надену портупею, так тупею и тупею? Оружие понижает воздействие.

Плюгавый, оторопело оглядываясь, начинает снимать кобуру с ремнём. Я беру её у него из рук и бросаю в зону холодильника. Кобура выбивает почти все приборы из зоны, и они осыпаются, весело звеня, указывая границу феномена. А кобура повисает фантастическим драконом, хищно нацеляясь в потолок. На звон приборов слышится из коридора:

– Э, Лёня, ты в порядке?

– Да. Всё нормально, – отвечает лейтенант.

Я критически осматриваю его.

– Ну, ещё кительними... погоны твои не нужны.

Он послушно снимает свою мешковатую рубашку и остаётся в белой майке.

Я разогреваю ладони, с силой растирая и комкая пустоту. Глубоко и ритмично вдыхаю и выдыхаю носом, ловлю то состояние, когда мир то наваливается гулко, то отступает до полной белизны и тишины, сначала медленно, но всё быстрее, до частоты стробоскопа. Плюгавый смотрит на меня уже не как полицейский, а как мой обычный пациент. Этот уже поверил в экстрасенсов. Я взмахиваю руками и чувствую, как в ладонях и пальцах начинается вибрация и покалывание, похожее на ощущение при восстановлении кровообращения после того, как отлежишь руку во сне. Ритм движения мембраны, разделяющей миры, успокаивается до сердечного. Я подхожу к замершему в ожидании сержанту и начинаю работать. Вожу руками вокруг его пояса, ищу пробой в ауре. Вот, нашёл. Это как гладишь мягкий тёплый мех и натываешься на что-то мерзкое и холодное. На кровь, например. Это пробой в ауре, через который я и буду воздействовать на источник боли.

– Вот он, камушек твой. Небольшой. Думаю, одного сеанса будет достаточно.

Тут меня начинает трясти от распирающей изнутри энергии, а руки становятся горячими, я изо всех сил сдерживаю эту дрожь, и от этого у меня по всему телу проступает пот. Я чувствую этот камень, он отчётливо виден на веках закрытых глаз. Спрессованный из кристалликов комочек с множеством острых краёв. Одним своим краем он упирается в стенку мочеочника, и пока он стоит, не больно, но если начинает двигаться... Я мысленным усилием, стоящим мне ещё пару дней упадка сил, посылаю жар с ладоней через пальцы внутрь лейтенанта. Усилие это через несколько мучительных мгновений переходит в абсолютную лёгкость, дрожь уходит и передаётся камню, который на экране век начинает вибрировать и медленно рассыпаться на более мелкие фрагменты, те тоже вибрируют и рассыпаются. Я поднимаю веки и вижу перед собой широко открытые глаза лейтенанта. Я снова Божьей милостью сотворил маленькое чудо.

28 августа, 19:14.

Вдруг всё приходит в норму, и даже кобура лейтенанта падает на пол с глухим стуком. Этот звук стал сигналом к окончанию сеанса.

– Ну вот, – говорю, – нет у тебя больше камня.

Он смотрит на меня с благоговением. Ого, я колдовал над ним около двадцати минут. И выдохся окончательно.

– Слушай, чего-то я устал, – говорю, – давай-ка на этом закончим, лейтенант, – он с готовностью кивает, вот и хорошо, – Ты не пей разной ерунды, раз почки слабые. Чистая водичка, вот что делает человека чистым. Ты же на семьдесят процентов состоишь из воды, а не из «кока-колы» – говорю, пока он с опаской берёт кобуру и одевается, – и ещё, главный совет: бросай эту собачью службу, найди чего-нибудь по душе. Уходи, пока не увяз. Ты, я вижу, совестливый, а тем, кому ты служишь, твоя совесть не нужна.

Лейтенант смотрит на меня долгим взглядом, потом протягивает руку:

– Спасибо.

Я руки не подаю, у меня просто нет сил. Смотрю на него. Это уже другой человек. Тот же плюгавый младший лейтенант, да уже не тот. Что-то изменилось в нём за эти минуты. Я смотрю ему в глаза и вижу в них надежду.

– Всё, тебе пора.

Мы выходим из кухни. В прихожей Иван травит анекдоты. Напарник лейтенанта продолжает нервничать и видно, что он мало слушает Ивана, а Ивану это невнимание не мешает.

– А вот ещё, – кричит он в запале: – Идёт милиционер, а навстречу ему...

– Иван, прекрати.

– Чего, прекрати? Вас уже нет полчаса. Этот молчит. А мне что делать?

– Всё. Наши гости уходят. Проводи, я лягу.

И только я это говорю, из нашей спальни раздаётся грохот. Младший лейтенант икнул и сделался бледным.

– Землетрясение, – орёт он, но спазм сдавил горло, и получается какое-то сипение.

– Спокойно, офицер, ничего страшного, это ещё один феномен. Идёмте, я покажу. – Я подхожу и открываю дверь в спальню. Звук катаклизма многократно усиливается.

– Вот, посмотрите, – подзываю плюгавого. Приходится кричать. Тот с опаской выглядывает в дверной проём. Обычная нищенская обстановка обычной комнаты в обычной «хрущёвке». Всё обычно, кроме грохота и сотрясения пола. Из обычной комнаты раздаются, совсем необычные звуки, будто проснулся весь дом и начал потягиваться и урчать, как кошка, если бы эта кошка была размером с дом. Лейтенант, стараясь не смотреть мне в глаза, поворачивается на негнущихся ногах и идёт к выходу. Иван открывает входную дверь, и злосчастные посетители с видимым облечением покидают наш дом. Ещё одна легенда для пэпээсников.

– Пронесло, – говорит Иван, когда грохот стихает, – Извини за балаган, но я чувствовал себя Коровьевым⁶.

– Не думал, что будет такой резонанс.

– Да уж. А ты случаем никого не замочил?

– Ты что? Я был очень даже мягок. Но средние телесные я им нанёс. Скорее всего, по «Скорой» они на нас и вышли. Когда к тебе на участок заявляется куча травмированных, хочешь не хочешь, а в полицию сообщишь. А ты что это так на них набросился? Испугался?

– Мне–то чего бояться? – фыркает Иван, – Это ты там был, а не я.

– Меня никто не видел.

– Ага, а таксист?

– Было темно, и я прятал лицо. Было уже поздно или, скорее, рано. Его внимание в это время суток было рассеяно, к тому же, скорее всего, когда я подошёл к нему, он спал по обыкновению таксистов. Я, кстати, тоже поспал бы. Совершенно валюсь с ног. Как там Алиса?

– Да вроде ничего. Спит.

– Пойду и я.

Я захожу в спальню, падаю на тахту и не чувствуя удара о простыню, проваливаюсь в глубокую пропасть сна.

29 августа, 1:22.

Я просыпаюсь от того, что очень тихо. Я спал крепко, значит, грохот пропал. Некоторое время лежу, прислушиваясь к себе и окружающему миру. Тихо и спокойно. Я уверен, что коридоры между мирами исчезли, а вместе с ними исчез и полтергейст. Свет от фонаря освещает комнату сквозь не зашторенное окно. Я чувствую, что мой мочевого пузырь скоро лопнет. Встаю и выхожу в прихожую, отметив, что Ивана нет на его спальном месте. Я прохожу к туалету, зажигаю свет и вижу, что Эдик исчез и ковёр, коим был накрыт наш снежный человек, накрывает пустоту. Всё, духи оставили нас в покое. Пока я облегался, я услышал звуки из комнаты Алисы. Вроде бы разговор. И смех. Видимо, Иван там, развлекает гостью. Смех – это хорошо. Смех делает страшное нестрашным. Он уничтожает зло. Превращает его в ничто.

⁶ **Коровьев** – один из персонажей свиты Сатаны из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выступающий в качестве шута. В своём истинном облике оказывается рыцарем, вынужденным расплачиваться постоянным пребыванием в свите Сатаны за один когда-то сказанный неудачный каламбур о свете и тьме.

Стучусь и вхожу. Алиса сидит на разложенном диване, укутавшись в одеяло, несмотря на довольно тёплую ночь. Она смеётся, морщась от боли в рёбрах, а Иван, стоя посреди зала, показывает пантомиму. Они играют в "крокодила". Выглядит сюрреалистично, в последние три дня я видел Алису, когда она или была без сознания, или спала.

– Привет, – говорит она, – спасибо, что помог.

– Привет, – говорю. – Всё – кончился полтергейст.

– Наконец-то! – в голосе Ивана неподдельное облегчение, и я его понимаю, – Теперь можно будет поспать по-человечески.

– У вас что, есть полтергейст? – лицо Алисы освещается интересом, её орехового цвета глаза сверкают, распахнутые в удивлении, она уже совсем не та, которая была похожа на больную кошку. – Тот самый Барабашка?

Иван кивает, я вижу, что на эту тему он нашёл благодарную слушательницу. Пока я сканирую Алису, он тут же вкратце рассказывает ей историю этой квартиры и про связь её болезни с возмущением э-поля. С Алисой уже всё намного лучше, она двуязычная. Пока Иван упивается Алисиным вниманием, я рассматриваю её. Девочка, что говорится, породистая. Хороших кровей. Это видно по тонким чертам её лица, обрамлённым густой гривой длинных слегка вьющихся чёрных волос, по лёгкой горбинке на её удлинённом носу, по огромным гипнотическим глазам, по тонким изящным пальцам её красивых рук. Хоть фигура её и скрыта под одеялом, по рукам со стопроцентной уверенностью я могу утверждать, что с фигурой у неё всё в порядке. Она может стать чьей-то музой, такие вдохновляют художников и поэтов. Совсем ещё молоденькая, школу, поди, только закончила. Я пытаюсь представить её в белой венецианской маске, как её зубы впиваются в нос насильника, вспоминаю укол её взгляда на тропе жизни в том овраге, её слёзы, смешивающиеся с дождём. Я ничего не знаю о ней, но я её знаю. Она своя, без беса. Не зря, ой, не зря занесло эту Алису на мост.

– Это так интересно, я так хотела пообщаться с Барабашкой – восхищается Алиса, – жаль, что нам нужно скорее сваливать отсюда.

– Как это сваливать?

– Да, босс, так и есть, нам нужно менять дислокацию. Те полицейеры приходили не зря. Они ещё вернутся. Алиса, покажи.

Алиса достала из своего рюкзака десятидюймовый планшет милитаризованного дизайна. Он похож на американский Hammer. Такой же потёртый на бронированных углах, источающий надёжность и комфорт. Она взяла гаджет в руки, и его дисплей осветил её лицо неземным светом. Поводив по экрану пальцем, она подала его мне.

Игрушка оказалась неожиданно лёгкой, она очень удобно слилась с моей рукой и у меня промелькнула мысль, что с появлением этой штуки отомрут многие вещи за ненужностью. Книжки, кино, газеты. Собеседники, друзья, дети. Самая удачная попытка окунуть человека в одиночество. Полная победа иллюзии над действительностью.

На этой штуке рисунок белой венецианской маски на тёмном фоне. На этом же фоне пририсована фигура в чёрном. Ни разу не видел себя со стороны во время охоты, но, вероятно, я был похож на этот рисунок. Тем более что глаза маски имели характерный гуманоидный разрез. Маска!

– Что это? – мне ничего больше не пришло голову, кроме этой дурацкой фразы.

– Смотри дальше, – сказала Алиса, – там ещё много интересного. Листай как книжку и наслаждайся.

Я провёл пальцем по гладкой поверхности дисплея справа налево, и страничка переместилась вслед моему движению. Открылась типовая интернет-страница какого-то форума. На ней какой-то [ASPCaYmAn](#) описывал своё чудесное избавление от хулиганов, избивавших его. Тот случай, когда я сломал бесноватому ногу. Комменты не читал, перемахнул страницу. Ещё какой-то форум, где некий [WO12041983](#) писал, как его знакомую спас какой-то гума-

ноид. Потом i333old@@@, видимо эта знакомая, в ответ на неумный юмор прислала рисунок с моим изображением и историю номер два, когда хулиганы отделались лёгким испугом, а самый заводной был схвачен за нос и кручен за него до хруста, до ручья крови и здоровенной «сливки». Одним словом, набралось с десятков таких страничек. Всего описано три случая. Я молча смотрю на Алису, она на меня.

– Что здесь происходит?

– Босс, – начинает Иван.

– Какой я тебе босс? – взрываюсь я, но мгновенно заталкиваю ком раздражения куда-то под желудок, – объясните, что здесь происходит.

– Я пытаюсь. Алиса сбежала из дома, когда она узнала, что она на самом деле приёмная дочь. Узнала после похорон, как оказалось, приёмного отца.

– Стоп! Я ничего не понимаю!

29 августа, 1:57.

Если коротко. Об Алисе.

Алиса все свои почти двадцать лет жила в счастливой хорошо обеспеченной семье. У неё был умный любящий папа, мама умерла при родах, а папа так и остался один. Он всегда верил в неё и поощрял все её действия, если они были направлены на познание мира. У них жила гувернантка Виолетта, она занималась хозяйством, воспитанием девочки, и в тайне, что было совсем не тайной, удовлетворяла мужские потребности папы, что можно простить отцу-одиночке. Папа был без ума от Виолетты, были планы на повторный брак. Виолетте не нравились увлечения Алисы оккультизмом и хакерством. Она как будто боялась девочки. Да, Алиса была умна не по годам, некоторые её способности поражали до немоты, но папа радовался этому, а Виолетта, – нет. Для неё это было, как проказа. Отец до девяностых годов, ещё до появления Алисы служил в каких-то очень засекреченных структурах. Там делали какие-то эксперименты над людьми, чтобы произвести суперсолдата. В те времена многие государства занимались этим. Да и по сей день занимаются, но её папа был уже не у дел. Сейчас солдаты уже не нужны, вполне достаточно банков. Папина контора в начале девяностых рассыпалась без финансирования, а отец сделал свой бизнес и жил в достатке. Именно в этот момент и появилась Виолетта в его жизни. Он всю жизнь дружил с дядей Витей. Тоже какой-то тайный агент. Его Алиса помнила всю жизнь с той поры, когда могла уже что-то помнить. Очень душевный дядька, только... всегда при тактильном контакте с ним Алиса чувствовала спазм в животе. И как оказалось, не зря. Примерно год назад бизнес её отца захватили рейдеры. Папа очень нервничал, много пил. Алиса очень любила отца и переживала за него. Дядя Витя, как мог, поддерживал друга, в основном, за бутылкой водки. Недавно Алиса проснулась вся в поту.

– Я увидела во сне, как дядя Витя приближается к спящему от доброй дозы снотворного отцу, – голос её ровен, а глаза пусты, так как она смотрит внутрь себя и видит тот сон, пересказывая его нам, – Отец спит за рабочим столом, уткнувшись лицом в сложенные в локтях руки. Дядя Витя ставит свой кейс на стол, достаёт из него пластиковый футляр, похожий на контейнер для переноски яиц, из него плетёную из серебряных нитей штуку, очень похожую на ваши ловушки из лески. – Я вижу, как Иван широко улыбается и приосанивается, как бы поправляя несуществующий галстук, а Алиса продолжает с тем же мраморным выражением лица, – Он надевает эту штуку на папину голову, и я вижу, что это сетка для волос, но из серебряных нитей, а не из лески, как у вас. Дядя Витя колдует над своим футляром. Там у него какой-то пульт со всякими кнопками и стрелками. Он нажимает красную кнопку и отходит в сторону, глядя на часы. Отец вздрагивает, как от электрического заряда, весь напрягается, потом опять опадает в прежней позе. Дядя Витя снимает серебряную сетку с головы отца, бережно складывает её в свой футляр и уходит. Сон этот был очень реален, я даже почувствовала запах кварца.

Отец спит, но я чувствую, что он уже не мой отец. Он – зажжённая петарда, запущенный механизм часовой бомбы, робот с заданной программой.

Она ходила весь день, не зная, как сказать отцу об этом сне. И так и не решилась сказать.

– Зачем я не сказала ему, – её глаза наполняются слезами, и те, достигнув края век, скатываются по её по-прежнему неподвижному лицу.

В тот день пришёл дядя Витя, спросил, как дела, тронул Алису за локоть, заставив её непроизвольно сжать ягодичы. Он поговорил с отцом, а на следующий день отца нашли мёртвым с огнестрельным ранением головы. Было расследование по горячим следам, была версия самоубийства. Было горе и боль утраты. Был дядя Витя, приехавший утешать вдову. Когда тело привезли из морга, Алиса боялась входить в комнату с гробом, не решалась посмотреть на то, что уже не её отец. Виолетта и дядя Витя отправили её спать. Алиса уснуть не смогла, так как плакала и сквозь плач слышала какие-то звуки из комнаты с гробом. Ей стало страшно, но интерес, всё же, заставил её войти в эту комнату. Там рядом с гробом дядя Витя, спустив свои форменные с лампасами брюки до пола, употреблял Виолетту прямо сквозь колготки, разорвав их по шву. Судя по поведению Виолетты, она была не против. В глаза бросилось, что у неё под колготками не было трусиков.

– Она специально не надела трусы, она заранее была готова к этому. Их... – по лицу Алисы, похожему на манекен, прошла волна омерзения, – ...совокупление возле гроба с покойником походило на ритуал. Я говорю, Виолетта, что ты делаешь? Ты же отрицаешь эзотерику. Тебя же коробило от моих интересов, а в то же время ты сейчас на глазах у папы... ты не думай, что он мёртв и ничего не видит... трахаешься с его другом, который убил его. Похоже вы в сговоре. – Снова по её лицу проходит та же волна, – О чём ты, девочка, говорит дядя Витя, надевая штаны. Он никогда не называл меня по имени. «Детка, девочка». Кто убил твоего отца? Он сам застрелился. После разговора с тобой, говорю, ты ушёл, а он потом застрелился. Вот видишь, говорит дядя Витя, он сам, я не причём. Да, говорю, дядя Витя, но ты перед этим напоил его снотворным и примерил на него серебряную шапочку. Дядя Витя меняется в лице и лезет в карман. Я думала – пистолет, нет – за мобилой. Да мне плевать, шипит Виолетта, твой отец был мне противен, хотя, какой он тебе отец. Ты, ты мне противнее его. И он тебе не отец. Ты какая-то чужая тварь. Он удочерил тебя в связи с экспериментом. Молчи, Виола, кричит дядя Витя Виолетте, – по её щеке бежит свежая капля, – молчи, не видишь, ребёнку плохо, переживает, городит чепуху. Надо вызвать скорую. И тут я понимаю, что они меня живой не выпустят. Увезут в свою секретную «дурку» и свернут эксперимент. Почти мачеха превращается в разъярённую кошку, ещё бы, я прервала такой интимный момент, прервала ритуал. Я бросаюсь в свою комнату, хватаю ноутбук и убегаю в окно, в то время как дядя Витя ломится в дверь моей комнаты, – глаза Алисы, наконец, засветились смыслом, она улыбается, глядя на меня, – такие вот новости, Бэтмен, и это только первая часть.

Первую неделю она жила в столице, прячась у своего друга-хакера. Они взломали компьютеры Виолетты и дяди Вити. Это было весело, улыбается она заговорщицки. Алиса ещё за год до событий обнаружила в Сети упоминания о некоем человеке в венецианской маске, вступавшемся за беззащитных.

Сама приверженец флэш-мобов⁷, Алиса была впечатлена похождениями Бэтмена, как его (меня) сразу окрестили в Сети. Она тщательно процеживала информацию, собирая сведения о нём (обо мне). Его (мои) следы были отмечены в трёх городах: Новосибирске, Сочи и Пскове. И вот в компьютере дяди Вити, состоящем в каком-то подразделении «Б1», Алиса обнаружила папочку, посвящённую Бэтмену. Её содержание я держал в руках.

⁷ **Флэш-моб** или *флэш-моб* (от англ. *flash mob* – *flash* – вспышка; миг, мгновение; *mob* – толпа; переводится как «мгновенная толпа») – это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговорённые действия (*сценарий*) и затем расходится.

– Подразделение «Ы»?! – переспросил Иван, – У них, случайно не Моргунов⁸ командир?
– Я тоже заметила некую параллель. Помнишь из того фильма? «Операция «Ы». А почему «Ы»?

– «Чтобы никто не догадался» – продолжил цитату Иван.

– Точно. Это как прятать что-либо на самом видном месте. Если кто-то узнает и пустит слух, что в принципе тогда было невозможно, ну а вдруг. Никто ведь не поверит. Будут ржать и пальцем у виска крутить: подразделение «Ы»?! Как ты сейчас.

– Это что же, – вмешиваюсь – на меня охотится какая-то спецслужба?

– Думаю, если бы искала, то уже б нашла. Но что у них к тебе интерес, это факт. Точнее, к твоей маске.

– Алиса, а что насчёт твоей маски?

– Маска для того, чтобы ты понял, что я своя. Я ждала тебя на мосту.

Ничего себе, признания!

– В смысле «ждала»? Ты знала, что я буду там?

Алиса пожала плечами:

– Знала.

– Откуда?!

– Просто я могу.

– Удивительно.

– Не более удивительно, чем твой полтергейст и подразделение "Ы". У меня с детства есть способности. Могу находить людей, предвижу некоторые события и всякая мелочь.

– Босс, интересное дело получается, – вмешивается Иван, – Просто «Битва экстрасенсов»⁹. Он же экстрасенс, – говорит он Алисе. – Людей лечит. Бесов видит.

Глаза Алисы расширяются:

– Аллилуйя! Ребята, я так удачно вас встретила! А, главное, вовремя! Я так рада, что оказалась на мосту!

– Значит, ты приехала сюда специально?

– Ну да. Меня что-то привело на тот мост. И я знала, что на мосту мы и встретимся, не знала, правда при каких обстоятельствах. Я хотела предупредить об опасности. Уехать из Москвы нужно было в любом случае. И я поехала сюда, потому что знала, что встречу здесь тебя. Увидела где-то название этого города, оно вспыхнуло, прыгнуло мне в мозг, и я увидела всё. Дядя Витя меня ищет. Поэтому мне нельзя соприкоснуться с полицией. И ты у них в разработке, к тому же, наша с тобой убойная встреча не пройдёт за обычный мордобой. Они начнут искать маску.

– Уже ищут – бросает Иван.

– Что ты ещё узнала из компьютера дяди Вити? – спрашиваю я.

– Ой, там много чего. Я всего ещё и не изучила. Целый аналитический отдел нужен, чтобы всё по полочкам разложить. Терабайты информации. Она вся у Гоши, моего московского друга-хакера. Ему за счастье там покопаться. Как найдёт важную инфу, мне по Инету опишется.

– Но что-то ты уже нашла? – в глазах Ивана дикий интерес.

– Подразделение «Ы». Секретный отдел КГБ. Сейчас неизвестно кто за ними стоит. Очень строго законспирирован. Занимался и занимается разработкой психотропного оружия, боевого оккультизма, созданием сверхчеловека, моделированием действительности. Мой экс-

⁸ Евгений Александрович Моргунов (27.04.1927 – 25.06.1999) – советский и российский актёр, заслуженный артист РСФСР (1978). Наиболее известен по роли Бывалого из триады Трус, Балбес Бывалый в серии советских кинокомедий Леонида Гайдая. В данном случае фильм «Операция «Ы», или новые приключения Шурика» (1965)

⁹ «Битва экстрасенсов» – передача российского телеканала ТНТ, снятая в формате британского телешоу «Britain's Psychic Challenge». Транслируется с 25 февраля 2007 года.

папа служил в одном из отделов этого подразделения. Кстати, сейчас Гоша ломает папин комп. Дядя Витя тоже там каким-то спецом служит.

– Да ладно, Алиса! – вскинулся Иван, – Что ты говоришь? Про такую чушь целые каналы есть по телевизору. Ты сейчас то же самое несёшь!

Алиса усмехнулась.

– Вот видишь, как они хорошо замаскировались. Никто ведь никогда не поверит в подобную чушь. Эта информация, которую мы добывали в течение трёх суток. Гоша просто гений. Такую защиту обошёл. Там полным-полно откровенной ерунды, возможно, и скорее всего, это шифр. Я же говорю, что нужен целый аналитический отдел по расшифровке. И там была папка с Маской. Не сомневайся, что информация о происшествии на мосту уже дошла до них, и они начнут искать.

– Подразделение «Б1», – говорю задумчиво.

Да, есть над чем задуматься. Я спас девочку, наверняка с экстрасенсорными способностями. Её «папа» какой-то учёный или агент суперзасекреченной организации, бывший, правда, хотя, бывших агентов не бывает, погиб при странных обстоятельствах. Причиной его смерти Алиса считает его друга и друга семьи, который тоже является служащим этой конторы. Причём, судя по штанам с лампасами¹⁰, занимает там немалый пост. Что-то заставляет меня верить Алисе. И этот дядя Витя сейчас действительно ищет Алису, так как она – свидетель. Свидетель юридически неправомерный, но, судя по реакции на обвинения самого дяди Вити, вполне серьёзный и, что немаловажно, единственный. Для неё это смертельно опасно. Эта девочка ищет со мной встречи, чтобы предупредить о том, что мои рейды заинтересовали эту службу. И в результате, становится центром побоища, после которого я буду иметь проблемы с властями. Не сказал бы, что меня это пугало – я сознательно стал на тяжёлый путь борьбы с нечистью. Но теперь моё присутствие в этом городе нежелательно. С другой стороны, внезапное бегство подтверждает мою причастность. Я в прошлое полнолуние изрядно пощипал бороду чертям. Теперь они за меня возьмутся всерьёз. Да, дела! Неисповедимы пути Твои.

– Ну что, босс, когда отвал? – спросил Иван.

– Завтра. Алиса, сможешь двигаться?

– У меня нет выбора.

Я улыбнулся:

– Ты молодец.

– Я знаю.

29 августа, 2:47.

– Иван, ты же понимаешь, что тебе придётся остаться?

– С чего бы?

– Утрясёшь все дела, чтобы не выглядело как бегство. Мол, экстрасенс съехал тихо и всё. Помнишь? Всю бюрократию ты сам взял на себя.

– Ты прав, босс. Надо тут зачистить всё. А потом я вас нагоню.

Думаю, Иван принесёт больше пользы, оставшись здесь, нежели будет из пары делать группу. Мы с Алисой быстрее доберёмся... куда? Почему с Алисой?

– Куда подадитесь? – спрашивает Иван.

– Надо думать.

Думать! Я могу поехать в другой город. Автостопом, электричками. Пробраться подальше, как я делал не раз. А что с Алисой? Клубок событий, заверченный нашей встречей, уже не даёт нам права разойтись разными путями. Да как я смогу теперь действовать как

¹⁰ По форме одежды в ВС России форменные брюки с широким лампасом положен военному чину не менее генерала.

раньше, имея такую информацию?! Теперь я не один. Теперь у меня есть помощник и неизвестная ведьмочка без беса, появление которой не принесёт мне покоя.

– Знаешь, босс, тебе надо поговорить с Алисой. Посовещаться. Я понимаю, ты привык действовать в одиночку, надеяться только на себя...

– На Создателя надеюсь, Он ведёт меня.

– Да-да, знаю, – говорит он тоном психиатра, – Тогда кто ведёт Алису? Она тоже не простая, босс, и теперь вам надо как-то координировать свои действия.

Я об этом не подумал. А ведь он прав! Люди с уникальными способностями настолько редки, что пользуются свой дар, в основном, в одиночку за неимением такого же, как они во всей округе. А мы с Алисой, два неординарных человека встретились и, как две планеты, взаимно схваченные собственной гравитацией, остаются вращаться вокруг друг друга в общей системе, так и мы должны остаться и взаимодействовать, чтобы уберечься от беды.

– Босс, ты же не знаешь, на что она способна. И она не знает, на что способен ты. Поговорите завтра. Уже поздно, надо спать, а завтра... ну и денёк будет завтра.

Легко и просто завалиться, и дрыхнуть! Сам наговорил тут, и спать улёгся! А ты думай... а чего думать? Завтра будет видно. У меня свои варианты, у неё свои. Прикинем, посоветуемся. Мысли лезут одна на другую. Странно, но не могу сосредоточиться на чем-то одном. Они не дают мне уснуть, эти мысли.

Есть старый проверенный способ: лёгкими поглаживающими движениями, едва касаясь, не быстро гладишь лоб, брови, переносицу. Гладишь. Гладишь. Не долго. С минуту. Гладишь... и не замечаешь, как падают твои руки, и уносишься ты в еженощное неизведанное.

Дева

1.

Я изо всех сил стискиваю зубы. Ощущение, будто кусаешь сырое мясо, только мясо живое. Этот чмошник, что полез ко мне, теперь верещит, как свинья. У меня на языке солоноватый вкус его крови. А ещё слюни и сопли. Какая гадость!! Только бы не стошнило! Это вдобавок к тому, что его дружки пинают меня ногами по рёбрам. И почему я постоянно попадаю в какие-то странные истории?!

– Нет! – орёт тот, что с носом в моём рту, – не бейте её. Не бейте, она же мне нос отгрызёт! Отпусти! Отпусти, пожалуйста!

Вот уж фиг тебе! Надо было раньше думать. Мне теперь обратной дороги нет. И я двигаю нижней челюстью, вгрызаясь ещё сильнее. Поднимается жуткий вой.

Эти сволочи стали приставать ко мне, пока я витала в видениях, на краю моста, глядя в бездну за перилами. Я чувствовала, что Бэтмен идёт ко мне. Он уже совсем близко. Его цель – этот мост. И тут, кто-то совершенно неожиданно, вырвав меня из грёз, срывает с меня маску и, подстрекаемый целой толпой таких же, как он, лезет ко мне с поцелуями. Его нос был самой близкой мишенью. Это единственное, как я смогла отреагировать. Ам!

Я прихожу в себя. Меня больше не бьют, слышу глухие удары – бьют уже кого-то другого. Вдруг кто-то хватается меня за волосы. Ай! Вот сволочь, ты за это ответишь! И тут я вижу его. Бэтмена. В точности, как на рисунке той девчонки из Нета. Значит, всё правда. Он есть! Волна оглушительной радости умерила боль. Какой-то недоносок, тянет меня за волосы, приставляет к горлу нож, но я знаю, что Бэтмен меня спасёт. Эта тварь боится его. Я чувствую, что победа близко. И когда, он отвлекся на приближение своей стаи, я хватаю зубами его руку с ножом, что угрожала мне. Загрызу всех! И тут Бэтмен вышибает из гада сознание к моей великой радости...

– Привет, – говорю, – спасибо!

– И тебя спаси.

Он во всем чёрном, чёрный комбинезон, чёрный капюшон – похож на японского убийцу-невидимку из американских киношек. Только у тех лица замотаны тканью, а у Бэтмена – белая венецианская маска, как моя, только с вырезанными под гуманоида глазами. Очень круто смотрится. Глаза большие чёрные и сияют где-то в глубине. Как он добился такого эффекта? Наверняка черные тени или что-то вроде того.

Ай!! Умопомрачительный приступ боли сгибает меня пополам, организм говорит, что у меня внутри не всё в порядке с органами. Но больно ещё не до конца, я всё ещё на взводе. Перед глазами плывут радужные круги, но они не приносят радости. Он тащит меня. Больно. Нужно спрятаться, уползти во тьму. Когда опасность отступила, и адреналин перестал поступать в кровь, боль новой волной обрушивается на меня, скручивая спазмами, выворачивая наизнанку, из меня рвотой вырывается кровь, и я ныряю ещё дальше во мрак.

Я добиралась сюда автостопом. Всего за сутки добралась с пересадками. Гоша – гений. «Когда мне было три года, говорит он, я сделал систему защиты, при помощи которой, когда мне было четыре, взломал защиту какого-то банка. Теперь мне двадцать один и я способен на многое» Он собрал и подарил мне отличный армированный планшет. Эта штука выходит в Инет в любой точке страны и всегда остаётся невидимой. «Скажу по секрету, у меня есть пароли на админа ФСБ, говорил он, это я им всю систему прописывал»

Я выплываю из тьмы и слышу, как он зовёт меня... опять надо идти... потом ползти... больно... пальмы, море, песок... я, наверное, грызла траву, у меня песок на зубах хрустит... иногда он что-то говорит, но слышу нас откуда-то со стороны... больно... я то ныряю во тьму, то всплываю... началась гроза... Чёрт! Мы выдали себя! Ёшкин кот! Теперь ещё нужно бежать... собака. Собачка. Он хочет убить собачку... не убивай... нет... не будет убивать... Ай! Как же больно... бежать... нет... не надо полицию... бежать... мы в такси... мы едем... здесь сухо и не очень холодно... мы смеёмся как ненормальные... боль усиливается... он смотрит на меня... внимательно смотрит. Да, я сейчас выгляжу не ахти...

Конечно, я чувствовала, что они немного не те люди, за кого себя выдают, не ощущала... как это сказать... зова крови, что ли. И не очень переживаю теперь по поводу того, что я приёмная дочь. Теперь я цельная.

Киски... девятижильные существа... они такие мягкие, такие тёплые, урчащие пушистики... хочется улыбаться, глядя на них... Виолетта их не любила, ссылалась на аллергию... а Илье было не до кошек...

Илью от души жаль. Он и в самом деле любил меня, как родную. Что касается Виолетты, эта стерва никогда мне не нравилась. Если Илью я считаю отцом, он же воспитывал меня, растил, то Виолетта, несмотря на всю видимость стараний заменить мне мать, была двуличной гадиной. Всё время была внимательна, но холодна, как сосулька, презрительна, надменна и жестока. Нет, не всегда, в присутствии Ильи она была лапочкой. А в его отсутствие жало её языка всегда находило моё слабое место.

Эксперимент. Она говорила про какое-то задание. А Ильи иногда рассказывал мне, что здорово было бы сделать солдат, которые не умирают или убивают силой мысли. Он рассказывал это только наедине. Никогда при ней. Он тоже до конца не доверял ей.

Пока кто-то исцеляет моё тело, я витаю по окрестным мирам, и вижу, что не случайно, рискуя всем, проникла в дом после похорон и стащила дневник Ильи. Он часто писал в нём, когда я ещё малышкой сидела у него в кабинете, играясь с колодой карт, легко угадывая масть и достоинство любой карты. Дневник был зашифрован, значит в нём действительно важная информация. Теперь дневником занимается Гоша. Я уверена, что он расшифрует записи, нужно только время.

Ещё я вижу, что Виолетта совсем не та, какой себя позиционировала, любящей женой, матерью и домохозяйкой. Я поняла, что она – колдунья. Секс над трупом Ильи был ритуаль-

ным, он помогает ведьмам получить колоссальное количество сильнейшей энергии, соединив два взрыва – секс и смерть. Это уже колдовство. Так могут делать очень крутые ведьмы.

А ещё, я чувствую, что место, куда меня привёл Бэтмен дико «фонит». Но это не опасный фон. Там, где я сейчас, я вижу все кожей, как растение. Боль я чувствую красной и дурно пахнущей, а фон холодным и немного скользким, он успокаивает и делает боль светлее. Часто жар Бэтмена делает её зелёной и прохладной.

Я понимаю, что такое моё состояние вызвано травмой и на таком уровне восприятия я ещё ни разу не была... Я вижу в центре не имеющего формы, постоянно меняющегося Нечто, и все эти переливы можно прочесть как книгу. Я знаю, что достичь такого уровня можно, но нужно медитировать, либо помогать себе различными специальными веществами. И я, находясь в этом пограничном состоянии, вижу, что Виолетта перешла этот рубеж и стала опасной. Мне нужен теперь щит, экран, чтобы она не увидела меня. И я знаю, что Бэтмен будет этим щитом.

Снова вынырываю в реальность, слышу какие-то голоса... опасно, но только чуть-чуть... Бэтмен справится, с чем он справится, я пока не вижу, но знаю, что он справится с чем угодно...

Бэтмен сразу привлёк моё внимание, как только я увидела первый пост о нём. В отличие от некоторых интернетовских чмошников, он действует. Как и я. Я тоже могу легко замутивать флэш-моб и люблю похулиганить в стиле Тайлера Дёрдена¹¹.

Самой первой моей акцией было даже не действие, а умение объединить людей для осуществления какой-то идеи. Я, находясь за почти девятьсот километров от Киева, заставила группу подростков всего-навсего незаметно бросить в каскадный фонтан открытую бутылку «Фэйри». У меня есть их фотоотчёт: по улице во всю её ширину ползёт огромная, как снежная лавина, доходящая человеку до груди, мягкая пена, искрящаяся всеми цветами радуги в лучах летнего солнца; а вот несколько пожарных машин, врубив водяные пушки на всю мощь, разгоняют пену, в их струях играют радуги. Более прекрасных фото я не видела никогда. А вот ещё фото очевидцев, где по их лицам видно, что они тоже не видели ничего подобного. Это говорят их по-детски распахнутые глаза. Властям пришлось пятикратно отмывать улицу от пены. И это всего лишь пузырёк «Фэйри»! И снимки этой улицы после «катастрофы»: сияющий асфальт и гранит бордюров, сияющие окна и витрины, сияющие лица детей и взрослых. Это доказательство того, как я смогла зажечь людей на действия, причём на расстоянии. Потом я ещё шалила. Могла, например, сыпануть пригоршню размоченного пшена на капот дорогого авто, нагло припаркованного вплотную ко входу в подъезд. Пшено прилипает к капоту, прилетают голуби и склёвывают эти зёрнышки вместе с полировкой и краской. Чтобы выделяться из толпы, довольно того, чтобы не быть дерьмом.

В большинстве своём люди подобны биороботам, выполняющим программу, вбитую стереотипами. Их основные инстинкты – инстинкт размножения и самосохранения, и они веками топчут закольцованную дорожку, уже ставшую глубокой колеёй, из которой не выбраться. Они считают смерть чем-то страшным, забывая, что страшнее действительности ничего в этой жизни нет. А нужно просто освободиться от заборов и оград. Иногда их проще сломать, нежели обойти. Я не понимаю тех, кто идёт по накатанной кем-то дороге, не видя ничего вокруг, кроме своей колеи. Ненавижу равнодушие и рутину. Иногда возникает впечатление, что вокруг луна-тики – спят наяву. И чтобы как-то разбудить их, приходится делать встряску. А так как все очень любят деньги, то уничтожаю материальную составляющую этого мира.

Я хочу, чтобы люди перестали быть свиньями, глядящими только в свою кормушку. Ведь свинья наиболее близка к нам генетически, её органы удачно пересаживают человеку. Свинья не может смотреть вверх, она, в отличие от человека, не способна видеть небо. А людям сейчас

¹¹ **Тайлер Дёрден** ([англ. Tyler Durden](#)) – персонаж романа [Чака Паланика](#) «[Бойцовский клуб](#)» и снятого по его мотивам [одноимённого фильма Дэвида Финчера](#) (его роль исполнил актёр [Брэд Питт](#)).

недосуг смотреть на небо, ищут: чтобы подобрать. Мои акции помогают вспомнить всем, что вся наша реальность – всего лишь декорация. Стоит лишь оторваться от корыта, и эти декорации исчезнут. И ты увидишь, что мир вокруг намного больше и увлекательнее корыта.

Опять звуки вырывают меня вовне... грохот... будто поезд несётся за дверью... они здесь...

Так. Да. Здесь хорошо. Мягко, тепло, упоительно. Свет вокруг медленно пульсирует, переливается, волнам проходя сквозь меня, и я слышу, и вижу, и чувствую: комната с ничего не значащей обстановкой и в центре той комнаты Илья и дядя Витя. Они много моложе. Совсем ещё мальчишки, немного смешные в их напыщенном стремлении быть значительными, под стать возложенной на них ответственности. Илья пристально смотрит на дядю Витю и говорит: ты ведь понимаешь, если что-то пойдёт не так, мы не сможем его убить? Дядя Витя также пристально смотрит на Илью и начинает улыбаться, причём искры в его глазах делают улыбку сумасшедшей. Ничего не может пойти не так, – отвечает он, – и ты это знаешь.

2.

Свежесваренный кофе будит меня своим ароматом, и я улыбаюсь. Боли уже нет. Лёгкая тяжесть... именно так – лёгкая тяжесть в почках напоминает время, когда они были огненными шарами, втиснутыми мне в тело. Я потягиваюсь и открываю глаза.

В комнате, кроме меня и кошек молодой человек, он выглядит моложе Бэтмена. В его руках поднос, упоительный аромат исходит от стоящей на нём чашки. О, мой рыцарь! Я беру чашку с черным напитком.

– Сигарету? – спрашивает он.

Конечно, да! Затягиваюсь, делаю глоток кофе, выдыхаю... тело наполняется энергией. Что может быть лучше кофе и сигареты после побоев, дикого марафона и зависания в другой реальности?! Теперь можно рассмотреть моего угодника.

– Как зовут тебя, рыцарь?

– Иван, – улыбается. Хорошенький, влюбиться можно. Глаза умные, с опытом. – Я тоже закурю? – Вот ведь, галантный, к тому же, Иван.

– Кури.

Курим, выпускаем дым и сквозь его вуаль смотрим друг на друга.

– Как себя чувствуешь?

– Спасибо. Лучше. Ты кто ему?

– Кому? – лукавый взгляд сквозь дым.

– Этому, в маске. Бэтмену.

Улыбается.

– Я его так сказать, спец по вооружению, инженер и режиссёр, – явно горд собой, – Бэтмен. Я его тоже так называю.

– И не только ты, – я выкладываю ему часть информации, от которой у него и глаза, и рот округляются от переизбытка интереса. Но всего, конечно, я говорить не стану, лучше потом расскажу Бэтмену. И осаживаю его слегка, переключаюсь на него. Он сразу начинает хвалиться своими выдумками, которые помогают Бэтмену творить справедливость. Поддакиваю, восхищаюсь его сеточками. Он просто цветёт. Поехал. Всё, теперь из него верёвки вить можно.

– А где он? – спрашиваю.

– Спит. Умаялся, бедный, пока тебя выручал.

Иван оказался интересным собеседником. У него тоже нет родителей, он тоже считает эту жизнь бутафорией, но у него были проблемы с наркотиками. Нет, у меня с наркотиками проблем не было, и нет. Расслабились, повеселились, поиграли в «крокодила». Иван, точнее, играл, а я смялась и угадывала.

Вдруг на пороге появляется Бэтмен. Высокий, сутулый. Ничего не выражающее худое лицо, словно неподвижная маска, словно он и не снимал её. Та маска, что была на нём на мосту симпатичнее его лица. Какая-то нелепая чёрная шапка обтягивает череп. Явно видно, что он лысый. У него вид очень усталого человека. Да, ощутимая разница между образом и реальным человеком.

Он рассказал, а я поняла, что значил тот фон: у них в квартире полтергейст. Очень интересно! А сам Бэтмен – экстрасенс! Это чудо! Я понимаю, что он, настоящий, скрывается где-то за множеством масок. И я им рассказываю всё про своего псевдо-отца и Виолетту, про дядю Витю. Мне кажется, что наша встреча стронула лавину. И она летит, нарастая. Я устала. Очень трудно сразу переварить всю обрушившуюся на меня информацию. Хочу побыть одна. Подумать.

– Ну что, босс, когда отвал? – спрашивает Иван и очень вовремя.

– Завтра. Алиса, сможешь двигаться?

Как будто у меня есть выбор.

Он улыбнулся:

– Ты молодец.

– Я знаю, – они уходят.

Проверяю почту. Письмо от Гоши.

«Привет! Помнишь кредитку, что я тебе давал? Она чистая. На ней 250 рублей. Всего лишь цифры Код: 2023. Пользуйся. Тексты расшифровываются. Пока, королева»

Смешно! Королева... да у меня даже своя свита:

Гоша. Аутичный компьютерный гений, почти ни с кем не общается, но его развлекает общение со мной. Он знает, что со мной не бывает скучно. С ним у меня есть бесконтрольный выход в интернет, средства и любая информация.

Бэтмен. Он очень сильный, сильный во всём. И, несмотря на странный внешний вид, очень умный. С ним я чувствую себя в безопасности, у меня есть защита, и, конечно, скорая медицинская помощь.

Иван. Помощник Бэтмена. Что о нём сказать? По шкале заурядности выше среднего. Интересный, смыслённый. Есть комплексы, но он прячет их за шуточками. Но главное, что он уже влюбился в меня по уши.

Да, с такой свитой можно завоевать трон.

А ночью во сне приходил ко мне Бэтмен и рассказывал про себя то, что я спросить не успела. Сам пришёл, я его не призывала, и сам рассказывал. И про то, что памяти в нем не хватает, про травму свою, про бесов и рейды. Мне его так жаль. Досталось ему. Но с головой у него все в порядке, рассудок не повреждён. Странный, конечно. Очень странный, но что-то в нём есть.

Только что мне теперь делать, я не знаю. Мечта сбылась, Бэтмена я нашла. И что теперь?

Сны пролетали вокруг, меняясь в пёстром хороводе, а ответов на вопросы я так и не получила.

3.

Меня разбудила птичка, севшая на ветку берёзы как раз напротив поставленной на проветривание балконной двери. Она радостно щебечет, и я, ещё не открывая глаз, знаю, что за окном ясное солнечное небо. Радость птички разделяет одна из мурок. Кончик её хвоста нервно подёргивается, усы – тоже. Вся она – сжатая пружина, взведённый курок, натянутая тетива. Она знает, что птичку не достать, и застывает в боевой готовности, наслаждаясь сладким миготом перед броском. Похожее ощущение, когда, вдруг замолкает твой весёлый друг, настаёт момент полной тишины, замирает даже твоё сердце: поцелуй, или нет. Мурка в экстазе

издаёт какие-то невероятные звуки. Птичка, конечно же, тоже ясно видит мурку и прозрачную преграду между ними. И тоже красуется и свистит. В её руладах явственно слышна издёвка.

Вот так встретило меня утро. Утро новой жизни. Я остро ощущаю границу между прошлым и будущим. Поворот. Как там в ПДД¹²? Белый профиль пирамиды, окантованный толстой красной полосой, а в центре чёрная загнутая стрелка. Знак «опасный поворот». Ничего не видно, что там за поворотом.

Дядя Витя меня в покое не оставит, это факт. Виолетта – тем более. Я должна как-то потеряться. Здесь спрятаться уже не получится. На днях они найдут это место. Если за дело возьмётся Контора дяди Вити, то время будет идти уже на часы. А она возьмётся.

Тук-тук-тук! Бэтмен. Так стучать может только хозяин, уверенно с интервалами. Закутываюсь в одеяло.

– Да, да, входи.

Входит каланча сутулая в шапке.

– Доброе утро, Алиса.

Боже мой! Какой ужас! Я ведь до сих пор не знаю, как его зовут! Кошмар! стыдно. Ой, он видит моё замешательство!

– Доброе утро, – стараюсь говорить нормально, но...

– Бэтмен, – улыбается, – зови меня Бэтмен. Так же меня в интернете прозвали? Да и ты, уверен, про себя меня так называешь. Только это как-то по-голливудски. Если написать Caps Lock'ом английское «BATMAN» с русской «Н» в конце, то получится не совсем русское, но более нам привычное «ВАТМАН». Вот и называй меня Ватманом. Иван, вон, боссом меня называет.

– Да нет, – жму плечами, – Ватман, так Ватман. Доброе утро, Ватман.

– Я зашёл совет держать. Как нам дальше быть? Сегодня нужно убраться отсюда.

Сдерживаю улыбку. Он со мной. В свите.

– Что думаешь? Не видишь... будущее?

Жму плечами:

– Будущее? Ещё не видела.

– А что видела?

Примеривается ко мне. Да, он сильный. Но и во мне он видит равную. Хотя и подстёбывает, проверяет мою силу.

– Много чего видела, – говорю я уклончиво, – а на счёт, что я думаю, надо бы твоего друга навестить, да кое-что во внешности слегка поменять. Меня вот мой нос давно не устраивает.

Ага! Глазки округлил! Удивился.

– Где это было? Твоя операция. В каком городе?

У него становится лицо смущённого школьника.

– Я... не помню. Плохо запоминаются названия.

– Как же ты добирался?

– Не знаю. Как рыбы, наверное. Или птицы. Когда идёшь по правильному пути, вокруг всё светлее, теплее и лучше пахнет. Ощущения резче и чётче.

– Н-да... забавно. Я тебя тоже так нашла. Летела, как птица на свет маяка.

Пытается улыбнуться. Получается какая-то гримаса. То ли повреждения не дают адекватно работать мышцам, то ли он не умеет улыбаться.

– Я собираюсь оставить Ивана здесь, чтобы он уладил все вопросы с квартирой и вообще...

– Это правильно, но лучше будет, если возьмём Ивана с собой? Он может пригодиться.

– Может. Но для чего?

¹² ПДД – Правила Дорожного Движения

– Не знаю.

– Но ты же видишь будущее.

– Я чувствую, что он нам будет нужен.

Бэтмен замолчал и уставился куда-то в пустоту, как кот.

– Я знаю, что нужно делать, – сказал он, не отводя взгляда от чего-то невидимого. Какие, всё-таки странные эти люди с паранормальными способностями.

– Отлично, говорю, это круто, когда инициативу берёт мужчина.

Он вздрогнул, будто я окатила его ледяной водой, и посмотрел на меня.

– Нам нужно собираться.

– Давай, сейчас соберёмся, а у вас есть ножницы?

– Спроси у Ивана. – И вышел. Нелепый и странный. Вот и поговорили.

Встаю, одеваюсь. Достаяю из рюкзака краску для волос. «Эстель» Haut couture, суперосветляющая, все дела... Не знаю. Купила на автовокзале здесь. Я ещё ни разу в жизни не красила волосы. Мои меня устраивают. Выхожу, прошу у Ивана ножницы и закрываюсь в ванной. Смотрю на состав краски, какая-то таблица Менделеева, от которой волосы уже встают дыбом. По инструкции смешиваю всё и делаю мазок на сгибе локтя. Через пару секунд он начинает щипать. Нет. Так можно и лысой навсегда остаться! Лысой? На полочке перед зеркалом я вижу мужскую бритву. Смотрю на своё отражение, на мои любименькие волосы. Вздыхаю, беру в горсть изрядную прядь, и режу, кромсаю их ножницами. Пальцы быстро устают, беру пряди поменьше. Да уж, не хотела бы быть парикмахером, какой-то адский труд. После продолжительной борьбы с моей пышной копной, я одержала победу. На меня из зеркала смотрит худая большеглазая узница Освенцима. Вокруг глаз тёмные круги. Длинные пряди валяются вокруг уже не такие сильные и блестящие. К горлу подкатывает комок. Нет! Не время сейчас жалеть себя.

– Иван, – кричу, открыв дверь, – Ваня, нужна твоя помощь.

Прибежал в секунду! Прилетел, можно сказать. Увидел меня, рот раскрыл. В глазах – ужас.

– Вань, ты можешь мне голову побрить?

Его глаза округляются ещё больше.

– Зачем? У тебя же были шикарные космы!

– Побрей мне голову. Ты же умеешь бриться, а я нет.

– Нет. Я не могу! Такую красоту...

Идиот. Закрываю дверь перед его ошеломлённым лицом. Сама справлюсь. Не звать же Ватмана. Начинаю скрести свой череп и понимаю, что берусь за непосильное дело. Пена для бритья не помогает, так что не обошлось без крови и слёз бессилия и злости. Наконец, экзекуция закончена. Теперь мой вид в зеркале заставляет меня расплакаться от боли и жалости.

– Что такое? – влетает Иван. Видит всё. Королева, блин.

– Алиса... прости, пожалуйста! Я не подумал... надо было тебе помочь...

– Иди отсюда... рыцарь.

– Прости.

Он выходит, и я даю волю слезам.

Воин.

29 августа, 14:33.

– Почему вокзал? – спрашивает Алиса, – ты же сам говорил, что нужно быть как можно незаметнее, а на вокзале ментов полно.

– Ты тоже придумала – налысо бриться! – парирую её претензию. Вообще, попалась претенциозная барышня. Когда она вышла из ванной, я оторопел. И сразу же возникла острая необходимость защитить это странное существо.

– Просто повседневная обыденность – лысая девочка!

– О, я услышала в вашем голосе иронию? Я в косынке! И похожа на раковую больную. Здоровые боятся больных, обходят стороной.

Логика у неё!

– Что ты начал? Я спрашиваю, почему вокзал? Автостопом удобнее.

– Увидишь.

Нелегко мне с ней придётся. Лысая девочка. Исхудала, бедняжка. Но твёрдая. Маленькая, а далеко пойдёт. Но куда? Ой, не знаю! Вся эта бредовая ситуация... Она права: изменить внешность не помешает. Да и документы бы надо обновить. Вся эта паспортная система помогает бесам. И про автостоп она права: чтобы далеко уехать, нужно брать билет в кассе с предъявлением паспорта, а это – след. Бесы вышколены искать следы и выслеживать жертвы. След и слежка. Этимология ясна. Железная дорога – объект стратегический. Там много людей в форме. Но в кассовом зале любого вокзала крупного города есть схема маршрутов, пролегающих через этот город. Она-то мне и нужна. Алиса возразила бы, что такие схемы есть и в кассовых залах автовокзалов такого же ранга. Я пробовал, Алиса. Автовокзальные схемы не работают.

– Подожди меня здесь. Нам вдвоём лучше не светиться. Я на несколько минут отлучусь, – я огляделся, – жди меня вон там.

На привокзальной площади разбит сквер, а в центре его стоит вездесущий лысый истукан с протянутой рукой.

– Отличное место, – согласилась Алиса, – до встречи! Семечки любишь?

– Не особо.

– Я тоже. Адиос.

План таков: мы с Алисой едем на жд вокзал и выясняем, где я был, когда начинал свою борьбу. Затем с чужого телефона звоним Ивану, говорим ему конечную точку и пробираемся туда. После этого Иван выключает мобилу, вынимает аккумулятор, и ставит его на место только в двадцать три пятнадцать каждый день, чтобы принять контрольный звонок. Двадцать три пятнадцать. Плюс-минус минуту. Пока Иван добирается до нас, мы приводим себя и документы в порядок. А там будет видно.

Кассовый зал здесь просторный, высокий и светлый, отделанный белым мрамором. На торцовой стене со входом – расписание маршрутов поездов дальнего следования. Справа стеклянная стена с видом на сквер с Лениным. Слева – кассы. Их двенадцать. У каждой – очередь в несколько человек. В зале сереет полицейская форма. А напротив входа во всю стену какой-то советский скульптор изваял схему маршрутов. Это сеть металлических реек, повторяющих географию нашей страны, по которым неслись застывшие локомотивы, вырезанные из дерева. В узлах сети резные деревянные гербы городов. Москва, Смоленск, Тула, и много других названий, там и Киев, и Минск и даже южные наши соседи, теперь отгородившиеся границами и таможенями. Гербы потемнели от времени, и уже невозможно различить геральдические символы на них.

Я всячески стараюсь привести себя в то состояние, в котором я смогу увидеть нужный мне герб. Я шурю, верчу головой, но эти простые действия не помогают. Тогда я начинаю резко и сильно дышать через нос, стараясь набрать как можно больше воздуха и выдохнуть его весь без остатка. Через несколько секунд начинает кружиться голова, а мембрана между мирами приходит в заметное колебание. На периферии сознания возникает силуэт мышинового цвета.

– Мужчина, что с вами?

Полиция. Скачок адреналина оказал полезное действие – герб с названием Самара загорелся оранжевым цветом и погас. Сержант с участием смотрит на меня, придерживая за рукав.

– Вам плохо?

– Нет, говорю, уже всё хорошо. Давление скакнуло.

– Может, пойдёмте, отдохнёте у нас дежурке? Чая выпьете.

– Спасибо, сержант. Уже всё прошло. Пойду на воздух выйду.

Сержант смотрит с пониманием. Видно, бывал в переделках.

– Ранение? – спрашивает.

– Чечня, отвечаю. Первая кампания.

Он кивает, отдаёт честь и отходит. Пронесло. Какая Чечня?! Ладно, всё прошло успешно. Надо валить.

Самара. Цель известна. Теперь будет проще. Выхожу на площадь и иду к скверу. Людей вокруг почти не видно, и это хорошо. В сквере на одной из скамеек прямо под памятником – через узкую асфальтовую дорожку – сидит Алиса и щедрою рукой рассыпает у постамента семена подсолнуха. Многочисленные толстые шумные голуби в заглот употребляют лакомство, юркие как истребители воробьи предпочитают ядра без шелухи и ловко вылизывают их из чёрных панцирей. Пир горой. Он могуч и обширен. Похоже, что Алиса специально прикармливает птиц, чтобы они украсили чугунного болвана.

– Ого, Алиса-барышня! Да вы экологический террорист!

Улыбается.

– А что, заметно?

– Ну как же, вокруг десятки лысых девочек кормят птиц под памятником, – странно: почему-то в разговоре с ней, я перехожу на сарказм.

– Ну как, – спрашивает Алиса, вытряхнув последнее содержимое пакета на спины крылатого воинства, – как успехи?

– Самара.

– Ого! Куда тебя носило! Самара-городок. Ну и как там, в Самаре?

– Как везде.

– Это ж далеко.

– Да, наверное.

Она постояла, задумчиво глядя на хлопочущих птиц:

– Пойду, позвоню Ивану. А ты жди здесь, – и направилась в сторону автостоянки, где круглосуточно дежурят таксисты.

Я остаюсь наедине со стаей пирующих птиц. Они быстро уничтожили корм и в надежде продолжения устремились ко мне. Согни безумных голубиных глаз пронизывают меня, и мне становится жутко. Я взмахиваю рукой, и туча серых тушек с шумом и свистом устремляется вверх. Сижу, подставив лицо солнцу. Это очень приятно – подставить лицо прямым солнечным лучам. Тепло разглаживает морщины, а яркая краснота в голове заставляет улыбаться. Время исчезает. Через какое-то количество света слышатся шаги. Алиса.

– Я позвонила Ивану. Квартира горит.

– Как горит? – распахиваю глаза, и первые секунды не вижу ничего вокруг кроме яркого света.

– Пламенем. Как ещё могут гореть квартиры? Иван уже вышел из дома, чтобы начать дела, что-то его дёрнуло посмотреть на окна. А там – огонь!

– И что теперь?

– Мы с ним договорились встретиться на восточном выезде из города через пару часов. Там соберёмся и обсудим.

Вот те на! Вот это оборот! Мало того, что экстрасенс экстренно покинул жилище после визита властей, так он ещё и квартиру поджёт! Неужели полтергейст? Вполне возможно. Жизнь диктует нам свои дикие условия.

– Ну что? – спрашивает Алиса, – Едем?

Едем. Подальше от людей и мышинной формы. Мы быстро идём к остановке. Алиса резко останавливается, будто налетев на невидимую стену. На лице явно читается испуг. Что она видела?

Блин! Там же кошки! Они сгорят! Давай такси! – она порывается бежать, я хватаю её за руку.

Спокойно, Алиса! Успокойся! – её начинает бить дрожь. Не хватало ещё истерики! – Эти кошки знают лазейки. Думаешь, я их с собой привёл в квартиру? Они там сами появились. Может через форточку пробрались, не знаю. Просто жили рядом. Так что всё с кошками будет в порядке.

Она хватается за мою мысль. Эта мысль ей нравится.

– Ты не пожар по пустякам, побереги нервы. Они ещё пригодятся.

Алиса кивает, поправляет волосы, которых нет, вместо этого касается косынки и виновато улыбается мне:

Извини. Просто я не выношу, когда страдают беспомощные существа.

Это кошки беспомощные? Ты веселишь меня, Алиса.

Это же прекрасно. Веселье тебе идёт. Долго нам добираться до места встречи?

Час-полтора примерно.

29 августа, 15:58.

Нам везёт как утопленникам, так, кажется, говорят в неудачные моменты жизни. Маршрутное такси, в котором мы едем к восточному выезду из города, оказалось отечественной "Газелью". Да ещё модернизированной: салон на десятерых после небольших переделок стал вмещать двенадцать человек. После этого сидеть, откинувшись в креслах, стало невозможно. Угол наклона спинки изменился, и проезд в маршрутке стал пыткой: из-за неестественной позы ныли затылок и поясница. Владелец и знать не знает про физиологически приемлемые положения тела, даже если знает – ему плевать на проблемы ближнего, главное, что в салоне появились два лишних места. Неизвестно, что страшнее – невежество или стяжательство. Я сижу ровно, не касаясь спинки кресла, и стараюсь не смотреть на пассажира напротив. Правую половину его лица покрывает багровое родимое пятно. Я где-то слышал, что родимые пятна на теле человека повторяют смертельные ранения в предыдущей жизни. У меня самого на левом бедре есть родимое пятно идеально круглой формы диаметром с ручку швабры. Если представить, что в прошлой моей жизни туда впилося копьё, то оно могло повредить мне бедренную артерию, и я с тогдашним уровнем медицины истёк кровью. Если придерживаться этой теории, то пассажиру напротив прилетело ядром в голову. Или бревном. Я не знаю, что именно заставляет меня отводить от него взгляд, то ли брезгливость, то ли чувство такта. Скорее, тактичность, потому что мне было бы неприятно, если бы меня рассматривали как в цирке. Пассажиру напротив и так досталась метка, разбившая ему как прошлую, так и настоящую жизнь. Так что это, скорее, чувство такта. Как и следовало ожидать, пассажир напротив пьян. У нас в стране нелегко быть белой вороной. Многие пьют из-за когнитивного диссонанса. Перегар пассажира напротив – основная причина не быть с ним лицом к лицу. Значит, всё-таки брезгливость. Жутко неудобно в этой маршрутке. Особенно, если учесть, что водила возит запаску прямо под нашими креслами. Теперь я понимаю, почему русские люди не улыбаются. Потому что стиснуты жизнью, как в этой маршрутке – аллегории на всё наше житьё: едешь, вроде... душно, смрадно, неудобно, но едешь... потому что лучше плохо ехать, чем хорошо идти или

хуже того – стоять на остановке. И как в нашей стране, так и в маршрутке все зависят от рулевого. Я хотел вызвать такси, но Алиса справедливо посчитала, что в толпе будет незаметнее.

Теперь она спит, каким-то причудливым образом свернувшись в своём кресле калачиком, положив голову мне на бедро. Вероятно, она нашла самый удобный способ расположиться в этих креслах. Я давно бы встал, если бы не она. Пусть спит ребёнок. Пусть набирается сил. С её травмой нужен покой. И теперь он ей снится. Хорошо, что уговорил её принять обезболивающее.

Урбанистический пейзаж за окном сменился лесополосой, разделяющей районы города. Все эти одинаковые кирпичные и панельные дома, унылые и серые витрины, нелепые и неграмотные рекламы, наконец, сменились приятной зеленью, немного тронутой жёлтой осенней проседью. Как же приятно отсутствие людей! Уже не так мучает неудобство позы, то ли привык, то ли успокоил вид природы. Я пристально всматриваюсь в сливающееся мелькание листвы, и внимание иногда выхватывает фотографически точные фрагменты: вот похожее на крокодила бревно выглядывает из придорожных кустов, вот неизвестно откуда взявшаяся курица улепётывает из-под колёс, а вот в рамке веток квадрат неба, уже остывающего и не летне-голубого, а более глубокого, осеннего цвета. Словно в небо добавили каплю синих чернил. Вдруг в свежий ветерок из по-летнему раскрытых окон агрессивно вплетается нотка отвратительного запаха средневекового города: мы подъезжаем к мосту через реку, рядом с которым находятся очистные сооружения. Вся канализация стекает туда. Все, кого я вижу, морщат носы, слышатся щелчки закрываемых форточек. Человек за своё недолгое существование так успел загадить окружающую среду, что уже вряд ли получит здоровых потомков. Бесы одержат верх. Как смертельные вирусы. Вот как, всего лишь неприятный запах может вызвать мрачные образы.

Зашевелилась Алиса. Проснулась.

– Я долго спала? – лицо со сна вовсе детское. В нашей паре проглядывает нечто набоковское.

– Минут двадцать, – я чувствую, как в моё бедро начинает поступать кровь. Пытаюсь расправить затёкшие плечи.

– Фу! Что за запах? – Со сна Алиса говорит излишне громко. – У кого-то расстройство желудка?

– Сейчас пройдёт, – говорю, и замечаю, как на лицах попутчиков расцветают улыбки. Вот что может заставить их развеселиться – дерьмо.

– А что все окна закрыты? – Алиса вертит непонимающей головой. – Может, открыть окна?

– Тогда ещё больше вонять будет, – встречает пассажир напротив, – это же очистные.

Хвала водителю, мы быстро проехали неудобную зону. Теперь мы въезжаем в другой район города. Перед нами длинный проспект, и через десять минут мы будем на месте. Из рюкзака Алисы слышен стук колёс по рельсам. Рингтон.

– Сообщение. – Алиса вытаскивает мобильник, смотрит в него, улыбается. – Ванечка, умница. Прислал ММС. Я там, пишет.

Она показывает фотографию. На ней крупно супермаркет с вывеской и микрорайон, вдалеке несколько многоэтажных людских муравейников. За ними – лес. Там Иван ждёт нас.

Через несколько минут приходит ещё сообщение: край дома, детская площадка и тропинка, уходящая в заросли кустарника. Да, Иван – молодец, я бы не додумался до ММС. На остановке входит беременная женщина, и я с огромным удовольствием уступаю ей место и расправляю замлевшее тело. Снова стук колёс. Алиса смотрит и показывает мне большой палец.

Когда мы вышли на конечной, Алиса предьявляет мне изображение ММС: широкая просека уходит вдаль, по ней – вереница решетчатых гигантов, держащих на плечах струны линии электропередач.

– А твой Иван соображает, – Алиса показывает первое изображение на вытянутой руке, словно прицеливается, и там я вижу маленькую копию того, что за телефоном. Супермаркет в десяти метрах и микрорайон в отдалении.

– Да, он умный парень, – говорю. – Зайдём в супермаркет? Нужно купить продуктов в дорогу.

– Зачем ты будешь всё это тащить на себе? Ведь вдоль трассы полно всяких кафешек. Деньги. Всё что нужно в путешествии. К тому же Иван взял пиццу. Всё схвачено.

Мы пошли к микрорайону и лесу. Это хорошо, что всё схвачено. Деньги. Всё обеспечивал Иван. Все деньги у него.

– Тебе не больно?

– Вроде нет. Саднит чуть-чуть.

– Давай твой рюкзак мне.

– Он не тяжёлый.

– Не в весе дело. Лямки на плечах. Они создают напряжение. Оно не заметно, но постоянно. У тебя перелом ребра, и мышцы вокруг повреждены, а тут это напряжение. Отсюда и боль.

– Нет, правда, всё нормально.

Упрямая.

– Смотри сама.

– Иван говорил, что ты помог ему справиться с героином.

– Это было.

– Как ты это можешь? Лечить людей?

– Не знаю, как. Я вижу, что тебе стало лучше, но воспаление ещё есть.

– Как ты это видишь?

– Как сказать? С чем сравнить? Вот! Знаешь три-дэ картинки?

– Да. Мне нравятся.

– Чтобы увидеть стереоизображение нужно смотреть за картинку и менять фокус.

– А я обычно отвожу картинку... но ... да, ты прав, смотришь куда-то за изображение.

– Вот и я так же смотрю на тебя и меняю фокус восприятия, не спрашивай меня: как. Как птицы поют? Как мы дышим? Мы же не задумываемся о том, чтобы вдохнуть и выдохнуть.

– Интересно. Я вот, например, могу карты угадывать. И тоже не задумывалась, как это я могу? А когда ты про три-дэ картинки сказал, меня озарило: я видела их отражение на любой поверхности, будь то стол, лицо игрока, его глаза или рубашка колоды. Я вспомнила, что мысленно вижу зеркальное отражение на любой поверхности, даже в воздухе. Глаза остаются на месте, а в мозгу что-то ощущимо ворочается.

У меня тоже самое, но глаза приходится скашивать. Интересно: зная, как это работает на своём примере и по отчётам Алисы, можно овладеть этим искусством? Очень интересно. Спасибо, Всевышний, что ты подарил мне встречу с ней.

– Забавно, – говорит она и улыбается, – ты заставил меня понять мой фокус с картами. А я ведь этого не замечала. И, правда, как дышишь.

Улыбка ей идёт. Очень приятно видеть улыбку. За нею можно спрятать что угодно. Если уметь. Но Алисе прятать нечего, она действительно рада своему открытию.

– А ты не помнишь, как твой дар проявился? – спрашивает Алиса.

– Бабуля помогла.

– И как?

– В транс вводила, пить что-то давала. Подказала как-то в этом транс. Всё на уровне ощущений. Было светло, тепло и очень высоко: захватывало дух.

– Ты летал?

– Возможно. Ощущение невесомости, как в скоростном лифте.

– Ты катался в скоростном лифте?

– В госпитале.

– Эта твоя рана. Ты после неё стал таким?

– Да. Сразу как пришёл в себя. Видимо, расфокусировка зрения после комы позволила увидеть бесов.

– И ты не помнишь того, что было с тобой до травмы?

– Нет. Только универсальные знания, умения и навыки, ну, может, ещё рукопашка. Ничего, связанного с моей личностью.

– А как ты можешь говорить, что ты увидел бесов после комы?

– Потому что так и было.

– А вдруг ты и до комы их видел?

Признаться, этот вопрос ударил меня как гранитная стена, у меня даже что-то случилось со зрением, случилась какая-то вспышка. Я некоторое время шёл, лихорадочно вспоминая тот день, когда увидел их впервые. А его я помню с фотографической точностью. Как я открываю глаза и, всматриваясь в цветные пятна, пытаюсь настроить фокус, скашиваю глаза и вижу лицо склонившегося надо мной человека в медицинском халате, под которым на плечах выделяются погоны. Обычное лицо, но за его головой я увидел ещё одну голову, лысую, покрытую бугристой морщинистой кожей, лицо ли, морда ли гибрид физиономии макаки и морды козла, мелкие злые глазки с бесформенными зрачками, сочащиеся безумием и руки, обнимавшие за шею того, что в белом халате. Руки или лапы жилистые корявые с кривыми цепкими пальцами. Я тряхнул головой, но ничего не изменилось: на плечах носителя халата сидело невообразимое существо. Я вдруг отключился, и, будучи там, куда меня выбросило, мне пояснили про бесов и советовали постараться не выдавать себя. Как же не выдать себя? Хочешь спрятать, прячь на виду. Поэтому я, снова придя в сознание, начал говорить, что вижу бесов. Как ни странно, они не поверили и сочли меня сумасшедшим. Но то, чтобы я видел их до комы, я не помню.

– Эй, ты где? Может же быть такое, что ты и раньше их видел, но не помнишь?

– Знаешь, я не думал об этом.

– Есть над чем задуматься, да?

– С тобой не поспоришь. Ты мудра не по годам.

– Так говорил Илья. И довольно часто.

– Твой отчим? Или кто он там?

– Я его всегда называла папой.

– Если у меня провалы в памяти, то у тебя и вовсе какой-то детектив.

– И не говори! Полный рассинхрон.

– Тебя что, в детстве похитили или поменяли?

– Я за младостью лет не помню. Точнее, не знаю.

– Что-то с памятью моей стало...

– Это с твоей стало, а у меня тогда ещё и памяти не было. О, смотри, – она снова целится мобильником, подгоняет изображение на экране под оригинал. Да это место, что сфотографировал Иван, а вот и тропинка, уводящая в кусты.

– Нам сюда.

– Ага, вижу.

Тропинка ведёт нас сквозь кусты, кое-где наш путь преграждает болото с камышами, и мы прыгаем через него по доскам и поддонам, уложенным до продолжения тропы. Наш разговор затухает, так как идти приходится гуськом. Иногда тропу пересекает противопожарная борозда, обнажающая извилистые корни и жёлтый песок. Наше молчание нельзя назвать тишиной: постепенно удаляющийся шумовой фон города сменяется стрекотом и гуденьем насекомых, птичьими трелями и очередями дятла, иногда кукушка вставляет свой счёт в общий концерт жизни. Пахнет зрелостью, начинающим желтеть листом. Воздух стал свежее и легче.

Солнечные лучи пронизывают листву и ветви с контрастностью штрих-кода. Алиса сзади чихает, видимо и ей эти колкие лучики щекочут нос. Мелкие детали отмечаются в сознании: радужно мерцает паутинка, шуршит под ногами трава, мушка ударилась в щёку. Стало спокойно. Нет больше невидимых глаз, отовсюду смотрящих на тебя. Здесь нет бесов. Разве что феи.

29 августа, 16:39.

Тропинка выводит нас на просеку линии электропередач. Алиса идентифицирует место, и мы сворачиваем влево. В ста метрах от тропинки из высокой травы торчит гигантская решетчатая опора, украшенная проводами и стеклянными бусами изоляторов. На фото это выглядело иначе. Перед нами просека, поросшая травой выше человеческого роста.

Из присутствующих представителей флоры узнаю полынь и репей. Ещё крапива. Я иду по краю просеки, пока не нахожу прореху в сплошной стене травы. Кто-то прошёл здесь. След совсем свежий, даже видно, как выпрямляется смятые стебли. Иван. Кто ещё? В ушах щекотно от стрекота насекомых, и сверху на всю эту какофонию ложится жирное тремоло электрических проводов. Как будто огромная невидимая стрекоза зависла над головой. Я поворачиваю в тоннель в джунглях, раздвигаю стебли, ввинчиваюсь в бурелом. Сзади пыхтит Алиса. Крапива отомстила за вторжение: руку обожгло, как кипятком.

– Ай, стрекается, – слышу сзади.

Наконец, выходим к опоре. Её фундамент залит бетоном, поэтому здесь нет растительности. Алиса брезгливо снимает паутину с лица и осматривается. Я тоже не вижу Ивана, но вижу большую квадратную коробку с танцующим мультяшным кактусом в сомбреро. Пицца нас ждёт, а разносчика не видно. Оглядываю периметр, вот и ещё одна прореха в зарослях, и оттуда выходит Иван.

– Привет вам, – говорит он, – рад вас видеть!

А как я рад! К сожалению, я не могу видеть бесов не в полнолуние. Поэтому в это время приходится держать уши востро. Иногда я думаю, что это паранойя. Поэтому всю дорогу, с тех пор, как Алиса сказала о пожаре, я был как на иголках. Этот тревожный фон был постоянным, как вдох и выдох. Я только сейчас понял это, когда тревога исчезла, когда я увидел Ивана – предмет моей тревоги.

– Расскажи, что случилось, – требует Алиса.

– Секунду, – останавливает её Иван, – здесь не совсем то место, где хочется быть долго, неужели не чувствуешь?

Действительно, быть здесь, слышать этот мерзкий жирный треск, исходящий от проводов невыносимо. Электромагнитная буря.

– Я не выдержал и пяти минут. Идёмте, я нашёл отличное место для пиццы, отдыха и беседы. Пиццу специально оставил на солнышке, чтобы не остывала.

Через несколько минут пути по травяным джунглям и лесу мы вышли на поляну, с востока заросшую шиповником. Его красные плоды ярко горели на фоне тронутой желтизной листвы, освещенные катящимся к закату солнцем.

– Как вам мизансцена? – горделиво вопрошает Иван.

– Ты прав, – отвечает Алиса, – здесь лучше, чем под проводами. Я всё время боялась, что они упадут на нас. Даже стала вспоминать, чему в школе учили, если попадёшь в область падения высоковольтного кабеля.

– Надо не поднимать ноги?

– Да. И маленькими скользящими шажками выйти из зоны поражения.

– Какие жуткие вещи вы говорите, – вмешиваюсь я.

– А что? – отвечает Алиса, усаживаясь на траву в тени, – вполне полезная информация.

– И какова же вероятность, того, что при обрыве высоковольтного провода ты окажешься в зоне поражения? – спрашиваю я.

– Три минуты назад была.

– Неужели? Даже если бы ты всю жизнь ходила под этими проводами, вероятность очень мала.

Иван смеётся, располагаясь рядом с Алисой и открывая пиццу.

– Босс, раз уж ты затронул эту тему, я вмешаюсь, – говорит он, – в детстве я гостил в деревне. И у нас, детей, были всякого рода суеверия.

– Точно, – кивает Алиса, – как в «Томе Сойере»¹³.

– Было и такое, что нельзя пробегать через «чёртовы ворота» – промежуток между деревянным столбом электропередач и подпоркой, как наклонная палочка в букве «А». Вот однажды была сильная гроза, и молнией перебило провод. Когда закончилась непогода, мы стали бегать по лужам, а один пацан побежал через эти «чёртовы ворота». Оборванный провод попал ему прямо в рот. Мгновенная смерть. Какова была вероятность?

– Ой, вот вы зануды, мужчины! Какова вероятность вашего рождения? Это ж надо, из-за каких-то проводов вас куда занесло! А что же дальше будет?

Иван снова смеётся.

– Кушать подано, – восклицает он, и мы нападаем на пиццу.

Некоторое время все впадают в транс, понимая насколько они проголодались, остервенело работая жевательными мышцами. Через несколько минут настал момент передышки. Иван глотнул воды и сказал:

– Квартира выгорела вся. Соседей, как ни странно, не задело.

– А кошки?

– После вашего ухода я собрался сходить в риэлтерскую контору, хорошо, что паспорт в рюкзаке был, открываю дверь, а они как сыпанули между ног, чуть не сбили...

– Ой, я так волновалась! – вставляет Алиса.

– ... посмотрел по комнатам, всё в порядке, выхожу. Во дворе, словно что-то толкнуло меня, а может, увидел отражение в стекле авто. Оборачиваюсь, и в этот момент слышу звон стекла. Смотрю, а из всех наших окон огонь какой-то зелёный так и пышет. Дыма нет, одно это пламя зелёное. Я давай звонить в «пожарку» ... – машет рукой, – приехали через двадцать минут, но уже ничего не горело. Вообще, горело минут пять. Молниеносно. Как зажигалка Турбо. Даже народ не успел подтянуться. Пожарные ползали там, покрыли меня матом. Я зашёл потом в квартиру, и, правда, такое впечатление, что пожар там был давно: уже всё остыло, и даже запаха нет. И в подъезде, и на площадке – ни следа.

– Жесть! – резюмирует Алиса.

– Что скажешь, босс?

Что тут скажешь?

– Это ваш Барабашка отбарабанил, – говорит Алиса.

– «Мастер и Маргарита» просто, – добавляет Иван.

– И что, теперь получается? – говорю я, – про этот

пожар никто не знает?

– Получается, что так.

Вот фартит!

– Этой квартире уже давно была пора сгореть. В

¹³ **Том Сойер** – один из главных персонажей романов Марка Твена: «Приключения Тома Сойера» (1876), «Том Сойер за границей» (1894) и «Том Сойер – сыщик» (1896). Также появляется на страницах другого знаменитого романа Твена «Приключения Гекльберри Финна».

ней кроме нас всё равно никто не жил. Из-за барабашки

этого.

Так. Когда эти люди будут искать нас, они придут на пожарище, и всё равно выйдут на Ивана. В таком случае, Ивану нельзя оставаться здесь. Но втроём автостопом проехать уже невозможно. Головы не хватает обо всём думать. Пообедаем, тогда выдвину вопрос на общее обсуждение.

После нескольких упоительных минут вкушения пищи Иван и Алиса закуривают по сигарете. Не понимаю, как можно портить замечательное послевкусие табачным смрадом. Пока они сосут свои вонючие кулёчки с ядом, я завожу разговор о дальнейших действиях.

– У нас два пути: трасса или рельсы, – говорит Иван.

– Да. И вместе нам не получится проехать ни там, ни там, – отвечаю я.

– Кому-то придётся ехать одному. Надо решить кому. Алиса не в счёт.

Возникает пауза, которую ломает Алиса.

– Нет, ребята, вы нужны мне оба, – встревает она в мужской разговор, – нам нет смысла разделяться.

– Но как... – округляет глаза Иван.

– Очень просто – купим машину.

Снова возникает воистину МХАТовская пауза. Теперь круглые глаза у нас обоих.

– А что? – недоумевает Алиса, – в чём проблема?

– Ну... не знаю... возможно, проблема в деньгах – Иван смотрит на Алису словно психиатр, умеет он так смотреть.

– Если я предлагаю возможность купить машину, значит, такая возможность у меня есть! – категорично говорит девушка тоном учительницы, уставшей от дремучей тупости учеников, – я же не какая-нибудь блондинка!

– Полегче, королева, – Иван примирительно показывает Алисе ладони, – откуда дровишки? Ну, бабки? У меня есть немного, но на машину не хватит.

– Это Гошина заслуга, – Алиса улыбается, – Он дал мне в дорогу кредитку с деньгами, отследить которую нельзя. На эти деньги мы и купим машину. У меня есть права. У кого ещё?

Иван поднимает руку:

– Только я давно не сидел за рулём.

– Ерунда, на трассе научишься.

Я сижу и хлопаю глазами в недоумении, как быстро Алиса нашла выход из ситуации. Конечно, если бы я знал о деньгах, я предложил бы тоже самое.

– А в машинах разбираешься, Ваня? Не в салоне же нам её брать. Придётся с рук покупать.

– Я не особо секу в этих делах. Но у меня есть старый приятель. Толик. Он автослесарь, так что я могу его попросить выбрать машину.

– Надёжный? – Алиса хмурит брови.

Иван жмёт плечами:

– Со школы с ним в приятелях и за все это время с его стороны не было никаких косяков.

– Хорошо. Только, прошу, давай без этих тюремных словечек. Можно было сказать, что у тебя к нему за всё время не было претензий.

Вид у Ивана обалделый. Но девочка хороша! Здорово уделала пацана!

– Надо связаться с твоим приятелем.

Я просто наблюдаю за диалогом и даже не могу вставить своё слово. А что говорить, с машиной идея хорошая. Будем вместе и не на виду. Удивляюсь, как мне не пришла в голову эта блестящая мысль. Я восхищаюсь этой Алисой.

– Как тебе идея, босс? – замечает она моё присутствие.

– Я смотрю, это ты у нас босс.

– Ну да, – улыбается она, – у кого деньги, тот и босс.

– Хорошая идея, Алиса, – говорю – Только нам нужно где-то остановиться, наша квартира сгорела.

– Можно у него остановиться, у Толика.

– Нет, Иван, думаю, не нужно класть все яйца в одну корзину. Позволим твоему приятелю выбрать нам машину, но ночевать будем где-нибудь в гостинице, раз деньги есть. – Вопросительно гляжу на Алису.

– Правильно, – говорит она, – не будем светиться. И вообще, Иван, можешь и один купить её.

Иван, задумывается на пару секунд и говорит:

– По-моему, будет меньше вопросов со стороны Толика, если я появлюсь не один, а с тобой. Типа, мы – молодые супруги, покупаем тачку в свадебное путешествие.

– Ишь ты! Какой шустрый! Супруги! – возражает Алиса, – но тут ты прав. Толик вопросов не задаст – меня постесняется. Хорошо пойдём вдвоём. Лысая супруга.

– Весьма готично, как раз по мне! – Ваня сияет, довольный, что с ним согласилась Алиса. Влюбился парень, что неудивительно. Что ж, от него такого польза больше: будет тщательнее её беречь.

Алиса достаёт из рюкзака свой аппарат, водит по его экрану пальцем и медленно, с паузами читает информацию:

– До Самары одна тысяча двести шестьдесят километров. Время в пути со средней скоростью восемьдесят километров в час – шестнадцать-семнадцать часов. Примерно двое-трое суток, если не спешить. На бензин уйдёт три с половиной тысячи. Какую машину будем брать? – она смотрит на меня, понимает, что я в этом ей не помощник и поворачивает голову в сторону Ивана.

– Что угодно, королева, лишь бы это был не отечественный автопром. Я с полной уверенностью и ответственностью утверждаю, что не существует у нас ни отечественного автопрома, ни отечественного футбола. Только пустая трата денег, а точнее, способ их отмыть.

– Это почему же так категорично, я бы даже сказала – эпично?

– А разве нет? Ты ездила хоть раз на нашей тачке? Наверняка, на чём-нибудь импортном.

Алиса задумывается, улыбается Ивану:

– Хорошо. Я ездила на «Мерседесах». Очень удобные.

– Я тоже уважаю немцев.

– Ну вот. «Мерин» здесь можно купить тысяч за двести. Нет. Это дорого. «Мерседес» отпадает. Нам бы в соточку вложиться.

– «Бэхи» тоже дорогие, скорее всего.

– Да.

– «Ауди» посмотри.

– Уже. Ну вот, другой разговор. Восемьдесят. Сто. Девяносто.

Иван полез к Алисе смотреть картинки, а я улёгся на траву, сорвал травинку и стал жевать её, глядя в небо, обрамлённое зеленью леса. Солнце уже ушло с поляны, и тень стала карабкаться по деревьям на краю опушки. До заката ещё около четырёх часов.

– Вместо того чтобы заниматься ерундой, лучше бы подыскали нам кров, – говорю. – А то будем по городу шляться в темноте. Ничего хорошего. Пока у нас есть время.

– Пока ты лежишь и нудишь, – отвечает Алиса, – я уже бронирую гостиницу в радиусе километра. Я её даже оплатить прямо сейчас могу со скидкой десять процентов.

– Ловко, – говорю.

– А то! Двадцать первый век!

– А жаль.

– Да ладно! Удобно ведь.

– В том-то и дело. Удобно. А не должно быть удобно. Нужно как-то преодолевать сопротивление, грести, двигаться. Обычно удобно бывает только спать и жиреть.

– Но мы же, люди, всю свою дорогу мечтали, чтобы у нас всё было и было удобно. Весь прогресс к этому шёл.

– Шёл. Вот и пришёл. И в пути люди что-то потеряли. Вернее, заменили это что-то на этот вот комфорт и потребительство.

– И что же это, по-твоему?

– Душевность. Наверное, так я бы это назвал. Вот, совесть ещё стала у нас атавизмом. Слова потеряли своё значение и приобрели совсем другой смысл. Зато удобно и легко. Стало удобно и легко способствовать злу.

– Ватман, прекрати нудить. Тебя послушать и повеситься. Я заказала нам номер, и этим поспособствовала злу? Всё! Закончим на этом.

– А я сейчас говорил с Толиком, – подошёл Иван, некоторое время ходивший по кромке поляны с телефоном у уха. – Он сказал, что если хотим тачку завтра, то нужно встречаться прямо с утра. И он сказал, что у него есть подходящий вариант для нас. Рублей за восемьдесят сторгуемся. Через пару минут придут фотки на мой мэйл.

– Какая у тебя почта? – спрашивает Алиса, а я чувствую, что меня резко тянет в сон. Бывают у меня иногда такие сбои. Видимо, сказывается обилие событий. Срочно нужно подремать минут десять-двадцать, как Штирлицу.

– Ребята, – говорю, – вы поищите нам машину, а я...

На меня упала вязкая цветная мгла.

Дева.

1.

Какая у тебя почта? – спрашиваю Ивана, достаю Кузеньку, и вижу, как Ватман, полулежащий навзничь, опираясь на локти, начинает что-то говорить, но на полуслове вдруг замолкает, глаза закатываются, становятся страшными и белыми, и он повисает на локтях, склонив голову на грудь. Глаза уже закрыты. Меня как током ударило.

Ваня, что с ним? – мой голос звучит ужасно жалко, а сердце странно трепыхается, вместо того, чтобы стучать.

Иван подскакивает к застывшему в неудобной позе Ватману, сует палец ему под подбородок. Жмёт плечами.

Вроде спит.

Спит?! Он что, всегда так спит? Перепугал насмерть.

Не знаю. Обычно спит. Как все.

Ты видел, как он выключился? Глаза закатил и раз! Как пуля в него попала.

Нет, ну он, вообще, странный человек. Почему бы странному человеку не засыпать как-нибудь странно?

Что тут скажешь. Спит, так спит. Вспоминаю свои причуды. Я тоже, наверное, странная. Но Ватман, конечно, бьёт рекорды. Даже Гоша теперь кажется мне обычным.

Может, его хотя бы положить удобнее?

Это да, – говорит Иван и придаёт телу Ватмана более обжитой вид, а то нелепая его поза наводила на мысли о вечном покое. Теперь видно, что он, действительно, спит, и, судя по подрагивающим векам, видит сон.

И долго он так будет?

– Я его таким впервые вижу. Так что не знаю.

– А у него что, в самом деле, титановая пластина в черепе? Ты видел? Ваня хмурит брови в задумчивости.

– Он шапку не снимает, по крайней мере, когда не один. При мне он даже спит в шапке. Говорят, что титан на молекулярном уровне срастается с бионикой. В данном случае, он ещё и в шапку врос.

А он забавный. Иван. Как там с древнееврейского? Милость божья? Потрепала его жизнь. Вот он от неё и отшучивается.

– Он уникальный, – продолжает Иван, – Я, как его увидел, сразу понял, что ради того, как он живёт, стоит жить. В его действиях прослеживается истина. Можно как угодно критиковать, анализировать и препарировать его дела, всё равно выходит, что он действует как по писанному. Как по сценарию.

– И он каждое полнолуние выходит на охоту?

– Каждые двадцать восемь дней. Сначала он просто уходил, но я заинтересовался, и скоро стал его инженером, – лицо Ивана становится мечтательное, как у всех людей, вспоминающих что-нибудь приятное, – Он снял меня с героина. Я думал, что всё. Жизнь прошла. Но он сделал это. У него дар – лечить людей. К нему запись на месяц вперёд. И как только люди узнают? – речь его эмоционально раскрашена во все радужные цвета, он улыбается, и я уверена, что во всех мужчинах есть немного «голубизны», как и в каждой женщине – «розовых» оттенков. Потому и нравятся девушкам неопасные ухоженные женственные юноши, а парням – сильные, независимые девушки. А, вообще, не стоит на любовь вешать ярлыки. Любовь живёт везде, где может. Главное, чтобы душа пела. А тело – это просто тело. Иван смотрит на меня.

– А ещё он спас тебя. Разве не чудо?

Киваю. Вообще, встреча с Ватманом в Сети стала вехой в моей жизни. После неё моя жизнь очень изменилась. А после личной встречи началась другая. Всё произошло пугающе быстро. И смерть... никак не отвыкну звать Илью отцом... смерть Ильи открыла правду и вывела меня на Ватмана. Невообразимо. В то, что сейчас происходит со мной невозможно поверить. Мозг кипит. Ужасно хочется позвонить Юльке Гамовой и рассказать, что со мной происходит. Просто высказаться. Об этом можно было бы говорить днями. Не знаю, что меня останавливает в первую очередь: желание сохранить тайну или перспектива сойти за сумасшедшую. Неужели это та же реальность, что и вокруг? Те люди, что ехали в маршрутке. Неужели их жизни тоже полны этих реальных для меня событий с полтергейстами и подразделением «Ы»? Действительно, какая-то скрытая камера! Может у кого-то жизнь ещё интереснее, чем у меня, но я ему не позавидовала бы.

– Вот как к этому всему относиться? Скажи, Ваня, разве такое возможно? Происходит же какая-то ерунда, тебе не кажется? Разве это обычный день обычного человека? Обычное вчера, позавчера? Что происходит, Ваня? И что делать со всем этим? – я чувствую, что вопросы начинают сыпаться из меня горохом, и остановить их поток всё труднее, будто с каждым заданным вопросом ты поднимаешься всё выше и выше, как на аттракционе в парке, а после неё – падение в пропасть кошмарной и восхитительной истерики, – Что делать?

– Успокойся, Алиса, – Иван берёт меня за руку, и меня словно оглушает то ли его прикосновение, то ли вставленный в поток вопросов чужой голос, – Что делать?! Вы, прямо, оба меня поражаете! Оба с возможностями невозможными и не знают, что им делать! Что делать?! «Битву экстрасенсов» смотреть!

И я начинаю смеяться. Но это та же истерика, потому что смех я остановить тоже не могу. Мне уже больно смеяться, в конце концов, это уже не смешно! Вдруг, в очередном спазме, я чувствую – «плыву», картинка смазывается и едет в сторону. Я понимаю, что это никакая не истерика, и с этим пониманием меня выносит Туда.

Я снова являюсь центром огромной, но всё же имеющей границы сферы. Я не знаю про границы, но чувствую, что они есть. Снова вокруг мягкий осязаемый ласкающий свет, смешивающийся из нескольких цветных субстанций, как смешивается слоями густая разноцветная краска. Переплетение этих вихрей рождает множество замысловатых объёмных узоров, будто я нахожусь в центре огромного калейдоскопа. В этом коктейле нет людей, я вижу коричневую растерянность Ивана и мощно пульсирующую радужную ауру Ватмана, который, оказывается, перешёл в другое измерение. Откуда-то возникает образ USB-порта. Ватман теперь человек-флешка. Я вижу ослепляющую силу царящей вокруг жизни и в центре чёрное пятно, в котором мы находимся. Нехорошее пятно. Судя по всему, оно и породило эти странные выбросы. Ватмана и мой. Чёрный цвет – цвет тлена и пустоты, в которой может поджидать всё, что угодно. И сфера даёт знать, что эта чернота связана со смертью. Причём, не единичной. К тому же, со смертью непростой и небезболезненной. Но смерть и так неразрывно связана с болью: ногу подвернёшь – больно, а тут... явно посерьёзнее ноги будет.

Вдруг узоры сплетаются так, что я понимаю: сейчас ещё не время. И тут же образ: в космической пустоте висит огромная голубая планета и виден краешек другой, поменьше и серой. И мне стало ясно – в полночь. Сразу после этого я пришла в себя.

Надо мной нависли силуэты моих рыцарей. Ватман проснулся, наверное, скачал что надо.

– Я ж говорю, всё с ней нормально, – говорит Иван, – просто гипервентиляция лёгких, много кислорода.

– Ты что-то видела? – спрашивает тревожное лицо Ватмана.

– А ты? – спрашиваю, – Ты был похож на флешку.

Лицо Ватмана из тревожного превращается в измождённое.

Я, – говорит, – бэтээры водил.

Чего? – это уже Иван, – бэтээры?

– Да. И не только. Так что, я завтра с вами за машиной поеду. Вот только прав у меня нет.

Так значит, не зря я его флешкой видела.

– Опять твой инструктаж? – спрашивает Иван.

Ватман устало кивает головой.

– Алиса, – говорит он, – ты знаешь, что очень-очень давно на этом месте сторели люди?

Я видела что-то, связанное со смертью, но не успела разглядеть. Мне кажется, что я здесь можно узнать что-то важное, но не сейчас. В полночь.

У Ивана просто слюнки текут. Он невероятно счастлив, что оказался в нашей компании. Он словно фанат «Битвы экстрасенсов», попавший на съёмки новой серии.

– Слушай, Алиса, – Ватман устало кладёт мне ладонь на плечо, она мелко подрагивает, – ты заказала место в отеле где-то недалеко? Пойдём отсюда.

Конечно, пойдём! Вижу, что Ватману совсем худо. Может, место так действует? Иван хватает Ватмана, пристраивает его руку у себя на шее:

– Блин, ребята, вы красавцы! Босс, скажи, что ты видел?

– Ваня, не дыши на меня, от тебя пахнет машинным маслом. Сколько времени меня не было?

Мы возвращаемся назад мимо просеки с проводами, по тропинке, меж деревьев и кустов, по доскам в болоте. Иван тащит еле волокущего ноги Ватмана, и всё время пытается его вопросами. Я тоже слушаю, что рассказывает Ватман. За время своего пятиминутного сна, он успел научиться управлять любым наземным видом транспорта, прослушал много лекций по устройству каждого, и перебрал их до винтика. У меня это просто в голове не укладывается. Он говорит, что это у него не впервые. Приёмы самообороны он получил так же. Как на флешку информацию перекинули. Возможно, таким образом, он вспоминает своё прошлое. Он же в каких-то спецвойсках служил. Кузенька, мой планшет, показывает, что до отеля двести пять-

десять метров. Но это через лес по прямой, а по тропинке – мимо дома, мимо остановки – втрое дальше получится. Значит, мне сюда нужно к полуночи вернуться. Придётся Ивана взять с собой: он, смотрю, здесь хорошо ориентируется. Мальчики идут впереди, а я вспоминаю свою псевдо-истеричку. То, что так подействовала аномальная зона, понятно. А ведь, в самом деле, что дальше? Что и как мне увидеть? Все мои увлечения эзотерикой просто детский лепет в сравнении с тем, что происходит на самом деле. Мне так страшно! И даже не знаю к кому обратиться. Пробую сравнить всё это с тем, что было раньше, но сравнить не с чем. Мой ангел-хранитель сильный, это меня спасло. А теперь ещё меня будут охранять мои рыцари. Я улыбаюсь. Из-за высокого роста Ватмана, создаётся впечатление, что он на нетвёрдых ногах несёт подмышкой упирающегося Ивана. Это выглядит так забавно, что я с трудом скрываю смех. Как же мне не стыдно?! Им же тяжело. Ватман выглядит твёрдым, как деревянная статуя, хоть и чувствуется, что у него нет сил, но он вмиг может превратиться в машину разрушения. Я представляю, насколько он измотан. За пять минут получить огромное количество информации! Бедный, как ему достаётся. Если я ведьмочка, то он, вообще, Гэндальф Белый!

Алиса, – скрипит Ватман, – ты одна не ходи туда, Ивана возьми.

Да, щас! – слышу Ивана, – так я её и отпустил одну ночью в проклятое место!

Оно не проклятое, – говорю, – много страшных смертей в одном месте в одно время. Вот и пробивает чувствительных людей. Никто его специально не проклинал.

– Наверняка, люди, которые там погибали, проклинали своих обидчиков. Так что это было не преднамеренное проклятье.

Ваня явно вызывал меня на дуэль, но я не нашла нужным отвечать. Он молчит, видимо, обиделся, а может, просто бережёт силы.

– Извините, меня, друзья, – шепчет Ватман, – я сейчас соберусь и пойду сам.

Действительно, я, погружённая в процесс спора с Иваном, только сейчас заметила, что мы уже выходим из леса.

– Далеко до отеля?

Может, во дворе передохнём на лавочке?

Нет. Если я вырублюсь, то меня потом не разбудишь. Меня точно тогда заберут куда-нибудь.

Ребята, ну что вы снова как дети, можно же такси вызвать.

– Не надо такси, так дойду.

Когда мы вышли на финишную прямую, Ватман, действительно собрался и, страхуемый нами с двух сторон, добрался до отеля. «Art Hall» написано над помпезным входом. Трёхэтажное здание у дороги, прямо у выезда из города. Там я заказала номер онлайн. На ресепшене нас встретила приятная женщина. Мы быстро выяснили, что номер нас уже ожидает. Регистрация, оплата, и мы входим в свой люкс. Ватман прямо в одежде заваливается на диван в гостиной и отключается. Я осматриваюсь. Чистенько, аккуратно, на стенах фотоэтюды. Миленько. Сбрасываю обувь и иду по тёплому полу. Приятно. В спальне две отдельные кровати. В ванной – джакузи и отдельная душевая кабина. Терпимо за сто баксов.

Пока Ватман спит, а Иван осматривается, принимаю душ. Есть не хочется, а вот отдохнуть стоит. Состояние какое-то ватное. Надо брать пример с Ватмана: лежит себе на самом маленьком энергоресурсе и батарейку свою заряжает.

Выхожу из душа, завернувшись в простыни, выбираю кровать возле окна, залезаю под одеяло. Подушка первые мгновения непривычно холодная, кожа головы ещё не привыкла к отсутствию волос.

– Ты спать? – спрашивает Иван.

– Да. Разбуди меня в десять вечера. Нужно отдохнуть перед походом.

– И что это будет за поход?

– Мы вернёмся на то место, я проведу ритуал, а ты посторожишь меня.

От кого?

Ну, мало ли что? Смотри сам от кого.

А у меня получится?

Не знаю.

Вот, блин, успокоила!

– Как смогла.

– А зачем я тебя буду сторожить беспомощный? Какой тогда от меня толк?

Я дам тебе талисман, так что не волнуйся, разберёшься.

– Давай.

Не сейчас. Ты лучше тоже отдохни, расслабься. В душ сходи. Там ещё джакузи есть.

Иван уходит в ванную, а я закрываю глаза и засыпаю.

2.

Просьпаюсь, как всегда за полчаса до назначенного времени. Никогда не заводила будильник: зачем, если всё равно проснёшься раньше. Перед сном сказала себе: десять вечера и всё. Проснёшься в половину десятого.

В номере темно, лишь тусклый ночник добавляет оранжевого в чёрный. Дверь в гостиную закрыта, но я чувствую, что Ватман всё ещё спит. Кровать Ивана идеально убрана, значит, его здесь нет. В полной тишине раздался скрежет ключа в замочной скважине входной двери, щелчок замка и спустя секунду дверь в гостиную осторожно открылась. Иван, тихо ступая, прошёл и сел на свою кровать, чем-то зашуршал.

Привет, – говорю, – куда ты ходил?

О, извини, разбудил раньше...

Да нет, всё нормально, я сама проснулась ещё до твоего возвращения.

– А я погулять вышел. Забрёл в одно место занятное, вот чего приобрёл, – Иван широким жестом достал из рюкзака что-то продолговатое, длинное и плоское, – талисман.

И он показал мне большой нож, каким сахарный тростник рубят.

Мачете. Давно такой себе хотел.

Талисман, говоришь?

Ага, знаешь про Конана-Варвара? Никакая адская тварь не устоит против остро отточенной стали.

Тоже мне, варвар! – улыбаюсь: какой он смешной, – хороший ножичек, думаю, он нам пригодится.

Я так же подумал. Вот ещё фонарь купил.

Как там Ватман?

Дрыхнет.

Везёт ему.

Что нам предстоит?

– Надо на том месте ритуал провести. Попробовать посмотреть.

Что посмотреть?

Что покажут, то и посмотреть.

А талисман зачем?

– Вань, почему ты меня всё время спрашиваешь? Боишься?

Опасаюсь.

Ты же не знаешь, что тебе покажут.

Блин, бред какой-то.

Да уж, действительно, бред. Не в бровь, а в глаз.

А Ватман разве не бред? А полтергейст не бред? А наша ситуация? Обычная, как утренний подъём? Вань, давай молча соберёмся и выйдем. А меч твой клёвый. С ним тебе ничего не должно быть страшно.

Блин, Алиса, не думай, что я трус. Просто, ты говоришь про нашу ситуацию. Ничего же неясно, а воображение у меня богатое, много чего может навоображать. Я вот и купил мачете на всякий случай.

Нет, ну он, правда, смешной.

– Всё будет нормально, Ваня. Нужно будет шалашик соорудить. Сможешь?

Смогу, конечно! Большой?

Нет, не очень. Чем тесней, тем лучше.

Сделаем.

Достаю свой рюкзак, а из него – свёрток из мешковины, обвязанный плетёным нитяным шнурком. Это моё хозяйство.

– Ух, ты! Выглядит очень древним. Это что? – вот же любопытный.

Ваня, у меня к тебе просьба.

Говори.

– Тут рядом есть супермаркет. Сходи, пожалуйста, туда, возьми свечек. Любых. Для торта, для благовоний, какие найдёшь, но лучше для торта.

Сколько?

Штук пятьдесят хватит. К десяти успеешь?

Постараюсь.

Спасибо.

Иван вышел, и я разворачиваю свою дерюжку. Мой магический набор. Перекладываю предметы, пытаюсь угадать, что пригодится. Вот чехол с моим магическим плёночным фотоаппаратом, но сегодня он не пригодится, нужно время на проявление фотографий. Амулеты, талисманы, благовония, тетрадь с наговорами, молитвами и заклинаниями. Тетрадью это назвать можно, но с большой натяжкой, всё равно, что медицинские бахилы назвать обувью. Это старые ветхие бумажные листочки с ладонь размером, с полинявшими, но чётко видимыми рукописными строчками. Текст написан ровным почерком, пестрит ятями и точками над словами. Кажется, если листки тронуть, то они распадутся на мелкие клочки. И этот вид не обманывает: они, действительно ветхие и для сохранности упакованы в вакуумные файлы. И всё это переплетено в толстую кожу. Этот артефакт подарил мне Илья, когда его контора перестала существовать. Его положили в архив ещё ВЧК-ГПУ из какой-то таёжной заимки. Гримуар. Так, кажется, называется книга эта заклинаний. Я в неё никогда не заглядываю. Разок пробежала глазами. Названия там разные у текстов. Некоторые лучше не упоминать. Есть и любовные заговоры, и порчи. Не уверена, что их можно видеть непосвящённым. Меньше знаешь, лучше спишь. Поэтому Ваня и пошёл за свечками. Почему свечки? Не знаю. Ватман сказал, что там сгорели люди, думаю, именно огонь укажет путь.

Колода карт таро. В средневековом стиле. Редко пользуюсь картами таро. Гадания эти... не люблю гадать. Но в нашей ситуации будет не лишним их применить. Раскладываю. Шут и Колесница неуправляемая ситуация. Вот спасибо! А то я не знаю! Ещё расклад на будущее. Отшельник и четвёрка жезлов – отыскать пристанище. Логично! Ну, всё. Таро можно не брать.

Так, травки тибетские в кожаном кисете. Это я возьму. Хорошие травки. Мне их под заказ привезли из Индии. Если будут свечи, значит, пригодятся и травки. Также пригодятся конусы благовоний.

А в отдельном свёрточке у меня россыпь амулетов, талисманов и прочих магических вещиц. Их интересно перебирать в руках, разглядывать, пытаюсь уловить их предназначенье, передавая им свою энергию. У них любопытная история. В эзотерических кругах встречаются шарлатаны, они тоже кое-что не то, чтобы умеют, но свои умения направляют в корыстное

русло, атрибутику используют не по назначению, а больше для разводов. Вот и я столкнулась с одним таким гуру. Высокий, худой, с чёрными с проседью волосами по плечи, аскетичным лицом, в чёрном кожаном костюме, с большим серебряным пентаклем на цепи. Он производил впечатление на наивных девочек. И я в порыве самопознания клюнула на этот антураж. Кроме того, он, видимо, был неплохим гипнотизёром, но гипноз на меня не действует – мне просто становится щекотно, и я смеюсь, что сбивает гипнотизёров начисто.

Он был весь на понтах. Одно имя чего стоит. Рафаэль. Он ходил в сопровождении двух близняшек, тоже затянутых в кожу. Короче, зрелище потрясающее. Антураж валил с ног. Вот и повелась наивная Алиса. Меня привлекли его амулетики, которые он таскал с собой в карманах, а особенно – небольшой изогнутый ритуальный кинжал. От него исходила энергия. Увидев моё внимание, он всячески подогревал интерес разными эзотерическими беседами. Давал почитать литературу. А потом позвал посмотреть коллекцию магических кристаллов. И когда мы оказались одни, попробовал меня загипнотизировать, а как увидел, что гипноз его не сработал, попытался взять меня силой. Высокий, жилистый. Но каким бы крутым он не был, у него, как у любого мужика есть болевая точка, ахиллесова пята. Короче, пнула я его что есть силы между ног. Он в долгу не остался, я тоже в ответ получила по носу, но через секунду, когда боль пришла к нему по-настоящему, он уже не был таким крутым. Скрючившись на полу, он просто скулил, как щенок. Собрала я по-быстрому всё, что он мне показывал и, пригрозив ему заклятием на импотенцию, ушла оттуда. И кинжальчик тоже прихватила. Ты всё равно этими амулетами пользоваться не умеешь! Вот. Этот свёрточек тоже придётся с собой взять, мало ли что пригодится. Тяжёлое моё хозяйство. Я не понимала насколько, пока вот ребро не сломала. Перед выходом ещё обезболивающего надо выпить.

Снова щёлкнул замок. Быстрый Ваня! Или я медленная.

– Привет, – говорю, когда он зашёл.

– Мы же с тобой пятнадцать минут назад виделись. – удивляется Иван.

– Это просто я рада тебя видеть.

Засветился весь, как солнышко, глаза ярче ночника горят:

– А... привет! Конечно, привет!

Сам привет! Ой, смехота! Какие они все смешные, когда так влюблены!

– Ну как свечки?

Отлично. Вот, – в руках его пакет, а на дне коробки со свечами.

Молодец, спасибо, – целую его в щёку. Вид у него довольный. Главное, чтобы свита была довольна.

Выдвигаемся? – в голосе воодушевление.

Да. Принеси, пожалуйста, водички.

3.

Когда мы покидали номер, Ватман спал мёртвым сном, не изменив за эти часы своей позы. Выйдя из гостиницы, я направилась было влево, откуда мы пришли, но Иван сказал:

– Постой. Видишь?

Я проследила взглядом за его рукой, указывающей в противоположную сторону. Туда уходила дорога из города, и в свете фонарей в паре-тройке сотен метров я увидела знакомое решетчатое сооружение. Провода пересекали трассу всего в двух сотнях метров.

Узнаёшь?

Узнаю. И что?

– Так же ближе. А потом пойдём по просеке вдоль линии. С фонарём будет приятной прогулкой.

– Хорошо. Идём.

Когда мы подошли к месту пересечения трассы и линии с проводами, Иван, всю дорогу пытавшийся завести со мной разговор, наконец, понял, что это бесполезно. Тогда он начал болтать просто так. Не знаю, почему, но меня это страшно раздражало.

Ваня, прекрати, пожалуйста! Ты мешаешь!

Чему?

Слушай, помолчи, а?!

Умолк. Обиделся. Ладно, пусть дуется. Мне действительно не по себе. Ведь это будет первый раз, когда я что-то делаю сама. И, хотя я сказала Ивану, что проведу ритуал, а сама ведь даже не знаю, что нужно использовать. Мне вспомнились слова Ватмана про стерео-картинки и расфокусировку зрения, как это помогает ему выйти на нужный уровень. Я раньше не задавалась этим вопросом, всё как-то само собой получалось. А ведь он прав: нужно искать техники, которые работают, ставить на них якорь и развивать способности. Голова вдруг зачесалась под платком – волосы, видно, начали отрастать. Что меня ждёт на этой поляне?

Иван светит под ноги, и луч фонаря, выхватывая из темноты траву, корни, цветы. А ведь цветы, и в самом деле закрываются на ночь. Иногда прыгнет в сторону лягушка. Была бы сейчас на моём месте какая-нибудь обычная девчонка, начала бы визжать со страху. Чего их бояться? Они же безобидные, и боятся нас больше, чем мы их и весьма справедливо. Кровь мышей и жаб приносят в жертву колдуньи, но я чужую жизнь не отниму – я ведунья, а не колдунья. Если и понадобится кровь, то пусть будет моя.

– Ваня, долго ещё? – Идет, молчит. – Ваня, это же невежливо не отвечать.

Иван резко останавливается, и когда я врезаюсь в него, светит на решетчатую мачту, точашую из травы.

– Это наша? – спрашиваю.

– Она должна была быть первой, либо второй от трассы. На первой ничего не было, а это – вторая.

Он переводит луч фонаря на траву, свет немного мечется и выхватывает в зарослях протоптаный тоннель.

– Думаю, это здесь. А теперь немного пройди и – поляна.

Какой ты молодец! Надо же, как быстро добрались.

И вот мы на месте. Иван выключает фонарь. Ущербная луна хорошо освещает поляну. Неполный её диск касается деревьев, обрамляющих цель нашего визита. Если луна восходит, то здесь будет светло ещё какое-то время, если наоборот, то скоро станет совсем темно.

Ваня, вот на этом месте, где я тогда отключилась, нужно соорудить шалашик, так, чтоб я поместилась, и свечи можно было на пол поставить. Примерно вот так вот, метр на два. У меня одеяло есть, мы из него стенку сделаем. Сможешь? У тебя часа полтора.

Постараюсь. У меня тоже есть плед. Веток сейчас нарублю.

Давай. Я в тебя верю. Всё получится.

Конечно, но тебе придётся побыть в темноте одной.

– С такой луной захочешь побыть в темноте – не получится. Иди, не теряй время, к полуночи надо, чтобы было всё готово.

Иван ушёл. Я пытаюсь настроиться. Я устраиваюсь напротив пятна, за кустом шиповника, достаю из рюкзака своё хозяйство. Кузеньку я оставила в отеле, зачем мне планшет? Тут у меня свой интернет будет. Расставляю пять свечей: две перед собой, две по обе руки и одна сзади. Зажигаю. Становлюсь на колени и начинаю перебирать свои вещицы, трогать их, гладить, и при этом тихонько напеваю длинные тягучие ноты, мысленно обращаясь туда, где живут боги:

– Мать-земля, ты – основа всему, ты – опора и ты – все мы, ты – тело моих предков, ты – мать всему живому. Услышь меня! Сестрица-вода, ты – жизнь, ты – услада и чистота, ты – все мы, ты – источник жизни. Услышь меня! Братец-ветер, ты – невидим, но ты – везде, ты

– дыхание жизни, ты – все мы, ты – небо. Услышь меня! Отец-огонь, ты – движение и сила, ты –отдых, ты – все мы, ты – тепло и свет. Услышь меня! Услышь меня и ты, луна, подруга моя, повелительница вод и роста. Прекрасен твой лик и велика сила. Ангелы мои, хранители и защитники, услышьте меня! Братья мои меньшие, части единого. Услышьте меня! Это говорю вам я, дочь и сестра, раба и подруга. Сейчас мне темно и страшно, и путь мой туманен. Вы сильнее меня, и без меня вас не станет меньше. Но я одна из немногих, кто знает вас, кто почитает вас, кто учится у вас и кто стремится помочь вам. Мне сейчас очень тяжело. Меня обманули, предали, избили. Меня преследуют злые люди. Может, так и задумано, так и должно быть. Я всё приму, и я готова идти дальше. Только, прошу, подскажите, что делать. Не оставляйте меня в трудную минуту. Не за себя одну прошу. У меня появились друзья. Они хорошие. Мать-земля, на тебя обопрись, сестрица-вода, тобой умоюсь, братец-ветер, тобой подвжусь, отец-огонь, тобой укреплюсь. Дайте нам путь, попутный ветер и свет. Ничего не прошу, только не дайте пропасть. Говорю с вами не языком, а душой. Как волчица говорит с луною. Нет у меня никого во всём белом свете, кроме вас и рыцарей моих. Примите меня как родную, ведь вы – родня всему живому. Когда-то я была песчинкой, когда-то я была травинкой, была я облаком и ручейком, и ящеркой, и птичкой, была в утробе материнской, была младенцем беспомощным. Всё помню. Вспомните и вы меня.

Тут слова мои закончились, и вой внешний слился с воем внутренним воедино, и этот звериный дикий вопль вдруг зазвенел, разлетелся как песня. И слёзы ручьём. Никогда себя не жалею, но, чтобы быть услышанной, надо быть искренней. И мне себя было ужасно жалко. Я выла и выла, или распевала предлинные ноты. В голове становилось всё светлее. И тут вдруг из тьмы слева на огонёк свечи выпорхнул мотылёк и сел мне на палец. Меня как молнией пронзило: я поняла, что молитва услышана. В тишине раздался шёпот:

– Алиса, ты как? Уже без пяти полночь и шалаш готов.

Шалаш оказался хорош: с потолком из веток и листьев, двумя стенами из одеял, остальное тоже из веток. Метр на два. Отлично.

– Ваня, помоги мне свечи зажечь.

В течение трёх минут мы разожгли свечи, я устала ими пол перед собой, свечи для торта я разместила вторым ярусом. Затлели угольки для травок, задымили агарбатти, и я, устроившись в позе лотоса, разложила перед собой весь свой арсенал. Иван заложил ветками вход, и помещение стало быстро наполняться полупрозрачным ароматным дымом. Дым рождал ощущение плавности, тягучести движений. Возможно, мне это просто показалось, а может быть и правда. Я подумала, что здесь не хватает бубна. Я даже представила, как он бы зарокотал, разгоняя своими колебаниями клубы дыма, и как эти клубы отбрасывали причудливые тени. Рокот бубна вибрировал бы в голове, вводя в резонанс все миры, нанизанные на ось Мироздания. И рокот этот вдруг раздался в моей голове, тогда я взяла свой гримуар, и раскрыла наугад, исполняя приказ невидимого бубна, подчиняясь его вибрациям. Потемневшие листы с рукописным текстом заволокло дымом, и я наклонилась ниже к лежащей у ног книге. Заныл затылок. Глаза пристально всматриваются в строчки, пытаюсь разобрать, что там. Понять трудно, ещё и старославянским языком всё написано. Иже... даждь... глазам больно, они слезятся. Ещё ниже. Строчки расплываются, ещё ниже. Чувствую, что теряю равновесие. Мир, полный розового дыма опрокидывается. В глазах, полных слёз – огромное расплывчатое зарево. И дым. Он уже не пахнет тибетскими травами и благовониями. В дыму стоит всепоглощающий запах костра и горелого мяса, а тут ещё добавились звуки: гул мощного огня и выстрелы горящей древесины. Я с трудом меняю позу и встаю на колени. Под ногами снег! Но то, что я увидела, поразило меня больше, чем снег. Я оказалась перед каким-то сараем, охваченным пламенем. От жара снег вокруг него стаял, и обнажилась влажная парящая земля. Вокруг этой проталины носились хороводом неясные, шумные, топочущие тени. Они визжали кровожадно. От страха и неожиданности у меня перехватило дыхание. Вообще-то, дыхание у

меня замерло, как только я сюда пришла, но сейчас горло сжало какими-то спазмами. И вдруг из хаоса дыма, шума и движения возник всадник. Увидев меня, он подъехал ближе, поставил коня на дыбы. Конь под ним вздрагивает, играет и всхрапывает. Сам всадник кажется глыбой тьмы. Я не вижу его лица, там, где должны быть глаза – глубокие колодцы пустоты. Он смотрит на меня и внезапно раздражается взрывом смеха. Конь шарахается в сторону. А мне вот совсем не смешно!

– Оёй! – кричит он сквозь смех и водоворот звуков за спиной, – Зёв аргá зам, хатагтай!

Он ничего не спрашивает, поэтому я ничего не отвечаю, только плююсь на него, раскрыв рот.

– Зююд л харауулах! Тэд юргэлдж л харауулж байна! Хатагтай ажигла! – он дико нечленораздельно кричит, как в приливе дикого восторга. – Ноён эрелхийл! Таны хюч чадал хай! Сюрэл нь хюч чадал! Оёй! – снова смеётся, ставит коня в свечку. Передние копыта взмывают надо мной. Я закрываю глаза. Ржанье, хлопья пены падают на руку, и снова всё уносится в дым, в общую кутерьму.

Открываю глаза и понимаю, что всё это время не дышала. Как вздохнула в изумленье, так и сижу. Выдыхаю, снова вдыхаю дым, защекотало в носу. Чихаю...

Я в шалаше. Все. Хватит! Вываливаюсь из дымного заточения, с жадностью вдыхаю свежий ночной воздух и падаю навзничь, раскинув руки, бездумно глядя на густую россыпь мерцающих в небе бриллиантовых точек.

Возникает силуэт Ивана:

– Ну что там?

– Ваня, ты знаешь, что значит: «Оёй! Зёв арга зам, хатагтай! Зююд л харауулах! Тэд юргэлдж л харауулж байна! Хатагтай ажигла! Ноён эрелхийл! Таны хюч чадал хай! Сюрэл нь хюч чадал! Оёй!»?

Чувствуется, что он оторопел. Я тоже. Как я смогла воспроизвести эти слова?

– Не знаю, – отвечает Иван, – Язык какой-то южный, не европейский. А что это за слова?

Мне сказал всадник.

Какой всадник?

Чёрный.

Казбек, что ли?

Не знаю, он не представился.

Это у Пелевина. Есть такой роман¹⁴...

– Ваня, ты думаешь, сейчас время о романах говорить? – и я рассказала, что увидела в дыму шалаша.

Некоторое время Иван молчал, потом сказал:

– Всё сходится! Помнишь, босс говорил, что здесь сгорели люди. Ты видела, что там произошло. Какие-нибудь монголо-татары напали на село, поразбойничали. А одного из них ты увидела. И он тебе что-то сказал. И раз он из монголо-татар, то и язык у него либо монгольский, либо татарский. Диктуй. – Он записывает слова чёрного всадника в телефон.

Это всё?

Да. Это всё, что мне показали. Идём назад, я хочу в гостиницу, у меня больше сил нет.

– Ещё бы! Ты тут выла полтора часа, я чуть с ума не сошёл. А потом, пока ты в шалаше была, вокруг кто-то ходил. Фиг знает, может, собака. Как-то не по себе.

И пока мы шли назад, Ваня что-то говорил и говорил. Рот у него не закрывался. Но я не слушала, всё думала об этом всаднике, пока не почувствовала, что так ведь и крыша съехать может. Едва мы вошли в номер, я упала на кровать, не раздеваясь.

¹⁴ Виктор Пелевин «Жизнь насекомых»

4.

Выбираюсь из сна, будто из тёмной маслянистой вязкой жидкости, как-то по частям, если бы можно было приходить в сознание частями. Я в детстве так просыпалась: я не сплю, а мой животик ещё спит, это не я сплю, это моя ручка уснула. Мои уши соединяют моё сознание с резким раздражающим голосом, он бьёт меня звуком моего имени. Я не сплю, это мой мозг никак не проснётся.

– Алиса, извини, но я сейчас окачу тебя водой. Тогда твой мозг проснётся.

Ваня, Ваня, я встаю. Который час?

Девять пятнадцать.

Такая рань?

– Я уже созвонился с Толяном. А Ватман уже внизу встречает такси. Ждём только тебя. Сон моментально слетел с меня.

– Какое такси?! Господи, я спала одетая! Ты что, не мог меня раздеть?

– А можно было?

– Ваня, ты не рыцарь! Ладно, я сейчас, только в душ заскочу.

– Алиса, такси пришло десять минут назад! За это время, пока я тебя будил, ты бы всё успела. А то ручка спит, пятка спит, меньше надо спать, принцесса.

– Принцесса? Раньше королевой была.

– Я... королева, конечно! Принцесса – это так к слову пришлось, как принцесса на горошине.

Пока он разглагольствует, я быстро чищу зубы. Плещу воду на лицо, заодно провожу мокрой рукой по лысой макушке. Внимательно смотрю на своё отражение. Так странно. Из зеркала на меня смотрит гибрид Шинейд О'Коннор и Натали Портман из «Вендетты¹⁵». А что? В такую, пожалуй, и влюбиться можно.

Выходим. Садимся в такси. Никто не нервничает, не волнуется. Спасибо им. Потому что, если я не выпалась, я становлюсь нервной и психованной, иногда даже хочется кого-нибудь поддеть. Это кошмар! Через тёмное стекло очков мир становится сумеречным, и я не выдерживаю тяжести век. Уснуть полностью не получается, просто маета какая-то. Нелегко мне даётся мой первый колдовской опыт. Это, видимо, из-за благовоний, Передышала.

– Вань, я извиняюсь за странный вопрос, но у тебя бухнуть нет?

Бухнуть нет, а выпить найдётся.

Что это за присказки такие?

В моём понимании, бухнуть, это минимум пузырь на двоих, а столько – нет. Есть вот это. – Достает блестящую двухсотграммовую фляжку. – Прихватил «коня». Хороший армянский. От благодарных пациентов.

Отвинчиваю пробку, нюхаю. Коньяк – сильное средство, с ним нужно быть осторожной. Ой, всё же Ваня – рыцарь! После глотка, нагретого Ваниным теплом коньяка, я чувствую прилив сил, и глаза, прежде засыпанные песком, открываются. Становится легче.

Водитель, видимо, учуял, повёл носом, глянул на меня и в его взгляде появился какой-то бесшабашный задор. Эх, думает, хорошо, щас отработаю, домой приеду, выпью коньячку и будет хорошо. Алкоголь. Connecting people¹⁶!

Стало просторнее. Мы въехали куда-то в зону частного сектора и после нескольких поворотов и езды по почти открытой местности, остановились у однотипного одноэтажного дома с приусадебным участком. Там нас встретил невысокий толстенький паренёк с хитрым лицом и залысынами в светлых волосах. Это был Толик.

¹⁵ Шинейд О'Коннор – ирландская певица и композитор, для имиджа бреется наголо. Натали Портман – актриса, снявшаяся в фильме «V» значит Вендетта», где героиню бреют наголо.

¹⁶ Аллюзия на рекламный слоган Nokia. Connecting people – Нокия. Объединяя людей.

При знакомстве он всё стрелял по мне своими похотливыми глазками и расплывался в улыбке. Мне он как-то не понравился.

Толик на своей машине отвёз нас ещё куда-то в поле посреди города. Глядя на бетонные плиты, уложенные рядами, можно подумать, что здесь был аэродром.

Там нас ждали две машины. Одна из них – чёрный джип, а вторая – синяя «А-80». Мужчины пошли торговаться, а я осталась в тачке Макса. Сижу, смотрю, как они там. Разговаривают. Ходят вокруг машины. Ватман смотрит пристальнее всех. Всюду заглядывает, нюхает, чуть ли не на зуб пробует. Насмотрелся инструктажей. Потом все отошли, а Ватман за руль сел. И что тут началось! Я даже выскочила из салона, чтобы капот не мешал. То, что я увидела, можно смело назвать балетом. Как там у рейсеров? Дрифт? Он кружился волчком, его носило как-то зигзагами и по кругу, и по квадрату. Резина визжит, дымится, на бетонке следы остаются. Продавцы рты разинули. Да все рты разинули. Длилось представление минуты три, но это было что-то! Я такого раньше не видела. Ватман выходит. Ему аплодируют. Я тоже аплодирую. Ну, Ватман! Из какой-то обычной «А-80» такое представление устроил.

– Идёт, – говорит он, – Берём!

Съездили к банкомату, перевели деньги, и стали счастливыми обладателями синей тачки. Потом поехали обратно на аэродром. Там дали волю себе, покатались, приноровились к машине.

– Ваня, говорю, у тебя есть права, у Ватмана их

нет, так что из города выезжать тебе, а там отъедешь подальше и махнёшься с Ватманом. Ты же выпался?

Ватман кивает.

– Тогда по машинам!

Мы едем по улицам, Ваня – молодец, ведёт уверенно и без рывков. Ватман в штурманском кресле – сама сосредоточенность, а я устраиваюсь сзади, прислоняюсь колючей головой к холодному стеклу и смотрю на убегающий город.

Вот мы проезжаем мимо нашей гостиницы, и мне так хочется в душ. Вот – просека с проводами, и я заставляю себя не закрывать глаза. Это удаётся с большим трудом. А вот и табличка с перечёркнутым названием города, и я отпускаю себя в царство снов...

Часть 2.

Наматывая километры на колёса

Рыцарь

В пути.

За неимением магнитолы, которую босс сразу снял и бросил в бардачок, моя повидавшая виды голова воспроизводит музыку самостоятельно. В данный момент, например, звучит «Smack My Ditch Up» группы Prodigy¹⁷. Она воодушевляет. Под неё невозможно не давить на педаль газа. Вы не представляете, какой это кайф! Всем телом чувствовать под собой отлаженную мощь добротного механизма, работающей в одном с тобой ритме машины. Она – продолжение тебя. Птичка Счастья, так я назвал её, как только увидел. Вы верите в любовь с первого взгляда? По-моему, только такая любовь и существует на свете. Когда я увидел синюю «аудиуху», она сразу мне понравилась. И сразу мелькнуло её имя: Птица Счастья. Имя и фамилия.

Точно так же случилось и с Алисой. Когда её принёс босс, сам ужасно измождённый, она выглядела, как побитое животное, как ростовая кукла без аниматора. Она была без сознания трое суток, а когда открыла глаза, я остолбенел. Несколько секунд вокруг ничего не было. Только её глаза. Её глаза.

Вы не представляете, как мне повезло! Моя жизнь, уже почти закончилась, когда меня встретил босс. А после этого началась совсем другая жизнь! Как будто до этого я вообще не жил. В принципе, так и есть. Потому что период жизни до встречи с боссом – не жизнь, а существование внутри аквариума или, если хотите, презерватива: никакой перспективы. А тут, с появлением Алисы, вообще, пошло крутое кино!

Я почему так давя на педаль? Потому что никак не могу привыкнуть к головокружительной смене событий. Чтобы хоть как-то уравнивать внутреннее напряжение с окружающим миром, который тошнотворно медленно проплывает за стеклом, приходится гнать и гнать вперёд нашу Птичку. Сто пятьдесят! Можно и быстрее. Местами, даже нужно быстрее, тогда сидящая справа Алиса хватает меня за бицепс своей божественной кистью. От этого становится сладко, а в голове играет «Angel» Massive Attack¹⁸.

Офигеть! Я сейчас нахожусь в кругу невероятных людей и событий! В принципе, сколько себя помню, всегда вокруг вертится что-то непостижимое обыденному рассудку. Самое раннее воспоминание о себе – поход в поисках отца в трёхлетнем возрасте. Мама не доглядела за мной в песочнице, и я пошёл искать отца. Так как мира вокруг песочницы и двора вокруг неё я ни разу не видел, я шёл и пожирал всеми чувствами пространство вокруг. Времени, как сейчас помню, не существовало, существовал только внешний мир и восторг. Яркий огромный. И мир, и восторг. Когда передо мной остановилась огромная, дышащая жаром, густо и незнакомо пахнувшая штука (позже я узнал, что это самосвал) и из неё вылез папа, я был счастлив. Потом, когда папа подошёл, это оказался не папа, у него даже не было усов. Не папа, в отличие от

¹⁷ **The Prodigy** – британский музыкальный коллектив, образовавшийся в 1990 году и ориентированный на электронную музыку. Наряду с *Fatboy Slim*, *The Chemical Brothers* и *The Crystal Method*, The Prodigy являются пионерами жанра *бигбит*, который обрёл популярность в 1990-е и 2000-е годы. Группа завоевала множество наград на протяжении всей карьеры. Кроме того, в 2012 году The Prodigy были признаны «лучшей танцевальной группой современности» по версии журнала *Mixmag*.

¹⁸ **Massive Attack** – группа из Бристоля (Великобритания), образованная в 1988 году, пионеры музыкального стиля *трип-хоп*. Электронный стиль музыки группы представлен смесью *джаза*, *хип-хопа*, *рока*, *рэги* и *соула*. Композиции группы звучат во многих телевизионных шоу и фильмах («*Шакал*», «*Бэтмен навсегда*», «*Мулен Руж!*», «*Блэйд II*», «*Доктор Хаус*», «*Матрица*», «*Зона преступности*», «*Зачарованные*», «*Большой куш*», «187», «*Побег*», «*Останься*», «*Пи (фильм)*», «*Удача (телесериал)*», «*Отбросы (телесериал)*», «*Лютер (телесериал)*» и др.).

сюсюкающих бабушек, выглядящих пугающе, спросил по-людски: откуда ты? Я ответил. Мне было три года, и я был смыслёным. Адрес уже знал. Не географически, а хотя бы, как он произносится. Мама учила. Она, наверное, знала, что не всегда сможет уследить за такой пытливой натурой, как я. Не папа посадил меня к себе на колени, и я гордо руля, приехал в знакомый двор, где мама уже устроила пожар. Мне было видно, как мы подъехали к толпе людей, возле которой носилась мама с огромными дырами рта и глаз. А я был счастлив всё время. И когда мама меня увидела, она заразилась моим счастьем и стала счастлива тоже.

Потом приключения стали находиться на мою пятую точку практически всегда. Хоть мемуары пиши. Один только героиневый период чего стоит. Но всё, что было со мной до встречи с боссом и Алисой – просто поход в магазин за хлебом, хотя слово «поход» уже выглядит героически на фоне столь банального мероприятия. И теперь я здесь, давлу на газ, на моём плече лежит рука девушки с невероятными способностями. Она меня одновременно влечёт и пугает. Красива до безумия. А лысая она просто сногшибательна.

– Не надо так гнать! Мы купили эту машину, чтобы ехать с комфортом. А мне на такой скорости не комфортно. Сбавь обороты!

Улыбаюсь. Хорошо, что Алиса спала, когда мы выехали, и босс был за рулём. Она бы вцепилась в него всем телом, даже мне было ссыкотно. Сто семьдесят – сто девяносто на спидометре. Он ниже ста пятидесяти и не шёл! Обгоны эти дикие! Честное слово, сфинктер устал. Когда остановились на заправку, и я вышел размять ноги, мне казалось, что я ползу как улитка по склону Фудзи. Наверное, так же чувствуют себя первые секунды пилоты «Формулы-1¹⁹» после финиша, пока идут на подиум. Как он на ДПС не нарвался? Правда, в таком режиме босс может проехать чуть больше часа, потом устаёт, но за эту гонку он делает столько, сколько мне часа три пилить.

– Что ты ржёшь?

– Босс, между прочим, крайне жёстко водит.

– Я видела, как Ватман выбирал машину, он имеет право ездить быстро.

– А я нет?! – какое-то детское возмущение овладело мной. Есть у неё умение поддеть.

– Не думаю, что ты можешь так же, как он. Поэтому, просто, не гони, и всё! Сто двадцать километров в час – вполне комфортная скорость.

Сжимаю зубы. Беру себя в руки. Она умеет ещё и уколоть. Сбрасываю скорость. Едем и молчим. Магнитолы нет: нечем разбавить это гнетущее молчание. Держусь отметки «120». «Наиболее комфортная скорость». Это в салоне молчание, а внутри меня звучит инструментал «Гвоздей»²⁰. «A Warm Place». За стеклом медленно проплывают огромные, но какие-то безжизненные просторы. Не чувствуется энергетика, чувствуется её отсутствие, как и в мелодии, что звучит в моей голове. В Белоруссии – белорусская земля, и это чувствуется. В Германии – немецкая земля, В Испании – испанская. А здесь какая-то интернациональная. Потому и не чувствуется. Может, поэтому «какой русский не любит быстрой езды»? Из-за сводящих с ума нейтральных просторов. Как в космосе.

– Алиса, – говорю, – ты чувствуешь, что едешь по русской земле?

– Я по асфальту еду, а не по земле. Что на асфальте можно почувствовать?

– Вот и я не чувствую. Как ты, вообще, чувствуешь всё потустороннее? Видишь?

¹⁹ **Формула-1** ([англ. FIA Formula One World Championship](#)) – чемпионат мира по [кольцевым автогонкам](#) на [автомобилях с открытыми колёсами](#)

²⁰ **Nine Inch Nails** ([аббр. NIN](#), часто стилизованное как **НИИ**; в пер. с [англ.](#) – *девятидюймовые гвозди*) – [американская индустриал-группа](#), созданная [Трентом Резнором](#) в 1988 году в городе [Кливленд](#), штат [Огайо](#). Как основной продюсер, певец, автор текстов и музыкант Резнор является единственным постоянным участником группы и несёт единоличную ответственность за её развитие.

– Что-то вижу, что-то чувствую. Запах, вкус, температуру. Просто нужно правильно интерпретировать. Когда-то идут образы, когда-то просто вспышка, после которой у тебя появляется знание. По-разному.

– А призраки? Ты видела призраков?

– Смотря, что ты называешь призраком. Призрак – наиболее сильная эманация энергии, его могут видеть неподготовленные люди, а так их разных много.

– Значит, видела?

– Скажем так: вижу. В любое время. А ты видел?

– Полтергейст в нашей квартире, конечно, не призрак. Не видел, но интересную историю от очевидца могу рассказать.

– Валяй.

Во мне, как раз в тему, включается ещё одно творенье Резнора²¹ «Ghosts I-1» и я продолжаю:

– Когда я учился в универе, у меня был одногруппник Володя. Молодой, почти двухметровый детина с бритой головой. Володя любил фильмы про наци, слушал нацистские марши. Однажды я увидел у него на шее самодельную свастику на цепочке. Если бы не она, я бы с ним и не заговорил. Зашёл наш разговор о национал-социализме и его «прелестях». Он говорил, что сами идеи хорошие, на что я отвечал, что идеи, замешанные на крови, не могут быть хорошими. Мы долго разговаривали, спорили. Я посоветовал ему снять этот символ. Уж слишком он запятнан бесчисленными жертвоприношениями, вряд ли у него хорошая энергетика. Спустя какое-то время он подошёл ко мне и сказал, что больше никогда не наденет на себя свастику.

Оказалось, что жил он в общежитии. Про это общежитие ходил слух, что одним своим крылом оно построено на месте захоронения оккупационных германских войск во время ВОВ. Именно в этом крыле люди иногда видят призрак. Володя проживал в этом крыле. Однажды ночью он проснулся от ощущения тревоги и увидел прямо у своей кровати силуэт в немецкой военной форме и офицерской фуражке. Лица не было видно – сплошная темнота, хотя оно было обращено прямо на проснувшегося. Именно его пристальный взгляд и разбудил Володю. По его словам, под взглядом призрака все его мышцы замёрзли, в то время как квадратик свастики на его груди разогревался, потом призрак отвёл взгляд, и темнота под фуражкой наклонилась над Володей, чтобы рассмотреть тетрадный лист у изголовья, где красной и чёрной авторучками Володей был нарисован флаг гитлеровской Германии. Время, пока экс-офицер рассматривал своё знамя, показалось Володе весьма долгим, не стоит, ведь, забывая, что его сковал жуткий холод, а стальной квадратик жёг огнём. Насмотревшись на листок, призрак выбросил руку в партийном приветствии, повернулся кругом и строевым шагом ушёл в стену. Замороженное тело Володи резко вскипело и покрылось испариной. Дрожащими руками он сорвал свастику с шеи и со стены. Он показывал мне ожог на груди – красное квадратное пятно и след вокруг шеи. Такой вот случай.

– Забавный случай.

– Как думаешь, правда?

– Если всё, как ты рассказал, то – правда. Кладбище нацистов, свастики у изголовья и на шее, новолуние, и вот тебе эманация во весь рост. Тут, даже можно сказать, всё закономерно. А ты веришь?

– Да. Он не врал. Он испугался. А так, как Володя был и близко не актёр, то сыграть этот испуг он не мог.

– Но ты его забавно проучил.

²¹ См. сноску **Nine Inch Nails. Ghosts I-IV** (в пер. с [англ. Призраки I-IV](#)) – шестой полноформатный и седьмой студийный альбом группы, релиз которого состоялся 2 марта 2008 года. *Ghosts I-IV*, задуманный сначала как [мини-альбом](#) из четырёх композиций, представлен в форме четырёх мини-альбомов с девятью треками в каждом. У треков нет названий, есть только номер в списке композиций, идущий с номером тома, и соответствующие изображения в буклете. Описанный трек – первый.

– Почему я? Он сам себя проучил.

– А чей разговор он запомнил, и после случившегося к кому прибежал докладывать? – Она улыбается, потом лицо её снова становится серьёзным, – Да, с тёмными силами шутки плохи.

– Думаешь, Гитлер якшался с тёмными силами?

– А разве нет? Одно только его самоубийство в Вальпургиеву ночь чего стоит? Это же натуральное жертвоприношение! – видно, что эта тема её взволновала, – Если он провёл ритуал, то он просто переселил свою душу в другое тело в другой части света. Я изучала этот вопрос. Вспомни всю их империю. Это же империя, воздвигнутая на магии!

– А СССР? Тоже империя. Тоже сплошная магия. Серп и молот, Первомай. Получается, мы победили Зло в той войне. При поддержке остального мира.

Она фыркнула:

– Мир, просто выбрал из двух зол – Гитлера и Сталина – меньшее. Сталин хоть в своём уме был. В итоге: Империя Зла Советов победила Третий Рейх Зла при поддержке Империи Дряхлого Зла и Империи Зла Чистогана. Победить-то победили, но в процессе делёжки трофеев сами заразились демонами. Рейх Зла разбился на множество осколков. И эти осколки разлетелись по миру, и, судя по рассказу твоего Володи, активно теперь прорастают.

– А где же Добро, Алиса?

– Добро в швейцарском банке за семью печатями и сигнализацией.

Замолкаем на пару минут. Затем Алиса продолжает:

– А жертвы все эти безвинные и замученные всё же по большому счёту не зря пропали. Вся наша медицина на их костях стоит, точнее, на пепле. Каждый раз, когда таблетку пьёшь, вспоминай безымянного бедолагу, замученного доктором Менгеле и генерал-лейтенантом Сиро Исии²².

Я ничего не понимаю, но, видно, что она изучала вопрос.

– А что, – говорю, – у тебя за интерес такой? Я смотрю, ты разбираешься в вопросе.

Она посмотрела на меня, как на жабу, говорящую человеческим голосом – с большим недоверием.

– Ты слышал, что такое «Аненербе»?

– Был у Гитлера такой институт... «Наследие предков».

– Да, который изучал оккультизм, и за время своего существования перелопатил огромную кучу документов, отыскал множество артефактов, одним словом, собрал огромное количество информации на оккультную тему. Вся эта информация либо уничтожена, либо находится в руках победителей. Как подсказывает опыт и закон сохранения энергии, такую информацию невозможно уничтожить. Так что, информация есть – есть и интерес.

– Понятно. Тебе пошла бы эсесовская форма.

– Да пошёл ты!

– Нет, а что такого? Хуго Босс же! Клёвый дизайнер²³.

– Ваня, не шути этим – мне неприятно!

– Молчу, молчу, а то по морде получу, и подвиг свой не совершу!

– Вот и правильно, давай помолчим на эту тему. Лучше расскажи что-нибудь жизнеутверждающее.

²² **Йозеф Менгеле** (16 марта 1911, Гюнцбург, Бавария – 7 февраля 1979, Бертиога, штат Сан-Паулу, Бразилия) – немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря **Освенцим** во время **Второй мировой войны**. **Сиро Исии** (25 июня 1892, Сибаяма – 9 октября 1959, Токио) – японский микробиолог, генерал-лейтенант Императорской армии Японии, проводивший опыты над живыми людьми для получения бактериологического оружия на территории Китая во время Второй мировой войны..

²³ Некоторые считают дизайнером формы Третьего Рейха Хуго Босса, основателя известной дизайнерской фирмы одежды. Всё из-за того, что именно его фабрике поступил госзаказ на пошив формы для СС, СА и Гитлерюгенда. На самом деле, большую часть формы, наград и регалий для СС разработал немецкий художник, дизайнер и офицер СС Карл Дибич.

– Тогда я расскажу, как спас человека.

– Ты спас человека? Интересно! Рассказывай!

– Я стоял тогда на остановке, дожидаясь троллейбуса. Люди, вместе со мной ждущие транспорт ничем не выделялись, они казались частью городского ландшафта. Вдруг мое внимание привлек старичок, явно отличающийся от остальных. Он был вдребезги пьян.

– Вдребезги?

– Да, представь яйцо всмятку, со всей мощью брошенное в стену? Теперь представь всё содержимое яичной скорлупы, стекающее по ровной вертикальной поверхности. Так же и мозг этого старичка, что вдребезги пьян. Его морщинистое лицо выражало недоумение по поводу состояния своего организма. Рассудок еще боролся и был, видимо, удивлен, что нога ставилась совсем не туда, куда ей следовало ступить, а тело, почему-то несло в сторону. Одним словом, выпил старичок. И этот старичок тужится, старательно идет противолодочным зигзагом к остановке по тротуару из основательно тронутого временем асфальта. Очень странно, что мое внимание привлек какой-то алкаш, но, видимо, что-то в нем было... роковое.

Старичок, выходя из очередного виража, не рассчитал траекторию и, резко остановившись, начал опрокидываться назад, в сторону палисадника, огороженного чугунной оградкой высотой в локоть в пяти метрах от меня. Он начал судорожно хвататься за воздух скрюченными пальцами в поисках соломинки и, набирая скорость, повлёкся задом, нелепо перебирая ногами. Сложилось впечатление огромной фанерной игрушки-марионетки, потому что все части его тела двигались независимо друг друга. Да он упился в лоскуты! – я поглядываю на Алису, и вижу, что мой рассказ производит эффект: она смотрит куда-то, явно видя то, что я рассказываю, улыбается и вертит в руке свой амулет, натягивая сыромятный ремешок, скрученный в нитку.

Я, внутренне усмехаясь, продолжаю:

– Старичка, значит, понесло назад, он уткнулся икрами в оградку и плавно расстелился на клумбе палисадника.

– Расстелился? Как это? – ей интересно! Моё эго трепещет!

– Представляешь скатерть, когда ее расстилают перед чаепитием? Как она, разворачиваясь, на мгновение повисает в воздухе параллельно столу и плавно ложится на него, вздыбив кончики потоком уходящего из-под нее воздуха. Так же и этот старичок расстелился – медленно и плавно. Лицо его имело вид человека, с которым подобное происходит впервые. Его посветлевшие от водки и лет голубые глаза были по-детски широко открыты. Он начал перебирать конечностями как лежащий на спине майский жук, – я играю тембром голоса, интонациями и плавно прибавляю скорость.

– Я посмотрел на старичка. Его глаза поймали мои. Меня передернуло. Он как инопланетянин, которого забросили на другую планету, и у него сломалась система жизнеобеспечения! С той секунды, как я его увидел, у меня установилась с ним какая-то связь: я постоянно смотрел ему в глаза. Раньше эти глаза не выражали ничего, в них, кроме недоумения, теперь было полно эмоций, они молили о помощи. Я бросился к нему, поднял его легкое тельце. Он упирался в землю ногами, когда я перевалил его через оградку обратно, цеплялся за меня руками и виновато улыбался. Одет чисто, ухоженный. Видать, где-то случайно загулял. «Как ты дед? – спрашиваю». Он, продолжая улыбаться, кивает и показывает руками, что все нормально. «Далеко живешь»? Мотает головой.

«Проводить тебя»? Улыбка исчезает, появляется сердитая гримаса. Еще сильнее мотает головой. Что я, мол, девочка, провожать меня?! «Дойдешь»? Кивает. «Точно дойдешь»? Смотрит на меня сердито, пытается что-то сказать. «Хорошо, иди. Только ментам не попадайся».

И старичок опять идет к остановке, выкидывая коленца. – Мне, почему-то кажется, что не только Алиса слушает меня.

– Остановка находится выше уровня асфальта: за долгое время и почти ежегодные ремонты она поднялась на несколько слоев. Последний из них щедро стекает на тротуар, подобно черному леднику. Старичок начинает героическое восхождение на остановку. Он переставляет ноги с таким трудом, будто передвигает ими наполненные водой ведра. Длина шагов меньше стопы. Старичок в очередной раз делает усилие для нового шага и нога, неожиданно ставшая легкой, взмывает вверх и тянет хозяина назад под уклон. Старичок некоторое время балансирует на другой ноге, но все-таки делает шаг, потом еще, еще... и вот он на остановке. Скамейка. Там есть скамейка, на которую он сможет сесть. Старичок делает шаг к скамейке, но взбунтовавшаяся вестибулярка снова бросает его назад и немного вправо. Он опять, увеличивая скорость, начинает бежать задом и запинаясь об урну, произрастающую из асфальта рядом с остановкой как раз на уровне коленей старика, как давешняя ограда.

Так как скорость старичок набрал изрядную, эта урна буквально вырывает остановку у него из-под ног. Это падение, в отличие от первого, было быстрым и резким. Старичок перевалил через урну и рухнул на тротуар с метровой высоты, со всего маха приземлившись на него затылком. Хлоп! – резкий хлопок ладонями. Алиса вздрагивает.

– И что?

– И то. Раздался звук, похожий на звук лопнувшего арбуза, «хруп!» и из удивленных глаз старичка в момент удара что-то вылетело. Что-то туманообразное и искристое. Вылетело и мгновенно растворилось. Представь себе, как вылетают глаза у кота мультике «Том и Джерри», когда мышь отрубает ему хвост. Как эти глаза, если разбить их по кадрам, делаются все больше в диаметре и удаляются все дальше от головы, а по бокам, как траектории орбит спутников, полукруглые черточки передают зрителю эффект напряжения, а потом глаза быстро становятся на место. Так же и у этого старичка что-то вылетело из глаз, но не вернулось, а исчезло. Глаза старичка стали пустыми, как стекляшки от бутылок, вдавленные в землю. Мышцы лица расслабились, и он остался лежать с открытыми неживыми глазами. Произошло это очень быстро. «Хруп!» и все!

– Офигеть!

Я в душе радуюсь произведённому эффекту и продолжаю:

– Я смотрю в его глаза и знаю, что он меня не видит. Все, ему каюк! По мне пробежала горячая волна ужаса и в тот же миг исчезла. Страха уже не было. Секунды таяли. Я бросился к старичку. Он лежал и смотрел невидящим взглядом в Никуда. Я наклонился к нему, осторожно коснулся его затылка, посмотрел на руку. Крови нет. Он не дышал. Я зачем-то пощупал его сонную артерию, хотя знал, что пульса не будет. Пульса не было. Я приподнял его за плечи, голова его свесилась, и глаза, повинувшись силе притяжения, перекатились к уголкам. Мой желудок свело судорогой. Я оглянулся на остановку. Люди стояли на местах, только один мужик рядом со мной склонился над умершим стариком. Глаза старичка так и остались удивленными. «Ну, что он?» – спрашивает мужик. «Кажется, всё», – говорю, а у самого в голове вспыхивает: «Время! Не теряй времени!» Сразу подобно стробоскопу мелькают правила ПМП²⁴, оставшиеся в памяти после курсов по медицине в универе. Я с сомнением смотрю в лицо старика. Мысль об искусственном дыхании заставляет брезгливо содрогнуться. В отчаянии я врезаю деду пощечину. Давай, дед, оживай! Не заставляй меня, припадать губами к твоему слюнявому мертвому рту! Представь себе мертвого человека: его глаза распахнуты, но безжизненны, его морщинистый рот приоткрыт, из него пахнет старостью, ни одна жилка не бьется в его лице и теле, абсолютная неподвижность, и тут изо рта выползает муха. Представь, как она трёт своими передними лапами свою голову, потом чистит крылышки и с гуденьем улетает. Так и с этим стариком, только мухи нет: она в моем и твоём воображении. Он, наверное, ко всему, еще и забыл, что такое зубная паста.

²⁴ Правила ПМП – Правила Первой Медицинской Помощи.

– Фу!

– «Давай!» – кричу я и еще раз неловко шлепаю пощечиной по его лицу, стыдясь своей брезгливости и факта рукоприкладства над трупом.

После второй затрешины глаза деда изменились. Он вернулся. Представь себе всплывающий со дна мутного водоема белый мяч. Как однородная темная водная толща вдруг светлеет в глубине, мягкое матовое пятно света стремительно приближается к поверхности и, мгновенно слепившись в белый мяч, выпрыгивает из воды. Так же и старик выплыл откуда-то на поверхность своих глаз. Теперь его удивление сменилось ужасом. Он судорожно со стоном вздохнул и испуганно уставился на меня. Мужик облегченно вздыхает и матерится. «Чего стали? – людям, – «Скорую» вызовите!» Старичок хлопал глазами как младенец. Я поднял деда, мужик помог мне затащить его на остановку и усадить на скамейку. «Эй!», – зову я его. Он смотрит на меня. Теперь, по-моему, он понял всё: глаза излучают яркую ауру испуга и восторга, кадык прыгает, и губы тоже скачут в судорожных гримасах. «Ты в порядке, отец»? Он кивает быстро и резко. «Да скажи ты что-нибудь!» «Сё... сё, – старичок опять кивает головой, – Прядок в танкывых всках-х-х...»

Все уставились на меня. Мне вдруг, почему-то захотелось провалиться сквозь землю. Какая-то дикая ситуация! Сотни раз представлял себе подобные случаи. Помочь. Спасти человека, когда все стоят в остолбенении, не зная, что делать. И вот я сделал это, но как-то гадко на душе, похоже на изжогу. Представь себе, что ты справляешь нужду, самую естественную потребность. И вот уже всё происходит, приятные ощущения охватывают тебя, и тут же махом отворяется дверь и несколько лиц смотрят на тебя в упор. Смотрят с восхищением.

– Образно ты рассказываешь. Только образы у тебя...

– Гадко, не правда ли? Вот и тогда я стоял и чувствовал себя описавшимся мальчиком под горящими восторженными взглядами.

– Но, почему? Ты же, правда, спас его.

– Вот я и думал: неужели я спас его? Может быть, я и не причем. Но почему я оказался с ним в контакте сразу, с первого взгляда? И эти восхищенные глаза людей на остановке! Чему они так восхищались? Необычностью произошедшего, и как следствие, возможностью блеснуть перед аудиторией острой историей? Или убеждению воочию в наличии героев?

Ну, какой же я герой? Я сделал... да ничего я не сделал! Ударил мертвого старика, и все... Я не сделал ничего, ни одной процедуры по его оживлению. Я хотел сделать то, чему учили. Единственное полезное знание из всех, чему учили меня за всю жизнь. Делаю, что могу. Ни больше, ни меньше. Это естественно. И то не смог этого сделать, просто отхлестал его по щекам. Герой.

Алиса смотрит на меня.

– Да ладно тебе, ты молодец. Не скромничай.

– У меня потом долго перед глазами вставали штучки, вылетевшие из глаз старика, штучки, делавшие его глаза живыми. Они просто растворились в воздухе как пшик одеколona из пульверизатора. И ещё одно: штучки вылетели из глаз наружу, а потом всплыли на поверхность глаз уже откуда-то изнутри.

Едем, молчим. Всё, что я рассказал Алисе, случилось со мной на самом деле. Но это не вся правда. Я ей не сказал, что был под кайфом. За полчаса до этого случая, я топтал ногами торчка, который хотел занюхать мою дозу. Зверь, сидевший во мне, не задумываясь, выбил бы из него душу. Я нашёл у него свой дозник, поставился, и пошёл на остановку. Ещё, правда в том, что я не увидел в этом никакого знака, и продолжал колотиться. И спустя месяц мои родители погибли. Но и это не показалось мне знаком. И всё бы закончилось плачевно, если бы не босс. А по поводу скромности: мне не по себе, от того что спасти человека стал способен какой-то наркоман, все остальные даже не пошевелились. Продолжаю ускоряться, и снова рука Алисы на плече:

– Ваня, не гони. А то я возбуждаюсь, а мне это сейчас ни к чему. Мне нужно сосредоточиться. Получила от Гоши инфу.

В зеркале заднего вида мелькнул силуэт босса. Проснулся, соня. Здоров спать! Кошка тоже долго спит, зато какие штуки может по жизни вытворять. Так и босс. Час-полтора гонок на головокружительной скорости и три часа сна.

– Что пишет Гоша? – спрашивает босс.

– Мне сразу читать или сначала самой?

– Алиса, – говорю, – что это за цензура?

– Ваня, а вдруг там что-то личное. Сейчас я быстро по диагонали...

Она ещё и по диагонали читать умеет!

Спустя минуту Алиса продолжила:

– Нет, всё нормально. Здесь только по делу.

Кровь бросилась мне в лицо, я даже на мгновение ослеп и потерял над собой контроль: что значит «по делу», что ещё там за дела у них?! Возможность видеть возникла вновь, и я вернул машину на нашу полосу. Я понял, что спалился. Так и есть, чувствую её пристальный взгляд. Я, наверное, красный или белый.

– Может, остановимся, Ваня? – её голос – прямо в ухо: точно, смотрит. – А то ты не сможешь адекватно воспринимать информацию. Надо внимательно слушать, а не отвлекаться на дорогу.

Что она хочет сказать? Ох уж эти женщины! Всегда у них есть некоторое различие между тем, что они сказали, и что хотели сказать! Но вести машину мне и в самом деле уже расхотелось. К тому же я уже больше трёх часов за рулём. И солнце уже пошло на закат. Останавливаюсь на обочине, стараюсь казаться спокойным. Гоша-хакер! Наверняка, какой-нибудь жирный ботан в очках! А у него с ней уже было что-то личное, что-то не «по делу»! Мне неловко, я чувствую, что мои спутники буравят меня взглядами. Только спокойствие! Спокойно берём бутылку с водой, отвинчиваем пробку, делаем глоток. Водичка смывает волнение.

– Я готов, – приветливо улыбаюсь Алисе.

Она читает:

– «Привет, Алиска. Как ты там? Деньги нужны? Я тут конкретно засел за наш архив. Пришлось писать прогу для дешифрации. Есть результаты. Инфа расшифровывается несколькими потоками. Я попытался их скомпоновать по смыслу, общим словам, стилистике. Идут какие-то отрывки. Подозреваю, что это паттерны, элементы мозаики, части какого-то большого паззла. Как показывает статистика, в одном паттерне зашифровано определённое количество информации, примерно составляющее полторы тысячи знаков. Получилось несколько отрывков, которые я составил вместе. Вот они. Осталось много чего, но этот рапорт сложился первым. Зацени!

«Код 0215

005-му от 135-го

Сопроводительная записка.

Из разработок по артефактам дела «Вата».

В Бразилии агентом 902 были добыты три новых артефакта. Имеют вид одинаковых восьмигранных кристаллов тёмно-фиолетового цвета. Кристаллы приобретены у местного коллекционера. Фото 9x12 в натуральную величину приложено к записке. Согласно его информации

кристаллы были найдены в окрестностях Ольянтайтамбо²⁵ и могут быть квалифицированы как проходящими по делу «Вата».

Средства, затраченные на их приобретение, учтены согласно протоколу 202 (расходный ордер № 32584-02).

Для соблюдения секретности были проведены профилактические мероприятия. Отчёт агента 902 за № Кс-25/3256 предоставлен согласно протоколу 303, тара утилизирована по красному коду.

Средства возвращены и учтены согласно протоколу 202 (приходный ордер ПР 321/25-15).

Кристаллы поступили в лабораторию и тщательно обследованы. Это артефакты стопроцентно причастны к «Вате» и получили инв. номер 02548-02550 соответственно. Их возраст более двенадцати тысяч лет до попадания в кислую среду, т.е. в нашу атмосферу.

После проведения мероприятий по методу профессора Догеля, было установлено, что каждый из кристаллов является носителем информации. При возбуждении их лазером определённой частоты, кристаллы вошли в резонанс и выдали информацию. Такая реакция прослеживается только в определённых частотах и режимах работы лазера.

Таких «резонансных точек» (термин проф. Догеля) несколько, также несколько и «инфотопограмм» (по Догелю).

Суть в том, что каждый из кристаллов выдал что-то вроде трёхмерной топографической карты гористой местности, и в каждой резонансной точке своя инфо-топограмма, и несёт свой шифр. И каждый из кристаллов несёт свою долю информации. Эта информация была обработана спецотделом «Серого» сектора. Информация обрабатывалась разносторонне, но именно аудио-обработка дала результат. Все эти «инфо-топограммы» оказались аудиозаписью голоса, говорящего текст.

«Серым» отделом была произведена работа по идентификации данного языка. Найденная в кристаллах информация оказалась выговорена санскритом с добавлением диалекта. (Откуда санскрит в Южной Америке? Шеф, один факт уже относит эти артефакты к «Вате»).

Также было установлено, что этот голос принадлежит существу с более объёмной гортанью, чем человеческая. При компьютерной обработке была реконструирована 3D-модель головы, произносившей текст. Лицевая часть черепа приблизительно совпадает с человеческой, но ротовая полость объёмнее и объёмнее головная часть черепа, особенно затылочно-теменная. Очень похоже на египетских фараонов, если спрятать череп под их хламиды.

Вот то, что нам удалось расшифровать, исходя из речи обладателя объёмной гортани. Это, так сказать, верхний слой. Некоторые из слов (в тексте подчёркнуто) перевести не удалось. Вероятно, это имена собственные и слова, несущие сакральный, должностной или технологический характер. Всё равно, что перевести на иностранный язык слово: «кореш». По смыслу можно предполагать, о чём идёт речь. Приведённый ниже текст – маленькая часть чего-то целого и обширного. Либо нужно идти глубже для получения более полного обзора, либо эти три кристалла не единственные.

Специалистам, проводившим работу, согласно протоколу 505, стёрта память. Перед процедурой с них взята подписка согласно протоколу 707.

Мáри-Дзб́нго.

Могучий тугáн Мáра-Акра сердит стал на клан Баа-Т-Мáна

²⁵ **Ольянтайтамбо** – современный город и археологический памятник культуры инков на юге [Перу](#) в 60 км к северо-западу от города [Куско](#). Расположен на высоте 2792 метра над уровнем моря в округе Ольянтайтамбо, провинция [Урубамба](#), регион [Куско](#) у реки [Патаканча](#) недалеко от места, где она впадает в реку Урубамба. Хотите знать больше, копайте глубже.

За дерзость его приматула Ма-Атмы на битве милатов.
Ма-Атма, приматул Баа-Т-Маны, присутствуя в ложе тугана,
Дерзнул игнорировать речи Мара-Акры о чести в законе.

К тому же, Ма-Атма надменный во время речей Мара-Акры,
Которым внимала вся свита, включая Неслышащих модзи,
Вовсю флиртовал с Пелькоалью, любимой супругой тугана,
Во время Седого закона шептал ей на ухо смешное.

Сердит стал туган Мара-Акра, ударил он в бубен Мадонго.
Схватили пунпэны Ма-Атму, накинули красные цепи.
И к тем же цепям приковали Пелькоаль по приказу тугана.
И к радости многих из свиты их бросили порознь в темницу.

Могучий туган Мара-Акра хотел их казнить ежечасно,
Но гнев свой умерил, помыслив, придумал им худшую участь.
Наказаны были за дерзость два клана почтенных и славных:
Баа-Т-Мана – клан Ма-Атмы, в котором он был приматулом
И клан Бара-Арра, где первой была Пелькоаль из помёта
В семействе, достойном почтения

И было им всем наказание, достойное гнева тугана:
Семейство каждое в кланах постигло без исключения
Изъятие первенца, коим быть мог, не имеющий пары.
Семействам же дерзких безумцев, изъятым всем поголовно
Со всею прислугой и дворней, туган повелел отправляться
В изгнание из Белал-Бараала, с собой прихватив и всех первых.

Могучий туган Мара-Акра во гневе великий и страшный
Дал бедным изгнанникам время на сборы два дня и две ночи,
А после назначил охоту на всех, кому выпала участь.
И тех, кто освежает добычу, ждёт дома большая награда.

Над столицей повисло стенанье – великое горе коснулось
Значительной части Моэммы, где кланов было лишь девять.
Охотники же из Заозёрья все стали стекаться в столицу,
Чтобы поучаствовать в гоне, где каждому хватит награды.

Могучий туган Мара-Акра, безжалостный и беспощадный
Безмерного страшного гнева огромный пожал урожай:
Три сотни голов преклонённых от младенца до старца седого
Будут терпеть и скитаться, пока не настигнет охотник.

Собрались старшины двух кланов: Баа-Т-Мана и Бара-Арра
Подумать о том, что им делать в лихую глухую годину,
Постигшую, каждого в клане, где каждый лишился кто внучки,
Кто брата, кто сына, их много. Всего набралось их – три сотни.

Баа-Т-Мана и Бара-Арра, почтенные кланы в столице.

Они занимались наукой, торговлей и градостроением,
А также сбором огромного множества разных ковчегов
И много рабочих ходило с эмблемами кланов в петлицах.

При помощи многих усилий они снарядили три судна,
Которые были способны собой проникать сквозь Пространство.
И там разместились по сотне в каждом из этих ковчегов.
В суетной спешке покинули тайно Белал-Бараал.

В Пространстве, огромном и тёмном изгнанники снова собрались
В Андале, где силою мысли держали совет о грядущем.
Ма-Атма, приматул Баа-Т-Маны, один из Жрецов Храма Пришлых,
Тайной секты, что знала о Многом, поведал один из Секретов:

«Давно, когда не было мхагов, на Тёрре были Другие.
Об этом сейчас не услышишь, об этом не учат бхавпесов.
Чужие, Пришлые, Оггры звали тех звёздных скитальцев.
Они потеряли планету и стали скитаться в Пространстве.

И каждый из их ковчегов, несущий множество Оггров,
Бороздил просторы Пространства, искал для себя дом и небо.
Планеты, что были похожи на их дорогую отчизну
Они всю собой заселяли, иль просто сеяли Жизнь там.

Такую же точно планету обнаружили Оггры и в Тёрре,
Которая просто висела безжизненным камнем в пространстве.
Оггры построили местность, создали небо и воду
И дальше потом полетели, оставив там ядра Жизни.

На этих планетах скитальцы оставили тайные метки,
Где есть подробная карта об этих находках и базах.
Такую подробную карту разыскали Жрецы Храма Пришлых,
И Знание Жрецы сохраняли, неся сквозь лихие столетья.

По этим картам мы знаем места, где находятся эти
Планеты, что Оггры засеяли всесильными спорами Жизни.
Они должны быть живыми, а многие даже и с Мыслью.
Так было и с нашей Тёррой, что стала Белал-Бараалом»...

Больше пока нет текста. Ну как, Алиска? Каково? »

– Стоп! – прерываю Алису, – Что за бред? Что за лажу несёт твой Гоша? – говорю, а самого в жар бросает и сердце выскакивает. В дискотеке моей головы сегодня у Трента²⁶ бенефис. То, что я чувствую, лучше всего передала бы песня «Гвоздей» «We're In This Together»: те же недоумение и невероятная буря эмоций, переходящая в тревожную перспективу будущего. Это во что же мы влезли?

– Это всё? – спрашивает босс у Алисы.

²⁶ Трент Резнор (см. *Nine Inch Nails*). «Гвозди» – упрощённый русский перевод названия группы.

– Да.

– Тогда читай сначала, – говорит босс. Его лицо в зеркале такое же отрешённо-невозмутимое, как всегда.

И Алиса читает снова. И снова. Хорошо, что мы остановились. То, что она читала несовместимо с вождением транспортного средства. Башню сносит почище алкоголя.

– Что скажете? Есть мысли? Давайте вместе попытаемся разобраться в этом тексте, – босс невозмутим и спокоен. В отличие от меня. Чувствую головокружение и что-то поселилось в желудке. Ледяное и гадкое, рвущееся наружу. Открываю дверь, и меня рвёт. Фу! Кислятина! Зато голова стала на место. Захлопываю дверь и не показываю вида, будто что-то произошло. Никто не обратил внимания. По телу проходит судорога отвращения. Зубы сковало оскоминой.

– Итак, – снова голос босса, – Алиса, продолжай. Что ты можешь сказать об услышанном? Чем подробнее, тем лучше.

– Что я могу сказать? Что могучий туган, видимо, местный царь... как его... Мара-Акра рассердился на клан... Баа-Т-Мана за то, что он приставал к его жене при всей свите. Он их заключил в тюрьму и справедливо приказал их изгнать, а вместе с ними несправедливо выгнал их семьи со слугами и первенцев всех семей клана. Но так, как был крут, устроил на них охоту, и объявил за ними награду. Набралось триста изгнанников разного пола и возраста. Они сели в три ковчега и полетели на них сквозь пространство.

– И что, по-твоему, такое – это пространство?

– Космос, что ещё за пространство?

– А ты как считаешь? – вопрос ко мне.

Я считаю – плюс в том, чтобы найти оригинальный ход. Пространство – конечно, космос, но ведь...

– Внутри молекулы тоже полно пространства. – О, блеснул!

– То есть микропространство?

– Можно и так сказать. А ты босс, что скажешь?

– Пространство – понятие слишком растяжимое, есть и информационное пространство...

– Мужики! Вы себя послушайте! Какие молекулы? Причём здесь информационное пространство? Ясно же сказано: сели в корабли и полетели!

– Мы отработываем гипотезы. Ладно, давай дальше.

– Сели и полетели. Потом встретились где-то и держали совет...

– В Андале, – говорю, – может быть это именно и есть информационное пространство. Андала. Там же есть что-то про силу мысли.

– Ну, да. «... в Андале, где силою мысли держали совет о грядущем».

– Вот.

– Я продолжаю. И вот, на этом совете виновник всего этого наворота, оказавшийся внезапно одним из тайной секты жрецов, поведал всем тайну своего ордена. Эта тайна состояла в том, что их цивилизация и даже планета... тут я немного запуталась.

– Да там то Терра, то Бел... Беломорканал какой-то.

– Белал-Бараал.

– Тут понятно всё – встревает босс, – когда-то, после того, как Оггры построили новую им планету, она стала Террой, кстати, на латыни терра – земля. А когда появились мхаги, вероятно, мыслящие существа, как люди, и построили свою Моэмму, то ли город, то ли государство, Терра стала Белал-Бараалом. Что ещё, Алиса?

– Изящная версия, Ватман.

– Спасибо, Алиса. Извини, что перебил.

– В той тайне фигурируют Оггры, про которых ты только что сказал. Они потеряли планету, неизвестно по каким причинам, и разлетелись по вселенной в поисках лучшей доли. И

как находили подходящую по параметрам планету, они её тюнинговали, засеивали Жизнью, не знаю, как, может просто микроорганизмы оставляли, а они там сами эволюционировали. Мне такая картинка пришла.

– Красиво, – говорю, – гипотеза имеет место быть.

– Хорошо, Алиса. Иван, ты что скажешь? Готов?

– Что тут добавишь? Алиса всё так образно обрисовала, что я согласен с её оценкой. Я бы добавил детали, почему-то, запали в голову. Там этот царь своей свите втирал закон. Все слушали внимательно, даже «неслышащие модзи» Меня это развеселило. Слушали неслышащие.

– Может, это те, кто только приказы царя исполняют, потому и не слышат никого, кроме царя, – говорит Алиса. – Аналогично нашим глухарям, которые, когда токуют, ничего вокруг не замечают.

– Логично – говорит босс.

– Красиво, – мы с боссом говорим одновременно.

– Что ещё, Иван?

– Ещё меня развеселило место, где царь рассердился и ударил какому-то Мадонго прямо в бубен.

– Ага, вот: «Сердит стал туган Мара-Акра, ударил он в бубен Мадонго.» – Алиса смеётся, – А правда, смешно получается! «Ты Мадонго? Я! Получай в бубен!»

Смеёмся. Я и Алиса. Босс просто смотрит.

– По-вашему, что такое бубен Мадонго? – заговорил босс, после окончания нашей веселушки.

– Может, специальный бубен, как у шаманов, – ответила Алиса, – в него бьют для привлечения и заострения внимания подданных перед действием царя. Бубен делает слова законом.

– А может, просто, образно так сказано, – признаться, мне понравилась версия Алисы, но я не могу не ответить, – Мол, рассердился – ударил в бубен Мадонго. Может, Мадонго этот – бог ревности какой-нибудь.

– Отличные версии. Еще что-нибудь?

– Там ещё была сопроводительная записка. Это, ващце, жесьть! Одни эти протоколы чего стоят! «Средства затрачены», «средства возвращены», «профилактические мероприятия», «память стёрта», «перед процедурой взята подписка». Жуть! Из-за этой бюрократической фигни охотно верится в этот документ. Неслабая у них организация, даже лаборатория есть! А уж какие-нибудь чистильщики и подавно! Твою мать! Во что мы ввязались?

– В том-то и дело, что никто специально ничего не делал, чтобы совпали наши пути в данных обстоятельствах. – Алиса взглянула на босса, тот кивнул. – Значит, во всём этом есть смысл. И чем скорее мы его найдём, тем скорее сможем противодействовать этому аппарату.

– А зачем ему противодействовать? Можно жить параллельно.

– Уже нет никакого «параллельно». Мы пересеклись. Они нас не оставят. Рано или поздно они доберутся до нас.

– Да, блин, за что? – поворачиваюсь к боссу.

– За то, что мы с тобой делаем. – Отвечает тот. – Ты же знал, что ты на войне. Или ты развлекался? Теперь это не важно, потому что война пришла к тебе.

Блин, какая война? Я же безвредный. Мне муху убить жалко, лучше выгнать. Фух! Однако, ощущение, как в скоростном лифте или на американских горках. В глазах светлеет до абсолютно белого света.

Голос Алисы:

– Ваня, с тобой всё нормально? Может ещё разик за дверь? Ты белый весь.

– Дыши! – слышу голос босса, чувствую его руку на макушке, и через эту руку молочный туман в голове вытягивает как насосом, становится легче.

– Всё в порядке, – подаю голос, не с первого раза получается, глотка пересохла, – просто как-то всё быстро, много и неожиданно.

– Так, мальчишки-девочки, – говорит босс, сам устроивший это «Что? Где? Когда?», – я смотрю, что после такой встряски мы уже вряд ли куда-то поедем. Невозможно будет сконцентрироваться на дороге. Моё предложение: заночевать здесь. Костерок разведём, спальники достанем, красота. Время уже к закату. Где мы, кстати?

Алиса смотрит в свой планшет, водит по нему пальцем.

– Ваня, ты заметил, что проехал речку совсем недавно?

– Да, когда ты получила сообщение от Гоши-хакера.

– Ты не обратил внимания на её название?

– Как-то не удосужился, задумался.

– Поздравляю тебя, ты не обратил внимания, как пересёк реку Дон.

– Да ну? Тот самый? А такая, не шибко широкая речка. Истоки, наверное.

– Какие тут населённые пункты поблизости? – Алиса снова водит пальцем по экрану. – Можно на ночлег попроситься. Или, может какой мотель будет по пути.

– Алиса, зачем нам привлекать внимание?

– Но тут же поле, лес...

– Ты ни разу не ночевала вот так, по-походному? – спрашиваю, – Да это же круто! На Дону, на Доне, а?

– Что-то я сомневаюсь. Тут же нет душа.

– Зато здесь есть душа, – улыбаюсь, – да и к тому же, у сельских жителей, не в пример горожанам, более высокая бдительность и градус доверия к органам власти. Ещё настучат. Поверь, тебе тут понравится. Тем более я, вдобавок к мачете, ещё и палатку купил, будешь как королева.

– Если, как королева, то я согласна. По-другому – не согласна.

– Только давайте вернёмся к реке, – добавляет босс, – ночлеги нужно устраивать у воды.

Вечер.

Мы справились вовремя. Когда стало уже совсем темно, наш лагерь на берегу неширокой речушки Дон, вытекавшей из леса на степные просторы был готов к ночлегу. Дрова были заготовлены: пара длинных еловых лесин с обрубленными ветвями и порядочная поленица сушняка. Палатка была разбита, точнее, развёрнута: когда я вытащил палатку из чехла, она выпрыгнула из моих рук и развернулась сама. И её можно было переносить с места на место. Технологии движутся семимильными шагами. Босс сделал нечто похожее на ограду со стороны трассы. Если учесть, что трасса в паре километров от нашего лагеря, нас не видно из-за этого ограждения. Сюда и пригодились еловые лапы. Ещё и на подстилку осталось. Когда босс срубал эти ёлки, он, реально, у них просил прощения, говорил, как с живыми:

– Простите, сестрички. Просто так вас не возьму, как некоторые нехорошие люди, что рубят вас для продажи на Новый год. Не зря вы пропадёте. Станете теплом и светом – согреете путников, станете золой и кормом – вернётесь жизнью.

Пока он там над ними бормотал, я чувствовал, как по хребту и загривку бегают стада мурашек, и волосы шевелятся на голове. А в голове играет Shpongle²⁷ свою очень подходящую к обстановке «Invocation». И не слова босса так вымораживали, а интонации, совпадающие с песней. Он даже, по-моему, плакал. Босс всегда меня поражал! Учитель. Я могу назвать его

²⁷ Shpongle – популярный [британский электронный](#) музыкальный проект, образованный в [1996 году](#), работающий в направлении [психоделического даунтемпо](#) (оно же [psybient](#)). Песня Invocation входит в состав альбома «**Nothing Lasts... But Nothing Is Lost**» группы.

учителем. Что может быть круче учителя? А босс учитель – настоящий, в античном смысле этого слова. Я преклоняюсь перед ним! И при этом даже не знаю, как его зовут. Вообще, круть!

Мне очень приятно, что я подсутился и купил палатку для Алисы. Вот, тоже, персонаж! Я боюсь себе сознаться, но за неё, реально, жизнь отдам! Кто может хотя бы представить такое стечение обстоятельств, что выпало мне? Это невероятно! А с другой стороны, дико жутко – что там, за поворотом?

И сейчас мы отдыхаем, лежим на «пенках» перед костром и ждём, когда сварится самый аппетитный суп в моей жизни: мы забросили в котелок всё, что попало под руку, и было съедобным. Кроме, разве что, свежих огурцов.

Босс развёл два костра, и дрова подбрасывал в костёр, где мы готовили пищу. Мы же полулежим, как римские патриции возле небольшого, но уютного костерка, очагом которого служат перекрестья двух еловых брёвнышек, метрах в трёх от большого кострища. Таким образом, костры обогревают нас с двух сторон, а от нашего костра вообще нет дыма, только свет, тепло и уют, так как он горит ровно настолько, насколько требуется. И света от него ровно столько, сколько нужно, чтобы видеть наши лица. А если посмотреть вверх, то открывается полная картина бытия, без всяких ширм в виде дневного неба. Зрелище вверху завораживает не менее созерцания огня. В голове возникает мелодия серебряных струн, и мне хочется вместе с Уотерсом²⁸ позвать: Неу You! Где вы? Небо, затянутое той бархатной глубокой чернотой, чернее которой нет ничего, и россыпь бриллиантовой крошки, сверкающей и переливающейся. Где-то совсем мелкая тусклая пыль, где-то полновесные камни в радужной оболочке. Весь мир над тобой заполнен сокровищами, как пещера Али-Бабы. Нигде нет пустой черноты, как в городском небе, и есть звёзды, на которые даже больно смотреть. Это непостижимо и вызывает немой восторг. Рад, что я могу видеть всё это. Но знать... Знать, что где-то там множество таких же обитаемых планет, засеянных Огтрами. Такое знание, мягко говоря, ломает стереотипы. Всё отлично, только чувство голода не даёт полноценно наслаждаться ночным небом...

– Продолжим, друзья, – слышится голос босса, я нехотя отрываюсь от неба, оно отвлекало от голодного бормотания моего нутра, и смотрю на него, опять «Что? Где? Когда?» «– Отвечает капитан Козлов. – Не козлов, а знатоков?»

– Что вы хотели сказать о тексте, вы сказали, а вот по поводу записки – не успели. Предлагаю, пока готовится ужин, минут десять посвятить этой теме. Иван высказался. Может ещё что-нибудь, Ваня? – отрицательный жест – все эти протоколы меня пугают.

– Тогда, Алиса, что ты скажешь?

– Это очень интересно. Есть там какая-то «Вата». Не знаю, что это такое, но они нашли артефакты, указывающие на то, что инопланетная жизнь существует. Это подразделение «Ы» выполняет вполне конкретную задачу – сбор информации по этой «Вате» и скрытие этой информации. И это понятно: данный взгляд на мир уничтожает для нас значение Бога, а в нашей цивилизации это неприемлемо.

– А, по-моему, – опять встречаю, – данный взгляд, наоборот, доказывает существование Бога. Но, увы, и тут ты права – уничтожает значение религии.

– Да в любом случае, мы узнали то, чего знать не должны. И вообще, ты не даёшь мне сказать!

– Извини.

Я бросаю взгляд на босса и вижу, как он хитро щурит глаза, а губы ломаются, будто он сдерживает смех. Я ни разу не видел его улыбающимся, лучше бы и не видел. Если это – улыбка...

²⁸ **Джордж Роджер Уотерс** ([англ. George Roger Waters](#); 6 сентября 1943, Большой Букхем, Англия) – британский рок-музыкант, бас-гитарист, композитор, поэт. Наиболее известен как один из основателей (кон. 1965) и лидеров (с конца 1967 до ухода в 1984-м) группы [Pink Floyd](#). «**Hey You**» ([рус. Эй, ты](#)) – песня группы из альбома [The Wall](#).

Алиса не улыбается. Она пристально смотрит мне в глаза и говорит:

– Я хочу сказать, что сбор информации – это не основная задача этого «Ы». Первая и основная задача – сокрытие информации. – Она отводит взгляд на босса, – А ты, что улыбаешься? Что-то смешное сказала?

– Всё отлично, Алиса! Вы оба выдвигаете отличные гипотезы. А в твоём, Алиса, случае – ты говоришь наиболее адекватную версию.

– И эту информацию они сохраняют вполне конкретно. Как там? Протокол 505? Или ещё как? Они же грохнули этого коллекционера! Сначала купили у него кристаллы, а потом – замочили и средства вернули. Так что люди там прямые, как гвозди. И это главное! Остальные эти тексты-инопланетяне меня не интересуют. Всё это – абстракция, а вот люди из этого подразделения – реальность.

– Ты их видела? – спрашиваю.

– Видела. Одного. Как тебя. Наверное, этого Ноль-ноль пятого. Дядю Витю. А ты, Ватман, всё нас спрашиваешь, а что сам думаешь, не говоришь.

– Да.

– Я пытался представить себя этим Ноль-ноль-пятым. Дядей Витей. И не смог. Человек несведущий не сможет разобраться во всех этих кодах и «Ватах». Значит, это глубоко законспирированная организация с широким спектром возможностей. Как показывает опыт, у людей нет надобности скрывать хорошие дела, а всё мерзкое секретят. Тайна даёт власть. Дядя Витя, судя по коду, пятый от вершины, а, значит, его осведомлённость в делах тайных даёт ему власть огромную. Как я понимаю, «Вата» – это код. Для дел по контактам с инопланетной цивилизацией. Я согласен с Алисой. По письму вы сказали много и интересно. Что добавлю я? Я увидел, что по «Вате» у них три географических точки: кристаллы, Южная Америка, Перу – одна; санскрит, Индия, Гималаи – вторая; и Египет, фараоны – третья. Не зря же на головах фараонов – такой головной убор. Об этом есть ссылка в тексте. К тому же, они даже восстановили череп диктора записки. Его описание навело меня на мысль: помните фильм «Инопланетянин» какого-то режиссёра²⁹? Там впервые мир увидел образ инопланетного путешественника. Он похож на меня в маске. И в Египте, кстати, знать красила глаза, делаю их больше, чтобы быть похожими на пришельцев. А режиссёр этот, по-моему, всё знал. И спрятал на виду одну из величайших тайн человечества. Смахивает на заказ американского подразделения «Ы». Для маскировки. Что вполне естественно – если есть такое подразделение у нас, то есть оно и у них. С их свободой слова тайны тяжело хранить. У нас всё намного проще. Тайна – основа власти в нашей стране.

Мы с Алисой переглядываемся.

– А текст послания – маленькая часть одиссеи этих беженцев. Наверняка, дальше там сказано, что они прилетели к нам на землю двенадцать тысяч лет назад. Так как во многих религиях от сотворения мира прошло семь с половиной тысяч лет, наши друзья спокойно вписываются по времени. Вдруг эти беглецы и затеяли здесь всех наших предков.

– А как же Дарвин? – спрашиваю я.

– У Дарвина всё хорошо уложено, кроме человека. Откуда он взялся, что стало толчком для развития? То же самое с Большим Взрывом. Произошёл взрыв. Что взорвалось, где? Человек произошёл от обезьяны. Правильно, если его из обезьяны сделал Бог. Путём генной инженерии. Все эти питекантропы-австралопитеки – плоды неудачных экспериментов. Я в интернете что-то подобное читал. В какой-то книге. Кстати, в самом начале сопроводительной записки указан город в Перу. Ольянтайтамбо. Он фигурировал в той книге³⁰. Я почему и

²⁹ «Инопланетянин» (англ. *E.T. The Extra-Terrestrial*) – фантастический фильм 1982 года, режиссёром и сопродюсером которого является [Стивен Спилберг](#).

³⁰ И. Скляр «Обитаемый остров Земля»

вспомнил, когда услышал. Алиса, будь добра, набери Ольянтайтамбо в поисковике. А про эту организацию скажу: вы оба правы – это не менты, тут дикобразы посерьёзнее.

Босс, или, как его называет Алиса, Ватман встал, подошёл к котелку, снял пробу.

– Готово!

И началось! Воистину, хочешь отвлечься – поешь. Мы со зверским аппетитом уплетали суп в полном молчании, а над нами мерцали мириады миров. Но содержимое наших котелков было в данный момент средоточием всех наших мыслей, а на звёзды мы внимания не обращали. Они смотрели сверху и перемигивались. Моя трапеза закончилась быстро, я был голоден, как удав.

Я облизал ложку и сказал:

– Хорошо, босс, мы знаем всё это. Что есть подразделение «Ы». Что это подразделение имеет информацию об инопланетных посещениях и тщательно это скрывает. Что это подразделение скоро выйдет на нас. И что инопланетяне построили египетские пирамиды. Замечательно! И как эта информация может нам помочь?

Босс молчит. Он сосредоточенно двигает челюстями. Моя тирада повисает в воздухе, и с каждой секундой молчания теряет свой драматизм. Теперь и само слово «драматизм» кажется мне смешным.

– Не знаю, как ты, – произнёс он, когда закончил, есть, – но я более или менее увидел своего противника. Я знаю, на что он способен, знаю, что из себя представляет. Конечно, я знаю не всё, но даже эта крупинка информации уже заставит нас вести себя осторожнее. Мудрец по капле воды может сделать вывод о наличии океанов. Сейчас, пока мы не ускользнули, мы в самой уязвимой ситуации. Знаешь, что такое «по горячим следам»? Наши следы сейчас очень горячие. Как можно меньше контактов. Считайте себя диверсантами на вражеской территории. Пока не доберёмся до места, объявляю красный уровень опасности. Только так можно выжить. У тебя же нет иллюзий на счёт того, что с тобой случится, если ты попадёшься, Ваня?

Трудно представить, а вернее, не хочется представлять, что тогда будет. В мучительстве всех и вся человек всегда шёл гигантскими шагами. И очень далеко ушёл.

– Почему ты думаешь, что нас хотят убрать? А если нам предложат сотрудничество?

– Сотрудничество? И чем ты можешь быть им полезным? Если нас с Алисой можно оставить в живых хотя бы для опытов, то ты им и даром не нужен. Ты – носитель информации, Ваня. По протоколу. Так что нам придётся попотеть. И помни – они враги, и никогда не станут тебе друзьями.

– Я имел в виду, что, узнав эту информацию, я не испытал какого-то облегчения. Всё стало ещё запутаннее и кошмарней. Такое ощущение, что Алисин хакер прислал её специально для того, чтобы понизить наш боевой дух...

Алиса засмеялась.

– Ваня, – сказала она сквозь смех, – это я не над тобой. Вообще... ситуация... это... – её душил смех, – Ой, но про боевой дух, это бомба, – теперь она просто хохочет.

Мне кажется, что я обиделся, но странное умение Алисы подолгу смеяться, а потом выпадать в осадок, говорит о том, что она это делает вне себя, точнее, кто-то делает это за неё. И чему тут обижаться? Человек смеётся твоей шутке. Радоваться надо! Ну, какой из меня боец?!

Алиса так заразительно смеётся, что я тоже начинаю хохотать. Скажу вам, затягивающее занятие. К тому же, хорошее лекарство от тревоги. Я впервые увидел нормальную улыбку на лице босса, а может он по обыкновению своему судорожно дёргал губами, и тени от костра, войдя с этими судорогами в какую-то противофазу, проявили эту улыбку на его лице. Ему идёт настоящая улыбка.

– Это нормальное состояние для обычного человека, – говорит босс после смеховой паузы, – Он должен испытывать страх. Страх – твой лучший друг. Он защищает тебя. Страх удерживает тебя сунуть руку в костёр. И эта информация тем ценна, что ты теперь будешь

их бояться, то есть, будешь осторожным. В нашей ситуации не нужно храбрости, или как ты там сказал, боевого духа. Бой лицом к лицу – вот предмет твоей храбрости. А сейчас твоя храбрость превратится в беспечность. Беспечность в нашей ситуации запеленгуют сразу. Сейчас мы должны быть зайками, и как можно незаметнее добраться до моего друга в Самаре. Видимо, придётся на пару месяцев залечь там на дно. Пластику сделать. Документы. Понадобятся деньги. Я много чего умею, но не умею свои возможности воплощать в деньги. Думаю, пластические операции и паспорта – удовольствия не из дешёвых.

– Не думаю, что деньги будут проблемой, – говорит Алиса, – пусть они тебя не заботят. Пока они у нас есть. По крайней мере, полторы сотни тысяч у меня имеется.

– У меня тысяч шестьдесят наличкой, – говорю, – пока, действительно, проблем нет.

– Я рад, что вы меня успокоили.

Босс поразил меня своей беспомощностью в окружающей нас действительности с первого раза. Как ребёнок! Поэтому все денежные вопросы мне пришлось взять на себя. Его пациенты в благодарность несли немалое бабло. А также дорогой алкоголь, парфюм и деликатесы. Никогда не забуду вкус хамона, и очень мне жаль сторевшую вместе с нехорошей квартирой коллекцию хорошего брендового парфюма. И это самое малое, что они отдали ему. Он их реально вытаскивал из беды. Из чёрной зловонной ямы. Как меня. Ментам я платил дань, к тому же пациенты порвали бы всех за босса, среди них есть влиятельные люди. Так что с законом всё было в порядке по завету Великого Комбинатора³¹. До последнего полнолуния. Блин, я отчётливо ощущаю, как некая незримая часовая стрелка, одним махом перескочила на следующее деление, а та, привычная спокойная жизнь, которая была раньше ушла безвозвратно, как после потери невинности. Ещё точнее будет сказать, что кто-то перевернул мои незримые песочные часы. И как в песочных часах в самом начале отсчёта времени первые песчинки, спрессованные своей общей массой медленно, как бы нехотя, отрываются от всех и падают вниз, а потом, потеряв общее притяжение, всё быстрее устремляются в поток. А на последние действуют уже две совпадающие по вектору силы – сила притяжения Земли и сила притяжения общей массы песчинок. Также и сейчас: мы в самом начале пути и события разворачиваются сравнительно медленно. Но, твою дивизию, если сейчас всё медленно, что же будет дальше?

Возникла пауза. Босс сидит и шурится на огонь, шапочку свою он сдвинул на затылок, обнажив высокий лоб. Так он выглядит моложе, хотя немного похож на гопника. Алиса копается в планшете. По её лицу гуляют разноцветные блики. Пауза закономерна – после такого ужина нужно отдохнуть. Я опрокидываюсь навзничь. Снова надо мной разворачивается Галактика. Млечный путь делит небо на две почти одинаковых части.

Вот как всё устроено: летают всякие Отгры, делают планеты живыми. Потом прилетают всякие Баа-Т-Мань с Бара-Аррами и делают людей. По образу и подобию. Как они там летают, на чём? Это же уму непостижимо: всего лишь один световой год³² – это девять с половиной триллионов километров! Один! А до звёзд невообразимые тысячи и миллионы световых лет! Я припомнил наш разговор о Пространстве. Алиса сказала про космос. Тут всё очевидно. Босс сказал про информационное пространство. Оно тоже существует, вон Алиса сейчас в нём купается, и у этих беглецов что-то подобное было, но, думаю, покруче интернета. Без гаджетов. А я ляпнул про микропространство...

– Слушайте! – осенило меня, – Помните, я сказал про микропространство? Я смотрел на космос, думал, как же можно перемещаться на такие огромные расстояния? Все же знают про «чёрные дыры»? Так вот, я бы так перемещался: подлетаешь к «чёрной дыре», углубляешься

³¹ Остап Бендер – главный герой романов Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок», «великий комбинатор», «идейный борец за денежные знаки», знавший «четыреста сравнительно честных способов отъёма (увода) денег». Один из самых популярных героев плутовского романа в русской литературе.

³² Световой год – внесистемная единица длины, равная расстоянию, проходимому светом за один год. Световой год равен 9 460 730 472 580 800 метрам (примерно 9,46 петаметрам)

в неё и попадаешь в то место, какое нужно через другое измерение. А попасть на Землю из космоса гораздо тяжелее, нежели из какого-нибудь атома кислорода.

– Постой-постой, – отреагировала Алиса, – Ты хочешь сказать, что они появились прямо из воздуха?

– А почему нет? Что, как в фантастических фильмах? Прилетел огромный корабль, фиг знает, откуда, стал на орбиту и давай зашвыривать десант? Это же по-людски нелепо, как и все киношные войны с инопланетянами. Квантовая физика говорит о том, что мы с тобой состоим из тех же частиц, что и звёзды. Просто нужно найти способ перемещения этих частиц.

– А причём тут «чёрные дыры»?

– Это природные кабинки для телепортации. Представляешь, какая там энергия, если даже фотон света, самая быстрая штука во Вселенной не может оттуда вылететь. Там же действуют совершенно другие законы физики.

– Интересная мысль, – согласилась Алиса, – только ты одного не учёл – до «чёрной дыры» тоже нужно долететь.

Оставив меня обдумывать проблему, она обратилась к боссу:

– Ватман, я нашла эту книжку. Захватывающие тут вещи пишут. Нужно будет почитать более пристально. Я не бывала в Египте и не видела это сама, но фотографии говорят сами за себя. Так обработать камень кустарным инструментом невозможно. Тут нужны высокие технологии. Высокие технологии в Древнем Египте.

– Это про пирамиды? – спрашиваю. – Пирамиды строили рабы. А блоки катали по брёвнам.

– А как они потом брёвна убирали из-под блоков? Или верёвки? Как блоки ставили вплотную? Ладно, толпой принесли. Но поставить один к одному без зазора толпой не получится. Вот, посмотри.

Я беру планшет и вижу изображение каменной плиты, на которой видны следы дисковой пилы.

– Ну, – говорю, – «болгаркой» кто-то пильнул, и что?

– «Пильнул». Это гранит, Ваня. И диаметр этой «болгарки» одиннадцать метров. В Египте возле пирамид. В современных условиях нужен целый завод, чтобы так «пильнуть». Где ты видел вокруг пирамид завод? Видишь, Ваня, как твой мозг зашорен. Правильно Ватман сказал, что тайна даёт власть. Прикинь, какая у них власть, ещё на уровне стереотипов. Научат нас в школах, поставят ширмы ещё с детства и вперёд. Таскать блоки для постройки пирамид.

– Кто «они»?

– Владельцы тайн.

– Но это же...

– Невероятно? А то, что сейчас с нами происходит, вероятно? Ты ещё не привык?

Я не знаю, что сказать, а босс опять улыбается.

– Эй, детки, – говорит он, – думаю, вам стоит прекратить все разговоры на эту тему, а то у вас головы лопнут. Не заснёте. А нам нужно выспаться. Скоро догорят дрова в том костре. Когда это произойдёт, мы уберём угли в этот костёр. Останется прогретое место. Можно без палатки спать как на печке. Там ляжем мы с Иваном...

– Нет, я у костра буду спать. На пенке не замёрзну.

– Как знаешь. Ночи уже холодные. Тогда просто двигай брёвна иногда. Два бревна не сгорят, будут тлеть всю ночь. Три сгорели бы.

Алиса поспешно вскочила и убежала в темноту.

– Что случилось? – подрываюсь и я.

– Ваня, у нас есть возможность нагреть пару литров воды?

– Конечно.

– Отлично. Ванечка, нагрей, пожалуйста, водички, – урчит как кошка, – у нас же есть питьевая вода?

– Две пятилитровых бутылки.

– А чистый котелок или чайник?

– Есть маленький котелок, трёхлитровый.

– Супер! Будь умничкой, сделай, пожалуйста.

Она лезет в палатку, а я иду исполнять распоряжение. Чаю, наверное, захотела. Когда пристраиваю котелок с водой над догорающим костром, Алиса выбирается из палатки со свёртком в руке и устраивается на своём месте.

– Ванечка, когда нагреется?

– Через полчаса костёр совсем догорит, нужно бросить пару поленьев, чтобы закипела.

– Не надо, чтобы закипела.

– Тогда минут через двадцать.

– Вот и отлично! Ты – настоящий рыцарь.

Мне приятно это слышать.

Возвращаюсь. Босс смотрит в огонь, Алиса – в планшет. От нечего делать, я собираю недогоревшие ветки и бросаю в костёр.

– Ваня, помнишь, что говорил мне всадник?

– Дословно, конечно, не вспомню, но что факт имел место, помню.

– Да, это интересно, – оживляется босс, – а то с новой информацией, мы забросили необработанную старую.

– Я попробовала написать эти слова в транскрипции и ввела их в переводчик. Ты прав, Ваня, это монгольский язык. И вот что сказал мне всадник, внемлите: «Правильная дорога, госпожа! Сны всё покажут! Они всегда всё показывают! Смотри, госпожа! Ищи господина! Найди свою силу! Сила в соломе!»

– Н-да, – вырывается у меня, факт того, что непонятное нечто говорило с Алисой, пора-жал, но то, что оно передавало адекватную информацию, просто взрывало мозг!

– Что ж, – говорит босс, – всё складно. Это не как в «Детях капитана Гранта». Ты, Алиса, идёшь правильной дорогой. Сны тебе покажут всё, что надо, только смотри. Ищи господина... версии?

Я отрицательно мотаю головой, какие могут быть версии? Ищи господина Холмса?

– Я думаю, так как всадник называл меня госпожой, то «искать господина», значит искать мужа. Причём он говорит «ищи». Понимаете? Не говорит «найди», как он говорил про силу. Найди, я так понимаю, приказ: найди и всё тут! А «ищи» это действие, растянутое во времени. Для начала надо найти силу, подчёркиваю, мою силу.

– Которая в соломе, – добавляю я, весь этот «квест»³³ начинает меня бесить. – Как ты понимаешь «в соломе»? В соломе, как в обрезке стебля? Нужно заваривать и пить, или нам следует искать какую-то копну из соломы, в которой прячется твоя сила?

Мой раздражённый тон так и прёт из меня, хотя я хотел бы его скрыть.

– Извини, – говорю, – Алиса, я загался.

– Не извиняйся, – отвечает она, – это твоя версия. Она единственная. У меня на этот счёт версий нет.

– Так что, и правда, что ли солону заваривать и пить?

– Не есть же её. По крайней мере, это более логично, нежели искать копну, – она говорит вполне серьёзно, – он же сказал «сила в соломе».

³³ **Квест** (*англ. quest*), или **приключенческая игра** (*англ. adventure game*) – один из основных жанров компьютерных игр, представляющий собой интерактивную историю с главным героем, управляемым игроком. Важнейшими элементами игры в жанре квеста являются собственно повествование и обследование мира, а ключевую роль в игровом процессе играют решение головоломок и задач, требующих от игрока умственных усилий

- А какую, – продолжаю я по инерции, поражённый, – ржаную или от пшеницы?
- А может, от овса. Ваня, я слышала то же что и ты!

Умолкаю. Осень наступила, я по дороге видел много сжатых полей, так что в соломе недостатка не будет. Но мне это кажется уж чересчур! Какая сила в соломе, если даже поговорка есть: сила солому ломит?

– Ребятки, – голос у босса ласковый, бархатный, – завязывайте с тайнами. Утро же вечера мудренее. Что сказал всадник? «Смотри сны». А если ты, Алиса, будешь пичкать себя информацией на ночь, то не уснёшь. Теперь твои сны – наш компас. Поэтому, давайте поговорим на какие-нибудь отвлечённые темы.

– Например.

– Положение наше с вами сказочное, почему бы не поговорить о сказках?

– И что можно сказать о сказках?

– Ого, Иван! Сказка – ложь, да в ней – намёк. Помнишь, как дальше?

– Добру молодцу урок. Кто не помнит.

– То-то и оно, Ваня. Кстати, зовут тебя, как главного героя практически всех русских народных сказок. Символично, на мой взгляд. Вот ты что помнишь из сказок?

– Принцесса на горошине.

– Нет, Ваня, это немецкая сказка. Согласен, что там полно уроков для добрых молодцев. Подчёркиваю, добрых. Но нас интересует русские сказки. Мы же на Дону. Заметь, сказки рассказывают совсем ещё детям, пока их души чисты. Что ещё помнишь?

– Помню, что Иван этот, тёзка мой, часто под дурака косил. Ещё помню, что он бился со Змеями Горынычами три ночи. Сначала сделал трёхголового, потом шести, а уж напоследок и девяти или двенадцатиголового, точно не помню. Потом там этот Змей бил Ивана, вгоняя его в землю, сначала по колено, потом по пояс, а в конце – по шею. Что ещё? Помню жар-птицу, мёртвую и живую воду, птицу, чьих птенцов Иван кормил собственным мясом. Яичко упало и разбилось. Много чего из мифов Древней Греции помню, но это не в тему. Ещё помню сказку про спящую красавицу, как принц поцеловал её и она проснулась.

– Ага, правда, похоже на искусственное дыхание рот в рот? А теперь представь, что каждая сказка не только наполненное символами руководство по жизни, как считают учёные, но и летопись. Когда-то давным-давно всё это происходило в реале, ещё не было письменности, и люди передавали истории устно. Самые значимые из них обрастали подробностями, показаниями очевидцев, и переходили из поколения в поколение. После достаточного количества времени былое затянулось повседневными заботами, и теперь только маленькие дети, не обременённые этими заботами, верят в сказки. Сейчас мы с вами в такой ситуации, которую любой психически здоровый человек назовёт сказочной.

– Хочешь сказать, что скоро прилетит Змей Горыныч?

– А он, разве не летит за нами?

– Ой, босс, ты уверен, что я после твоих сказок быстрее усну? Может, поиграем в города?

Губы босса не шевелятся, но глаза лучатся улыбкой:

– В городах я не силен. Могу тебе созвездия показать. Ты знаешь какие-нибудь?

– Большую Медведицу каждый знает, а так...

И босс начал мне показывать разнообразных андромед, кассиопей, геркулесов, персеев и рыб. Я краем глаза заметил движение: это Алиса встала и пошла к котелку. Она пробует воду рукой, берёт котелок и идёт в сторону реки.

– Алиса, тебе помочь?

– Сама справлюсь.

Точно, она же всё про душ говорила. Девочки без воды не могут. Я ей, действительно, сейчас не помощник.

– А вот созвездие Андромеды, – увлечённо продолжает босс, я удивляюсь, как он их находит, тут же миллиарды звёзд, – В ней можно наблюдать спиральную галактику, известную как туманность Андромеды.

Всё это звёздное великолепие затягивает. Вот чего мне будет не хватать в городе.

– Однажды, – говорю после нескольких минут тишины, – мы с приятелем в августе поехали за город посмотреть на звездопад. Сообщалось, что в эту ночь он будет самый интенсивный. Всё было отлично, только звездопада мы не увидели.

– Облака?

– Нет, небо было чистейшим. Просто взошла полная луна, настолько огромная, что не стало видно самих звёзд. Такой яркой луны я не видел. Небо было не чёрным, а серебряным, как будто оно было затянуто вуалью.

– Красиво, наверное.

– Волшебно, но я хотел посмотреть на звездопад. Он гораздо волшебнее полной луны.

– Не спорю.

– Я помню, как, мелкий, ложился во дворе на лавочку и пытался загадать желание, пока звезда падает. И ни разу не удалось загадать. Не успеваешь. Звезда так внезапно проскакивает по небу, что нет никаких желаний – только восторг. Возникает впечатление, что кто-то лазерной указкой по небу чертит. Так что я был несколько обижен на луну.

Я снова вижу движение. Появляется Алиса, одетая в свою пижаму, в комнатных тапочках. Вся такая чистая и свежая. Видя или чувствуя мой взгляд, она жеманно отводит ветку куста и походкой манекенщицы идёт в нашу сторону. Вдруг она вскрикивает, припадает на колени, будто кто-то невидимый бьёт её сзади, потом ещё раз вскрикивает, отмахивается и бежит к нам.

– Что случилось?

– Меня кто-то укусил.

– Куда?

– Первый раз в шею, второй в руку, а третий в поясницу.

– Осы?

– Да, что-то жужжало. А если у меня начнётся аллергия?

– Всё хорошо, королева, не бойся, я с тобой, – говорю, – сейчас всё сделаем в лучшем виде.

– Ой, жжётся.

– Дышать не тяжело?

– Пока нет. Жжётся.

Подвожу её к костру. Да, на её левом запястье у большого пальца я вижу след укуса – красное припухлое пятно с белой точкой в центре. Я беру головешку из костра.

– Что ты хочешь делать, Ваня? – голос у неё испуганный.

– Не бойся, – беру её руку в свою, чувствую, как она напрягается, – яд осы, как все выделения живых существ – это белок. Всё, что происходит с тобой – реакция на этот белок. – Раздуваю головню до ярко-оранжевого цвета, – И как все белки, яд при температуре выше сорока пяти градусов денатурирует, то есть разлагается. – Не прикасаясь к коже, оставляя от головешки только оранжевый отсвет на её руке, вожу её вокруг поражённого места. – Наша задача – нагреть белок до температуры распада. Горячо?

– Нормально, но уже не так жжёт.

– Вот-вот, когда жжение перейдёт в тепло, значит, яд распался.

Босс берёт ещё одну головню и, делает то же самое с укусом на шее. Мы похожи на вампиров, окруживших жертву. Закончив с рукой, нахожу третий укус, он немного выше волнующей ложбинки над ягодицами. Меня так и тянет поцеловать его. Спустя минуту и этот бугорок укуса на глазах опадает и даже не видно поражённого места.

– Где ты этому научился?

- В журнале «Здоровье» прочитал.
- Спасибо. Спасители мои.
- На здоровье.

Это маленькое приключение встряхнуло нас, но после нервного напряжения приходит спад. Вот и мы дружно начали зевать.

Босс лопатой сгрёб все угли, перенёс не догоревшее в мой костёр, бросил на подготовленное место кусок брезента. Алиса попросилась и исчезла в палатке. А я остался лежать на «пёнке», укрывшись «спальником». Вопреки прогнозам босса, мысли меня не одолевали, недолго посмотрев на звёзды, я уснул. Мне снился Иван-царевич, скачущий на волке в межзвёздной пустоте, под песню Depeche Mode «Goodnight Lovers»³⁴ а некто, похожий на Карла Маркса, укутанный в несвежую простыню, метал в Ивана-царевича стилизованные под логотип «AC/DC»³⁵ молнии, сделанные из картона и раскрашенные лимонной гуашью.

Следующее утро.

Пробуждение было не таким мирным, как уход в сон. Я чуть не сжёг себе ногу. Кед так нагрелся, что стал плавиться. И не удивительно, ведь я сунул ногу в самый костёр, который так и не погас до конца. Пришлось плясать по поляне, стаскивая испорченную обувь. Хорошо, что у меня есть ещё ботинки.

Небо затянуло плотным одеялом облаков. Похоже, будет дождь. Босс уже сооружал костёр на том месте, где ложился спать. Мы успели приготовить чай и бутерброды, когда из палатки показалась Алиса. Она выглядела свежо, хотя недовольно сжатые губы, говорили о том, что не всё так радужно.

– Доброе утро, королева.

Алиса кивнула. Она явно не разделяла моего оптимизма.

– Как спалось?

– Нормально, но я, всё же, предпочту эту романтику банальному гостиничному номеру.

– Видела что-нибудь во сне?

– Что-то видела, но не помню, что.

Позавтракали бутербродами с чаем, и, тщательно уничтожив следы своего пребывания, снова выехали на трассу. Вела Птичку Алиса. Вела уверенно, даже немного агрессивно. Она молчала всё утро. Молчали и мы.

Планшет на подзарядке. Тишина, разбавленная шумом двигателя. Но в моей голове после героиновых марафонов никогда не бывает тишины – наследие диджейского прошлого. И выбор композиций произволен. Вот и сейчас по иронии звучит красивая «For Silence» Пола Хартнолла³⁶. За окном проплывает ландшафт. Поля чередуются с лесами. Мысли приобретают стратегически-милитаристическое направление. Сознание оперирует исключительно армейской лексикой: «оперативный простор», «линия обороны», «траншея полного профиля», «танковые клинья». Может, я тоже начинаю что-то видеть, и тут когда-то проходили эти танковые клинья?

Дорога ныряет в лесок, и мы едем в тоннеле из деревьев. Поразительно, как шагнуло вперёд Человечество. Я представляю собой Человека, того, кто смог построить эту дорогу, кото-

³⁴ **Depeche Mode** (рус. *Депеи мод*, в переводе с фр. «Вестник моды») – британский музыкальный коллектив, образовавшийся в 1980 году в городе **Базилдон** (графство **Эссекс**). Эта группа создала собственный стиль в жанрах **электронной** и **рок-музыки** и является одной из наиболее успешных групп мира. «**Goodnight Lovers**» (рус. *Спокойной ночи, любовники*) – четвёртый и последний **сингл** группы из их десятого студийного альбома *Exciter*, и 39-й в дискографии группы.

³⁵ **AC/DC** (сокр. от **англ.** *alternating current/direct current* – переменный /постоянный **ток**) – **австралийская рок-группа**, сформированная в **Сиднее** в ноябре 1973 года выходцами из **Шотландии**, братьями **Малколмом** и **Ангусом Янгами**.

³⁶ **Пол Хартнолл** – один из двух братьев Хартноллов, которые в 1989 году основали культовый электронный дуэт из Великобритании под названием **Orbital**. После разлада между братьями занялся сольной карьерой. For Silence (рус. За тишину) – песня из его альбома The Ideal Conditions.

рая, подчиняясь закону физики, сцепляется с покрышками нашего автомобиля, всего лишь соком деревьев, что тёк бы себе, как и течёт, пока кто-то из Человеков не догадался сделать из него резину. А покрышки – всего лишь малая часть автомобиля... И в каких-то пяти метрах от тебя проносятся прочь места, которые, возможно, никогда не удостоивались внимания людей. Алиса, лысое божество, сосредоточена на дороге. Очередной изгиб серой змеи под колёсами рождает впереди стоящую на нашей обочине машину цвета пастельных тонов. От неё навстречу нам бежит блондинка, размахивая руками, всем телом говорящая о растерянности и страхе.

– Что за... – произносит Алиса и сбрасывает скорость. Босс возникает между нашими головами. Мы медленно катимся к жалкой фигуре в джинсовой юбке выше колен и футболке белого цвета.

– Помогите, – слышно через опущенное Алисино стекло, – там человеку плохо! – наконец, Птичка подкатывается к девушке. В её глазах – отчаянье.

– Помогите!

Босс открывает дверь и, огибая незнакомку, бежит к машине на обочине, метрах в двадцати от нас. Алиса, став рядом с открытой дверью, смотрит вслед удаляющемуся боссу.

Вот он подбегает к машине, открывает дверь и отскакивает назад, будто на водительском сиденье лежит ядовитая змея. И в тот же самый миг я слышу в голове, как Дэйв предупреждает меня криком: *Wrong!*³⁷, и действие закрутилось как пластинка. Незнакомый женский голос говорит:

– А ну-ка, ручки показала! Перед собой держи!

Этот голос так не похож на тот умоляющий крик, что я слышал, пока видел эту блондинку, что вдруг некстати во мне всплыло восхищение её актёрским талантом.

А из незнакомой машины показывается сначала характерный абрис обреза, потом босс, подняв руки, отступает назад, и появляется владелец обреза. Он почти на голову ниже босса, но из-за уверенно направленного вплотную в лицо босса ствола, это особо не заметно.

И в панораме ветрового окна появляется Алиса, безвольно опустившая руки. Блондинка приставила к её голове зловеще блестящую штуку, тоже, кстати, придуманную человеком. Я не разбираюсь в оружии, но ствол небольшой, изящный, наверняка, немецкий. «Вальтер» какой-нибудь.

– Эй, выходи, – это мне. – Давай, шевелись!

Её глаза – само торжество, но всё же, где-то глубоко в них я чувствую растерянность, распахиваю дверь и выхожу.

Босс уже стоит, приподняв руки, а чел с обрезом стоит позади него, целясь ему в затылок.

– Веди их сюда, – кричит он.

– А машина? – в голосе блондинки сквозят нотки истерики, и тут я с ужасом вижу, что это совсем малолетка: ей не больше шестнадцати, наверняка, ещё в школу ходит!

– На х... машину! Веди их сюда!

– Идите!

Мы исполняем приказ. Подходя к машине бандитов, я увидел того, кто целился в босса. В Учителя! Этот мазафакер носил лицо аскета: обтянутые скулы, горящий взгляд, с возрастом – не понятно. В его глазах я увидел голод, тот голод,дыханья которого я не пожелаю никому. Он торчок, и его ломает. Я сам был таким. Я их за километр вижу. По этому голоду в глазах. И этот свет невероятно опасен. Перед этим голодом не устоит никто.

– Возьми скотч, свяжи им руки, – командует он.

Блондинка берёт моток скотча с заднего сиденья и бросает его Алисе. Та ловит скотч.

– Свяжи ему руки, – говорит она, тыча пистолетом в Алису.

³⁷ Имеется ввиду Дэйв Гейен солист группы **Depeche Mode**. «**Wrong**» (рус. Неправильно) – первый сингл с двенадцатого студийного альбома «*Sounds of the Universe*».

Что за ствол? Я жалею, что ничего не знаю об оружии! Что за пистолет у неё?! Боевой или травмат? Что в руках торчка в период ломки обрез, это видно! Никто же не делает травматические обрезы! А с этими пистолетами – фиг разберёшь! Странно, но мной овладело какое-то спокойствие, будто я сижу в зале и смотрю 3D-кино.

– Ты что, глухая? Свяжи его! И не смотри на меня!

Алиса, опустив руки, но сжав кулаки, смотрит блондинке прямо в лицо.

– Что там? – орёт чел с обрезом.

– Алиса, делай, что она говорит, – слышу я свой голос.

То же самое эхом говорит босс.

– Не смотри на меня, сука! – в голосе блондинки слышны нотки паники, – Жорик, она смотрит!

Алиса стоит прямо, как бы, целясь грудью во врага, и исподлобья пристально смотрит в лицо блондинке.

– Эй, шо там за галдёж?! – слышу я голос нарка, – Кто хочет заряд дро...

Его речь прекращается, а я вижу, как босс подныривает под обрезанные стволы, и, выпрямляясь, всаживает с разворота свой локоть в лицо бандита. Тот, в удивлении распахнув глаза, отступает, и в тот момент, когда его нога утверждается, левый кулак босса вонзается прямо в середину его подбородка. Хрясь! У бедолаги не менее двух переломов нижней челюсти! Я вижу, как он, закатив глаза, опрокидывается навзничь и исчезает за машиной. Всё это в ритме «Snakecharmer» «Рычагов»³⁸, и выглядит как банальный слэм³⁹.

Лицо блондинки делается белым.

– Жорик! – она, округлив глаза, направляет пистолет в сторону босса, но тот ускользает из зоны моего виденья – мешает машина. Звучит выстрел, я слышу стук молотка по асфальту и визг срикошетившей пули. Ого, боевой! Но этот звук, в отличие от сырого шлепка вонзающейся в плоть пули, радует.

Второго выстрела она сделать не смогла – дико взвизгнув, Алиса прыгает ей на спину, и, будь неладна эта машина, исчезает с моих глаз.

Я оцениваю время проведённой невольной операции в одну-две секунды. Я вообще не успел ничего предпринять! Только смотрел! И вот я вижу, как босс помогает Алисе поднять блондинку, испуганно оцепеневшую, безоружную. Резко припадаю к земле. В просвете между днищем и дорогой вижу лежащий навзничь бессознательный корпус Жорика. Этот теперь не опасен. Да и та – тоже. Её правую щёку пересекает несколько параллельных царапин – наверняка, Алисина работа. Алиса поднимает оброненный скотч и вяжет им руки блондинки. Всё это в тишине и сопении, лишь скрежет отдираемого скотча.

– Что? – снова голос блондинки тот же, что и тогда, как только мы её увидели – испуганный и растерянный. – Что вы будете делать? – и начинает скулить.

– Разберёмся, – говорит Алиса, и её тон не предвещает ничего доброго и пушистого.

Босс, тем временем, волочёт бессознательное тело бандита на обочину, за машину. Обрез он держит в свободной руке. Он туго обматывает правую руку торчка скотчем у кисти. Отбрасывает её. Потом становится над распростёртым телом, ломает оружие, смотрит, снова ставит в боевое положение, взводит курок, опускает стволы. Но не просто вниз, а, явно прицеливаясь, чуть в сторону от его головы, в распростёртую, обмотанную скотчем правую руку. Я понимаю,

³⁸ Имеется в виду **Rage Against the Machine** (сокращённо **RATM**; в переводе с [англ.](#) – «Ярость против системы») – [американская рок-группа](#), существующая с [1991](#). В их музыке сочетаются и элементы тяжёлого [рока](#) и [хип-хопа](#) (стиль получил название «[рэпкор](#)»), но более всего группа известна своими крайне левыми политическими взглядами. «Рычаги» от созвучных двух первых слов названия группы **Rage Against**, произнесённых в транскрипции.

³⁹ **Слэм** – действие публики на [рок-концертах](#), при котором люди толкаются и врезаются друг в друга, совершая хаотичные действия по нанесению ударов локтями, режее кулаками, и ещё режее – ногами в сторону участников слэма.

что произойдёт, и успеваю отвернуться. Звучит выстрел, гулко затерявшийся в зарослях. В момент выстрела Жорик приходит в себя, вскрикивает, потом снова гаснет.

Скулёж блондинки замирает. О, чёрт! Босс отстрелил ему руку!

– Теперь не будет угрожать другим, – говорит босс с тем удовлетворением, будто только что засеял поле картошки.

– Босс, – говорю, – это не слишком жёстко?

– Это адекватно. Он хотел нас убить. Так же? – спрашивает он блондинку.

Та плачет, её кисти обмотаны скотчем спереди.

– Мы только недавно познакомились. Он меня на машине катал, вином угощал, подарки дарил, говорил, научу, как жить, не тужить.

Босс подходит к ней вплотную и смотрит искоса. Под его взглядом блондинка замолкает и закрывает глаза. Босс стоит над ней около минуты, говорит:

– Понятно. Ладно, – и уходит в чащу, ломая прикороженные травы, высматривая что-то вокруг.

В отличие от босса, нам с Алисой ничего не понятно.

– Чего это он? – спрашивает Алиса? Она явно, как и я озадачена выстрелом босса. А в моём воображении я вижу, как кисть непутёвого налётчика разлетается в кровавых брызгах. Бр-р-р!

– Фиг знает, – тщательно подавляю рвотные позывы и стараюсь не смотреть в сторону нарка.

– Куда он пошёл? – спрашивает Алиса, а блондинка, быстро кивает, подтверждая свой интерес, и не зря: её судьба неизвестна никому, кроме него.

– Только не дайте ему меня так же... – она глядит на распростёртое тело поделника, в её глазах ужас.

Босс не заставил себя долго ждать. Он возвращается, держа перед собой на вытянутой руке какое-то растение. Когда он приблизился, я увидел в его осторожной щепоти куст крапивы.

Он подходит к машине, опускает стекло штурманской двери. Потом берёт блондинку за шею и суёт её в образовавшуюся щель. Поднимает стекло, стискивая начинающую плакать налётчицу, потом, прилагая усилие, толкает её, дверь защёлкивается. И теперь перед нами наклонившаяся в недвусмысленной позе блондинка, зажатая в двери.

– Нет! Не надо! – слышно из салона.

Я смотрю на куст крапивы, и озарение вызывает дикий смешок. Неужели?! Алиса тоже смеётся.

А левая рука босса задирает юбку, обнажая сверкающие соблазнительные полушария, покрытые гусиной кожей. На ней те трусики, которые обнаруживают себя только треугольником над выпуклым великолепием форм, цвета трусиков я, по понятным причинам, не различаю, ослеплённый центральной экспозицией. Босс наносит ей по аппетитным чреслам первый сочный удар кустом крапивы. Теперь её приглушённый вопль заглушает скулёж Жорика, пришедшего в себя секундой ранее. И здесь мои нервы сдали. Весь спрессованный клубок событий с первым криком осознавшей происходящее блондинки разрядился диким хохотом. Я катался по траве, безумно хохоча, и видя, как смеётся Алиса, сидя, в бессилии опустив руки на колени, а лицо её вовсе не радостное, будто смех приносит ей боль. Ой, её рёбра! Меня накрывает волна истерического смеха при виде нелепо дёргающегося голого зада неудавшейся налётчицы. Он у неё малиновый, и уже не такой аппетитный, как был.

Ну, босс крут! Наикрутейше крут! Отстрелил руку чуваку, и тут же порет провинившуюся девку крапивой! Я хотел было что-то сказать в защиту того урода, но теперь просто немею! Тут только слагай оды и легенды! В назидание! Кто ему подсказывает в эти моменты?! Глаза Алисы тоже восхищённо сияют. Конечно, кто сравнится с боссом?! Тоненькая иголочка рев-

ности ткнула в сердце, но это – бред! Это же босс! Непостижимое существо! Меж тем экзекуция закончилась, босс целомудренно привёл костюм блондинки в исходное состояние. И вот она, охваченная крупной дрожью и бурными слезами, уже в объятьях босса, который что-то шепчет ей на ухо, и в его глазах я вижу смесь из боли, усталости и любви. Когда блондинка успокоилась, босс освободил ей руки.

– Как тебя зовут? – спросил он её.

– Вика.

– Виктория. Отличное имя. Машину водить умеешь? – Она кивает. – Тогда засовывай своего дружка в машину. Сама! Тут мы тебе не помощники. Вези его в больницу. Скажешь, нашла на дороге. В ваших же интересах забыть этот инцидент. А ты учись! И не водись с бандитами! Всё, поехали дальше, – это уже нам.

– Ну, Ватман, ты даёшь! – говорит Алиса? Пока мы идём к Птичке.

– Это ты про руку? Знаешь, Алиса, подавляющее число столяров шестого разряда – инвалиды. Пока они делают свою нужную работу, постигают мастерство, чик! – теряют пальцы, на обеих руках. Это же несправедливо!

– Да пьяные, наверное! – говорит Алиса.

– Плевать! Они делали нужное дело, созидали! А этот мудака чуть нас не убил. Чувствуешь разницу? Если бы это был не я, мы бы уже остывали в лесу, а эта глупая Вика уже замаралась бы на всю жизнь!

Хоть у меня в глазах и стоит отстреленная рука того мудака, хорошо, что не видел воочию! Но я солидарен с боссом. К тому же теперь без руки он уже никому зла не причинит, а, возможно, и с иглы слезет. Жестоко, но справедливо. Блин, кто меня поставил судить? Но, думаю, босс прав.

Около часа мы молча едем, только один раз остановились возле какой-то речки, где босс выбросил оружие. Всё это время мой мозг миксовал «Omen» и «Take Me To The Hospital»⁴⁰ и минувшая опасность месила в уме череду событий прошлых суток со скоростью бетономешалки.

– Ты не устала? – спрашиваю, вырвавшись из воспоминаний, к тому же надоело молчание и бесконечное Prodigy.

– Нет, мне нравится водить машину. Когда устану, скажу. Кстати, неплохо было бы пообедать. Наше приключение дико разыграло аппетит, от бутербродов и следа не осталось.

– Тогда смотрим по пути какое-нибудь кафе и останавливаемся.

– Господин Ватман, – говорит Алиса, – поведайте нам, какие гастрономические изыски вы предпочитаете в данный отрезок времени?

– Мне всё равно.

– Как всё равно? Всё равно, есть овсянку на воде или жаркое под трюфелями?

– А какая разница? Овсянка даже полезнее. В ней больше микроэлементов, чем в жарком. Овсянку съел и побежал, а жаркое переваривать надо. Я не делаю из пищи культа. Еда для меня – всего лишь набор питательных веществ. Белки, жиры и углеводы.

– Фи. Как скучно. А ты, Ваня?

– Конечно, я выберу жаркое. А так я пельмени люблю. Только, если сам слепишь. В упаковке – не вкусные. А ты сама? Что предпочитаешь? Сейчас девушки редко едят мясо.

– Я могу позволить себе есть всё.

– А что ты любишь?

– Главное, чтобы было вкусно. Если мне сделают вкусную овсянку, съем и овсянку.

– Пожалуй, что я так же.

⁴⁰ Песни из альбома «Invaders Must Die» всемирно известного коллектива из Великобритании **The Prodigy**.

Первые капли ударили в ветровое стекло, и дворники начали свою монотонную усыпляющую работу. Сложно не заснуть, если ты не за рулём.

– Тебе дождь не мешает? – спрашиваю Алису. Отрицательный жест.

– Дождь кратковременный, – говорит босс.

Беру планшет. GPS говорит о том, что скоро Тамбов. Мы проехали почти половину пути. Пока всё идёт хорошо. Пусть так и продолжается.

– Что там у нас на пути? – спрашивает Алиса.

– Через сорок три километра Тамбов.

– Отлично. Там и перекусим.

Дождь закончился через пятнадцать минут, а спустя еще полчаса мы уже ехали по объездной, оставляя Тамбов по правому борту. Еще немного, и мы остановились возле двухэтажного мотеля с кафешкой, которая своей вывеской обещала «кухню от кока».

Кафе имело рыбацко-пиратский антураж. Стены увешаны сетями, чучелами рыб, тельняшками и якорями. Всё из дерева, старого и просмоленного. Столы и скамьи подвешены к потолку посредством канатов. Мне это показалось приятной находкой дизайнера. За барной стойкой находилась симпатичная блондинка, которая, обводя нас взглядом, зацепилась за меня. Ничего так. Но Алисе и в подмётки не годится. Мы сели за один из подвесных столов. О, приятно, как на качелях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.